

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 46 НОЯБРЬ 1988

ДИАЛОГ ОБ ЭКОНОМИКЕ

СВОЯ РУБАШКА БЛИЖЕ...

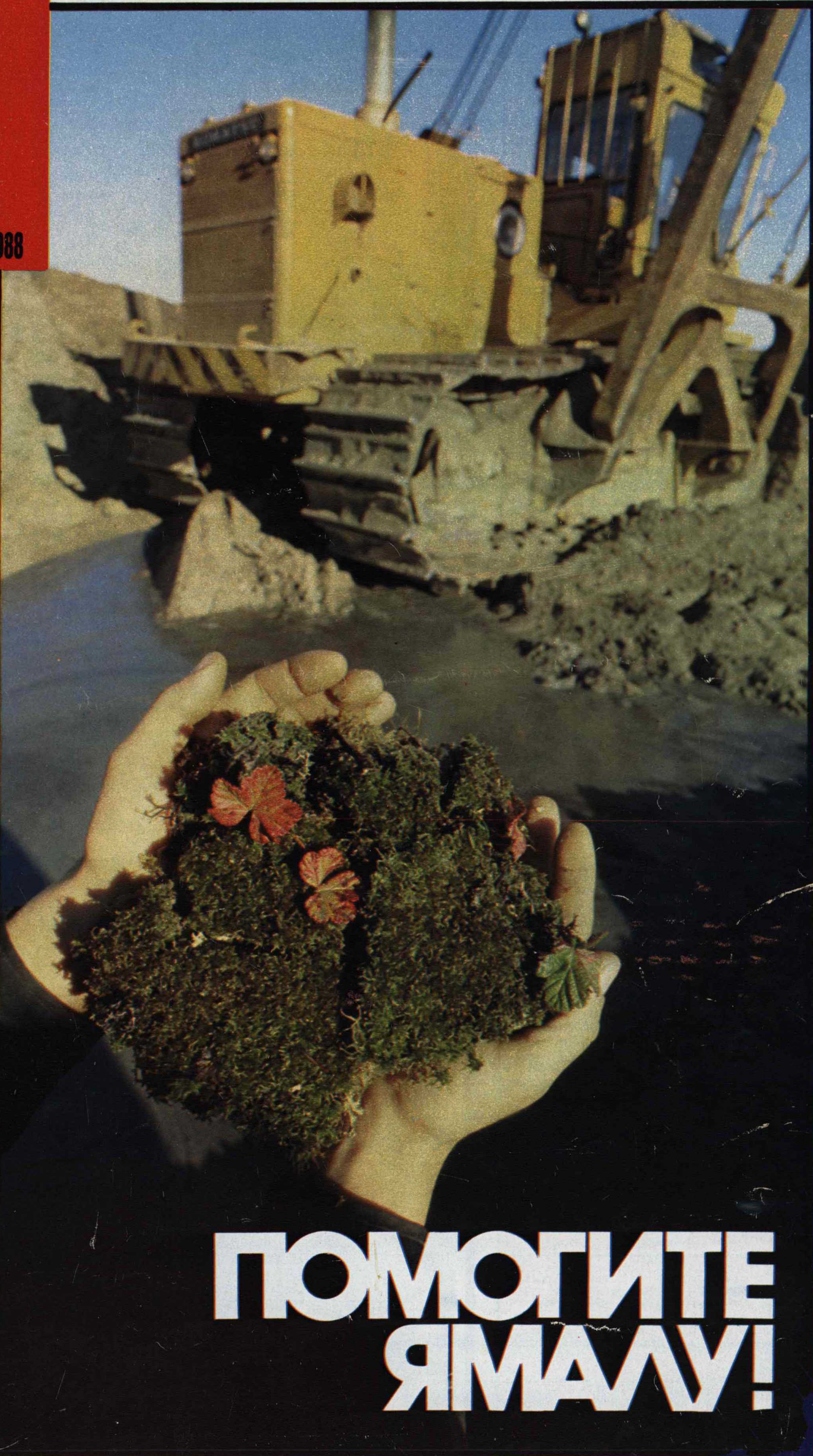

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИВУТ ШЕДЕВРЫ

ОДИН НА ОДИН С ТАЛЛИНОМ

БУДНИ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ

ПОМОГИТЕ ЯМАЛУ!

84-12

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 46 (3199)

12—19 НОЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Тундра взывает о помощи... (См. в номере материал «Цена Ямала».)

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оформление **В. В. ВАНТУСОВА**
при участии **Г. Н. СИДОРОВОЙ**

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-59; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)

(095) 943-00-70

Телетайп (внутрисоюзный) 112349

«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 21.10.88. Подписано к печати 09.11.88. А 10415. Формат 70 × 108 $\frac{1}{8}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 3168.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Так же, как смена времен года,
как майское солнце и как первый предзимний морозец,
стали привычны нам праздничные шествия
по брусчатке Красной площади.
Более семи десятилетий, из года в год...
Но само это слово «демонстрация» только теперь,
в эпоху перестройки,
стало обретать свой подлинный, изначальный смысл.
Загляните в словарь В. Даля и найдете там определение,
которое как нельзя лучше
отражает наше сегодняшнее понимание демонстраций:
«Оказательство, заявление,
гласное обнаружение народом ...желаний своих...».
А желания народа ясно и четко
выражены в Призывах ЦК КПСС к 71-й годовщине
Великой Октябрьской социалистической революции,
и прежде всего в таком из них:
«Воплотим в жизнь решения XXVII съезда КПСС
и XIX Всесоюзной партконференции!
Сделаем необратимой революционную перестройку!»

Москва. Красная площадь.
7 ноября 1988 года.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
Анатолия БОЧИНИНА
и Алексея ГОСТЕВА.

84-12

В конце ноября состоится голосование в Верховном Совете СССР за предложенные законопроекты об изменении и дополнении Конституции СССР и о выборах народных депутатов СССР.

Вчитайтесь в эти законопроекты. При некоторых ценных демократических нововведениях в Конституцию они содержат фактический отказ от норм прямого и равного избирательного права. В них предусмотрены многоступенчатые выборы: мы будем избирать народных депутатов, а уж они на своем съезде выберут Верховный Совет. В них предусмотрено выведение трети депутатов из-под непосредственного контроля рядовых избирателей: этих депутатов будут избирать делегаты съездов или участники пленумов общесоюзных органов общественных организаций.

Раньше были «выборы без выбора» при «прямом и равном избирательном праве». Теперь нам предлагают выбирать, но избирательное право становится не прямым и не равным. Ведь «делегаты съездов или участники пленумов» будут голосовать не единожды, в отличие от остальных.

Нам кажется, что столь радикальные изменения в Конституции должны приниматься не Верховным Советом, а съездом народных депутатов, который намечен XIX партконференцией на апрель 1989 года. До тех пор будет время и обсудить, и доработать законопроекты.

Нужен съезд народных депутатов СССР, чтобы изменить Конституцию, что, кстати, предусмотрено даже в предложенном законопроекте об изменении и дополнении Конституции СССР (ст. 108). А не наоборот, как, судя по предусмотренным сверхсрочным срокам обсуждения — до конца ноября 1988 года, предполагается.

Для того же, чтобы регламентировать порядок всенародного избрания депутатов и созыва первого их съезда, достаточно одного Закона о выборах народных депутатов СССР, проект которого, разумеется, требует доработки.

Считаем: ИЗМЕНЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ — ТОЛЬКО НА СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР!

А. Н. АЛЕКСЕЕВ,
кандидат философских наук,
заместитель председателя ЛО
Советской социологической
ассоциации
Г. А. БОГОМОНОВ,
фрезеровщик,
лауреат
Государственной премии СССР
Ю. М. НЕСТЕРОВ,
кандидат технических наук,
член ленинградского клуба
«Перестройка»

26 сентября на общем собрании коллектива прокуратуры Индустриального района города Ижевска единогласно принято решение об участии каждого работника в создании Мемориала памяти жертв сталин-

ских репрессий. Не по указке сверху и не по согласованию с кем-либо мы прониклись таким чувством.

В бухгалтерию прокуратуры Удмуртии направили письменные заявления с предложением перечислить на счет 700454 всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал» наши односторонние заработки.

«Мемориал совести» не размежевывает — объединяет и очищает. На общем собрании шла речь о поддержке не одного из ставших уже традиционными общественных фондов, а о явлении, вокруг которого если не прямо, то окольно существуют разные мнения.

Вносим скромный вклад в нужное, большое и важное дело. И не для рапорта пишу об этом. Пусть о нашем решении узнают не только учредители. Пусть услышат и те, кто, затаившись, выжидает. Ну и, главное, единомышленники.

Не представляю прокуратуру в роли фигового листочка у служителей и творцов беззакония. В последние десятилетия наряду с принципиальными в ее рядах выражались удобные, компромиссные, дипломатичные, флюгерные «служавцы».

Хочется верить, что в будущем, торжественно вступая под своды Мемориала памяти жертв репрессий, прокуроры будут давать священную клятву неподкупности, честности, непримиримости к произволу, самопожертвования при исполнении служебного долга.

М. К. КОКОРИН,
прокурор
Индустриального района
г. Ижевска

Публикации последнего времени, посвященные академику Андрею Дмитриевичу Сахарову, ставят перед Академией наук СССР да и перед всеми нами вопрос: не настало ли время ходатайствовать о возвращении А. Д. Сахарову звания трижды Героя Социалистического Труда и других государственных наград? Судя по всему, он заслужил их честным трудом на благо Родины в отличие от уже неоднократно называемых в печати «товарищей», запятнавших Золотые Звезды Героев деятельностью, совершенно несовместимой с социализмом, благом народа, чистотой партийных рядов, элементарным человеческим приличием, наконец.

Виктор Борисович ЛОЗИНСКИЙ,
зав. отделом русского и
зарубежного искусства
Рязанского
художественного музея

Много в последнее время говорится и пишется о том, что надо давать дорогу молодой литературной поросли, что надо заботиться о литературной смене. Но на поверку оказывается, что это всего лишь, как сказал бы грустный Гамлет, «слова, слова, слова!».

Очереди в издательствах подлиннее, чем в магазинах. Но вот забрезжила на горизонте для молодых ли-

тераторов звезда. Надо сразу сказать, фальшивая звезда. Мы имеем в виду хозрасчетное издательство — кооператив. Какое заманчивое предложение: хочешь опубликовать свойopus — внеси определенную денежную мзду (три печатных листа — 900—1000 рублей).

Да где же молодой литератор найдет тысячу-полторы-две? Ведь, как правило, истинные литераторы в молодости — народ бедный, «не для денег родившийся».

Товарищи писатели, если все, что пишется и говорится вами, известными, издающимися, маститыми, в поддержку молодых — чистосердечно и искренно, позвольте предложить следующее:

Предположим, 1990 год объявить Годом молодой литературы или лучше Годом новой литературы.

Это значит: все журналы печатают только неизвестных авторов — поэтов, прозаиков, драматургов, критиков, очеркистов, сценаристов... Это значит: все издательства в этом 1990 году издадут книги только новых литераторов (не сотни тысячными и не миллионными тиражами) — молодых и немалых, но не издававшихся по ряду всяких причин в «застойное» время.

Если ж маститый литератор горит желанием издать свою книгу именно в этом 1990 году, пусть именно он вносит в издательство тысячу-две рублей и решается на тираж в три — пять тысяч...

Вот тогда, может быть, появятся истинно интересные новые произведения, новые имена. И этот эксперимент будет справедливым. И он выявит погоду новой литературы.

Товарищи писатели, рискните хоть раз в жизни все как один — посторонитесь, дайте дорогу молодым!

Товарищи редакторы, товарищи критики, поддержите это предложение, а?

Такого эксперимента ни одна в мире страна не проводила. Решайтесь! Решайтесь!

Анатолий РОМАНЕНКО,
член Союза писателей СССР
г. Стаханов
Александр ПОЛЕВИЧ,
член Союза журналистов СССР
Ленинград

В мае нынешнего года в Ленинграде проходили третьи Булгаковские чтения, в которых принимали участие гости из многих стран мира. Участники чтений обратились в ЮНЕСКО с предложением назвать 1991 год Годом Булгакова. Было принято решение провести в этот год, год столетнего юбилея писателя, Булгаковские чтения в Ленинграде, Киеве, Москве.

С чем же придет Москва к юбилейным дням? Ведь Москва для Булгакова — это город, где он стал писателем, город, им «любимый, знакомый, исхоженный вдоль и поперек», а в нем нет даже мемориальной доски в память о писателе. Нет ни памятника, ни музея. В Москве уцелели два дома, в которых жил писатель, один из них, на Большой Пироговской, 34, перестроен, а дом 10 на

Большой Садовой сохранился почти без изменений. Но «существует реальная угроза потерять последний московский булгаковский адрес» (ст. «Сохраним дом Булгакова» в «Строительной газете» от 26 августа 1988 года).

Есть проекты сдать дом «сильной» организации, которая смогла бы привести его в порядок, естественно, для своих нужд. «Строительная газета» пишет о притязаниях на дом Минмонтажспецстроя СССР и Министерства обороны СССР.

Этого допускать нельзя! Необходимо сохранить дом для будущих поколений, сохранить его открытым для всех. Ведь здесь помещались мастерские художников П. Кончаловского, Г. Якулова, в доме бывали С. Прокофьев, Ф. Шаляпин, А. Толстой, С. Коненков, В. Мейерхольд, В. Маяковский.

В этом доме по Большой Садовой в конце 60-х годов стихийно возник «народный» музей Булгакова и героев его романа «Мастер и Маргарита». Кто из почитателей таланта писателя не стоял, затаив дыхание, перед дверями заветной квартиры? Сколько «даров» сделали многие из них, и нашлись люди, которые собирали и хранят их. А Курушин создал прекрасный цветник, с голосовым и музыкальным сопровождением, слайд-фильм о Булгакове. Профессор МГУ А. Т. Фоменко подарил «квартире 50» фотокопии со своих изумительных иллюстраций к роману «Мастер и Маргарита». Есть в музее несколько рисунков Нади Рушевой.

Именно всем этим были вызваны многочисленные обращения творческой интеллигенции в самые различные инстанции.

Указанный дом стоит на учете в Госинспекции по охране памятников архитектуры города Москвы, но и только. Дом гибнет.

Чтобы остановить процесс гибели здания, надо сделать все возможное и невозможное. Вероятных выходов может быть немало. Например, передать дом хозрасчетным творческим объединениям для создания в нем центра культуры. Капитальный ремонт должен вестись в рамках научной реставрации. Дом можно отреставрировать за счет городских средств и за счет добровольно пожертвованных в Советский фонд культуры со стороны творческих союзов, театров, издательств. Необходимо решение Моссовета о создании в доме 10 по Большой Садовой Булгаковского центра.

Экспортно-координационный общественный совет Государственного Литературного музея, состоящий из крупных авторитетов в области литературы, литературоведов, музейных работников, 23 февраля 1988 года принял решение о создании музея — центра изучения и пропаганды творчества М. А. Булгакова именно в этом доме. Но решение пока и осталось решением. Его необходимо претворить в жизнь, и не последнюю роль здесь должен играть Краснопресненский райисполком столицы.

Тамара Борисовна КУДРЯШОВА
Москва

Сейчас, в период пересмотра законодательства и создания правового государства, считаю необходимым предусмотреть нашим ученым-правоведам возможность проведения частных платных экспертиз по ходатайствам адвокатов или граждан (как подсудимых, так и потерпевших). Такая мера позволит не только взять под контроль и эту «закрытую» сторону деятельности правоохранительных органов, но будет способствовать укреплению законности, расширению гласности и демократизации как общества в целом, так и суда.

Эксперт, давая то или иное заключение, будет знать, что его выводы могут быть не только подвержены сомнению, но и проверены. Такая мера позволит также устранить вмешательство должностных лиц в работу эксперта и следовательно.

Валерий Владимирович БУРОВ
Киров

Благодарю вест из Грузии донесла «Литературная газета» от 14 сентября 1988 года (№ 37): в Тбилиси начато строительство памятника жертвам репрессий сталинской эпохи. Опубликован номер счета для пожертвований. Готов и проект памятника скульптора Д. Микадзе и архитектора Р. Беридзе. Все это по душе тем, кто не желает, чтобы страшная память о сталинщине покрывалась ржавчиной забвения. Тревожит лишь одно — место будущего мемориала.

Минувшим летом довелось побывать в Тбилиси. Поднимался на фуникулере на гору Мтацминда, на склоне которой будет памятник. Думаю, немало будущих паломников к нему воспользуются вагоном фуникулера, ведь большинство оставшихся в живых «винтиков» и «крупночек лагерной пыли» — люди преклонного возраста, а гора крута. И, уверен, каждый из них испытает шок, подобно мне, когда прочтет солидную вывеску у входа на платформу фуникулера: «Парк культуры и отдыха им. И. В. Сталина». Экскурсовод пояснил нам, что при Хрущеве парк стал безымянным, а при Леониде Ильиче снова обрел «почетное» имя.

Поймите меня правильно: я обеими руками голосую за то, чтобы памятник жертвам сталинщины слился со святыней грузинского народа — храмом святого Давида на склоне Мтацминды. Я смирился (скрепя сердце, как звук расстрелянного в 1937 году на станции Зима Иркутской области моего деда русского интеллигента Жуковского Владимира Ивановича), я смирился с тем, что есть на земле, в Гори, музей садиста. Но с таким издевательством над здравым смыслом, памятью и болью миллионов, как это — мемориал жертвам палача в парке имени палача, смириться не могу.

Уверен, меня поймут грузины, тбилисцы. Поймут и исправят еще не окаменевшую нелепость.

Владимир Иванович ЖУКОВСКИЙ
Ленинград

В газете «Вечерняя Москва» от 9 сентября с. г. в рубрике «Справочное бюро разъясняет» сказано, что погашение займов 1953—1956 годов будет продолжаться по мере накопления материальных и финансовых ресурсов. В имеющихся у меня ответах из Министерства финансов СССР таких стереотипных отписок множество, но никогда мне не ответили по существу поставленного мною вопроса о **незаконности этих непрудуманных отписок.**

В журнале «Огонек» № 24 мною было подробно изложено, как Минфин СССР бездумно **нарушает закон и творит антиконституционные действия**, отсрочивая погашение оставшихся займов 1953—1956 годов до 1996 года. Теперь допустим, а основания для этого имеются, что Минфин не накопит финансовых ресурсов, так как министр Гостев уже об этом предупредил в Совете Министров СССР (газета «Известия» от 13 сентября 1988 года), сказав, что в будущем году дефицит госбюджета составит десятки миллиардов рублей. Тогда первыми удар получат инвалиды, участники войны, ветераны труда и престарелые пенсионеры!

В «Литературной газете» от 3 августа с. г. академик Тихонов привел достаточно данных, когда меллиораторы закопали в поля и канавы 79 миллиардов рублей, что ежегодно ассигнуется безвозмездно совхозам 50 миллиардов рублей и колхозам — 23—25 миллиардов, а если еще добавить, что содержание недавних 18 миллионов аппаратчиков обходилось в 40 миллиардов рублей (сколько сегодня?), то вполне естественно, что оплатить займы — долг старикам, оставшуюся сумму в 9 миллиардов рублей, государство не в состоянии.

Долг — это обязательство, а оно подлежит исполнению в установленные сроки. В период застоя я на письма ответа не получал, и у меня нет никаких надежд, что я получу обнадеживающий ответ и что наши облигации 1953—1956 годов будут в ближайшее время погашены.

В заключение скажу, что очень хотелось бы получить ваше разъяснение. В газете «Известия» от 24 июля 1988 года сказано, что в первой половине нынешнего года в народном хозяйстве получено более 8 миллиардов рублей сверхплановой прибыли. Как понимать: с одной стороны прибыль, а с другой — дефицит? Может быть, кто-нибудь толком объяснит это при теперешней гласности.

М. Н. КЛЕЙНМАН,
участник трех войн:
1-й империалистической,
гражданской и
Великой Отечественной,
персональный пенсионер

В констатации того факта, что наше общество сейчас вновь задается «проклятыми вопросами», кто виноват и что делать, нет ничего оригинального. Мы так долго вращались не только друг к другу, но и главным образом себе, что надо же когда-то разобратся, что же мы на самом деле в нашем прошлом и настоящем. Меня не утомляют, как некоторых из окружающих, многочисленные трудные переносимые публикации о нашем прошлом, потому что как может утомлять или надоедать правда? Я думаю, что необходимо одновременное решение обоих вопросов, и о вине, и о задачах текущего момента. По обоим из них наша пресса (и ваш журнал в частности) высказала много интересных мыслей. И все же самое здоровое суждение о том, «что делать», я встретила, как это ни удивительно, у американца — политолога, профессора Колумбийского университета Северина Биялера («Советская культура», 24 сентября).

Он, как мне кажется, очень верно оценивает как следующий значительный (может быть, решающий) этап перестройки предстоящие выборы в парторганизациях и в местные Советы. «Пока, — говорит он, — надо учить людей избирательному закону, тому, как можно и как нельзя избирать. И самым простым путем, как вести собрание, например. Чтобы руководитель на собраниях не затыкал рот рядовым работникам».

Вы именно это и делаете, рассказывая о выборах на РАФе и т. п., о конфликтных ситуациях. И тем не менее почему бы не открыть на страницах журнала «школу демократии», где квалифицированные специалисты рассказали бы именно о том, что делать в конкретной ситуации. Скажем, институт Заславской анализирует почту именно под этим углом зрения, обобщает наиболее типичные нарушения демократии, гласности, а социолог или юрист дают рекомендацию, как действовать в том или ином случае.

Или вы считаете, что демократический ликбез нам уже не нужен и (как сказал еще год-два назад один из читателей «Комсомолки») пусть Штаты учатся у нас?

Е. ГЛУШАК
Днепропетровск

В журнале «Советский экран» за июль 1988 года № 14 напечатана статья Д. Данина «Суд сердца», в которой говорится, что в сталинские времена приговор «10 лет без права переписки» в действительности означал расстрел.

Это был палаческий обман и палаческий расчет, что через десятилетие некому и не с кого будет спрашивать за эту ложь. В дополнение к этому хочу еще раз сообщить, что организаторы этого обмана для большей убедительности через 10 лет после приговора выдавали родственникам расстрелянных фальсифицированные свидетельства о смерти своих жертв «от упадка сердечной деятельности» и по другим надуманным причинам.

К сожалению, в настоящее время даже со стороны прокуратуры оказывается противодействие и нежелание раскрывать тайны преступной деятельности органов безопасности в период сталинских репрессий. В г. Томске и Томской области в тот период погибли от беззакония десятки тысяч человек. В области известны места массовых захоронений расстрелянных ни в чем не повинных людей в Асиновском и Колпашевском районах.

Ознакомившись с делом отца Поповича С. П., расстрелянного в 1937 году и посмертно реабилитированного в 1957 году, мне было отказано прокурором Томской области тов. Князевым А. И. Считаю, что в интересах происходящей в стране перестройки об этом нельзя молчать. Необходимо пересмотреть инструкции, запрещающие ознакомление с делами репрессированных родственников.

Н. С. ПОПОВИЧ
Томск

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» возмещение нанесенного гражданином ущерба производится за счет средств государственного бюджета.

Этот факт вызывает недоумение, почему за грубейшие ошибки следствия рассчитывается государство? Мне кажется, что на нынешнем этапе развития нашего общества уже давно настала пора для внесения изменений в данный Указ. Надо возмещать ущерб за счет должностных лиц, допустивших незаконные действия. Возмещение ущерба за счет лиц, виновных в незаконных действиях соответствовало бы принципам социальной справедливости, а также укреплению социалистической законности.

Данный Указ был принят в период застоя, и можно лишь недоумевать, почему рабочие и служащие, причинившие материальный ущерб государству, несут материальную ответственность, а работники следствия расплачиваются за счет государства? А ведь объектом незаконных действий является советский человек. Неужели государство у нас такое богатое?

Пользуясь случаем, также хочу поставить под сомнение принцип, который как аксиому любят повторять работники всех правоохранительных органов, а именно «незнание закона не освобождает гражданина от ответственности». Но возникает вопрос, а по чьей вине человек не знает закон? Ведь не всегда он виноват в этом. В период застоя законы и другие нормативные документы в очень малых количествах доходили до народа, и вина в этом также лежит на тех, кто должен был отвечать за правильную постановку работы средств массовой пропаганды советского законодательства.

Поэтому считаю, что незнание советскими гражданами закона не должно также освобождать от ответственности и тех, кто отвечает за просвещение советских людей в юридическом аспекте.

А. П. ЗОРЕНКО
Ташкент

Вступительные экзамены — это всегда волнения, тревоги. И, конечно же, неизбежны огорчения, что вполне понятно: учиться в высших учебных заведениях, получить высшее образование мечтают многие выпускники школ, но зачисляются в вузы лучшие, наиболее подготовленные юноши и девушки, отобранные в результате конкурсных экзаменов. Однако то, с чем столкнулись абитуриенты на вступительных экзаменах в Московском инженерно-физическом институте, выходит за пределы здравого понимания.

В нынешнем году отбор будущих студентов здесь проходил по раздельному конкурсу, суть которого заключается в том, что для москвичей был установлен проходной балл значительно ниже, чем для иногородних. Члены приемной комиссии объяснили такое беззаконие ограниченным числом мест в общегородском. Но не парадокс ли это? Как можно ставить в зависимость от московской прописки подготовку кадров для исследовательской работы в области физики — одной из ведущих наук современного естественного прогресса? Ведь при этом теряется сам смысл конкурсных экзаменов.

За всем этим видится явная незаинтересованность в приеме иногородних. Они составляют небольшую часть общего набора. Задача отсеять тех, кто не имеет прописки, вольно или невольно формирует у экзаменаторов предвзятое отношение к таким абитуриентам. В таком случае не честнее было бы объявлять прием студентов только среди московской молодежи?

Так или иначе, ясно одно: раздельный конкурс — не лучшее решение проблемы. Не следует идти нашей науке по пути наименьшего сопротивления. От этого она только проиграет.

Т. РУДЕНКО,
член Союза журналистов СССР
Тирасполь

Наш адрес:
Москва,
101456, ГСП,
Бумажный проезд, 14.

РОДИТЕСЬ В СОРОЧКЕ ФИРМЫ «МОСКВА»!

Константин БАРЫКИН,
Павел КРИВЦОВ
(фото)

Модельер известной западной фирмы: «Сначала еду в Италию, — она диктует моду. В Париже изучаю портновский дизайн. В Англии делаю зарисовки классического стиля. В Кёльне знакомлюсь с деловой, солидной одеждой. И только после этого сажусь за коллекцию сорочек, а фирма заказывает под нее ткань...»
Главный художник объединения «Москва» (одна из крупнейших фирм по пошиву сорочек: годовая программа — более 12 миллионов изделий) Нина Матвеевна Соловьева избавлена от утомительных командировок. Она добирается до «Трехгорки» и доказывает тамошним, что такая вот унылая, жухлая, изначально никудышная ткань давно уже не в моде.

покупатель разборчив, — увещевает Соловьева.

Договорить ей не дают: «Знаем, знаем...» И высыплют ворох абсолютно объективных причин и следствий.

Тогда художница отправляется на Глуховский комбинат, но ведет себя там потише. Хлопчатку, однако, отстаивает. Только просит заменить непонятного цвета краситель, идущий на ткань, посылаемую швейникам под псевдонимом «голубая».

«Неужели всюду дальтоники? — думает иногда. — Отчего же не печатся?» Но размышление это художница от себя отгоняет, как неделовое.

Вернувшись же, поудобнее устраивается за дисплеем новейшего компьютера и вызывает на экран разные цвета и расцветки — для души, чтобы успокоиться. Затем прикосновением к клавише стирает это буйство красок и ищет цвет попроще. Поближе к тому, что видела у поставщиков. И начинается обычная работа...

— Такую сорочку хоть сейчас приобрел бы, — замечаю я, когда знакомят с коллекцией-88, а затем с ее продолжением, — оно приготовлено на сезоны 1989 года: на зиму и на лето, на весенние денечки.

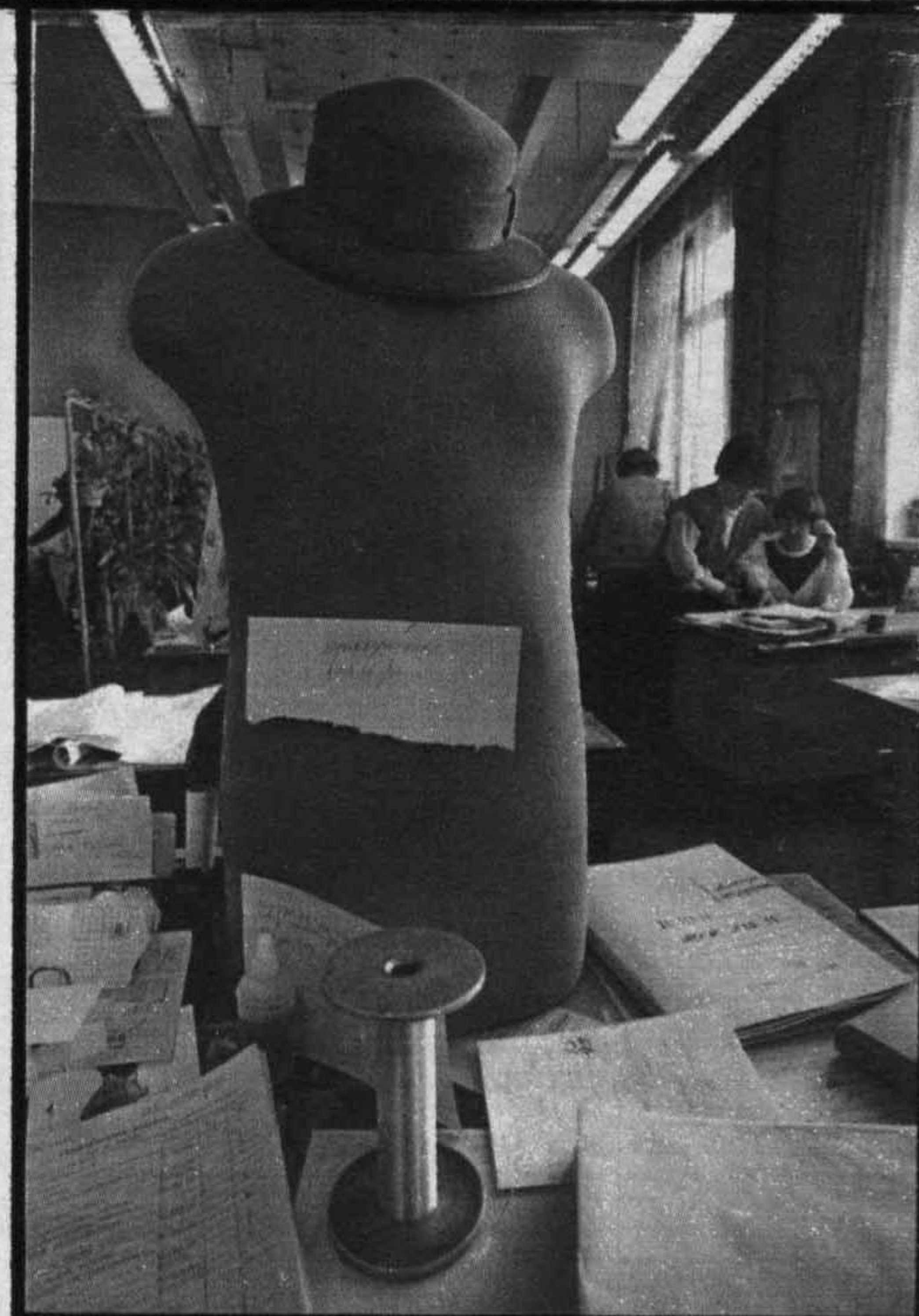
— Я бы тоже купила мужу, — соглашается кто-то из присутствующих. — Да где взять, одна такая...

Другие модели чуть менее элегантны, но все же хороши. Их бы на прилавок. «В магазины и отправим. У нас теперь два фирменных, подумываем о третьем, на улице 25-го Октября, в центре».

Самые красивые рубашки получают из тканей, купленных в Китае и Югославии. Есть несколько молодежных, очень смелых моделей. «Кто автор?» — спросил я. «Марина Цветаева, — отвечают мне. — Ведь это ее формула одежды: «Что не красиво на ветру, есть уродливо». Большие русские художники — и живописцы, и мастера слова — всегда были близки к моде. И хоть поостерег русский философ Николай Федорович Федоров, хоть и говорил он, что негоже «несходство» принимать за «превосходство», все же каждый стремится к оригинальности.

Художники фабрики получили право на авторские модели. Если вы увидите в магазине сорочку с вышитой на кармашке монограммой «НС», покупайте немедленно. Это разработка Нины Соловьевой.

Однако при бедной рынке не только авторские, все модели «Москвы» раскупаются ходко, не залеживаются. Еще вчера в магазинах были сорочки если не от Кардена, то от таких иносфирм, у которых есть очень красивые этикетки, — их любит неизбалованный и невзыскательный наш покупатель. Ныне импортные закупки сведены к минимуму. Швейники и торговля по этому поводу особых сожалений, похоже, не высказывают. Когда нет конкуренции, идет все. Самый надежный способ ухудшить товар — исключить возможность сравнения и выбора. И если еще вчера не все сшитое «Москвой» раскупалось, то теперь положение изменилось. К чести коллектива предприятия, он не спешит воспользоваться такой конъюнктурой. Швейники объединения

И манекены хотят быть модными?

подняли планку не до рекордной, но все же профессиональной высоты и хотят продержаться.

Несколько дней назад к директору одного из филиалов объединения Николаю Сергеевичу Слынько пришли ра-

ботники ОБХСС: «Ваши рубашки?» Поначалу отказался: «Не наши». Очень уж хорошо были упакованы — целлофановый пакет, булавочки, стоечка под воротник. Но присмотрелся, признался: «Наши». Оказалось, покупает эти рубашки находчивый кооперативный люд по 16 рублей за штуку и, красиво упаковав, продает по двадцать восемь. Идут. До ОБХСС уже дошли...

Но, несмотря на репутацию, несмотря на то, что рубашки «Москвы» можно выдать за «фирму», положение все тревожнее. Такое идет сырье, хоть плачь... Заместитель генерального директора Марина Александровна Барадуля развернула передо мной бумаги: в 1985 году первосортный хлопок составлял 85 процентов от всего полученного, ныне его доля сократилась еще на пять процентов. При масштабах объединения — это многие тысячи сорочек.

Можно, конечно, шить и не из хлопка. Но автор бестселлера «Одежда для успеха» Дж. Маллой предупреждает: «Безусловно — хлопок!» Он считает эту ткань лучшей для рубашек.

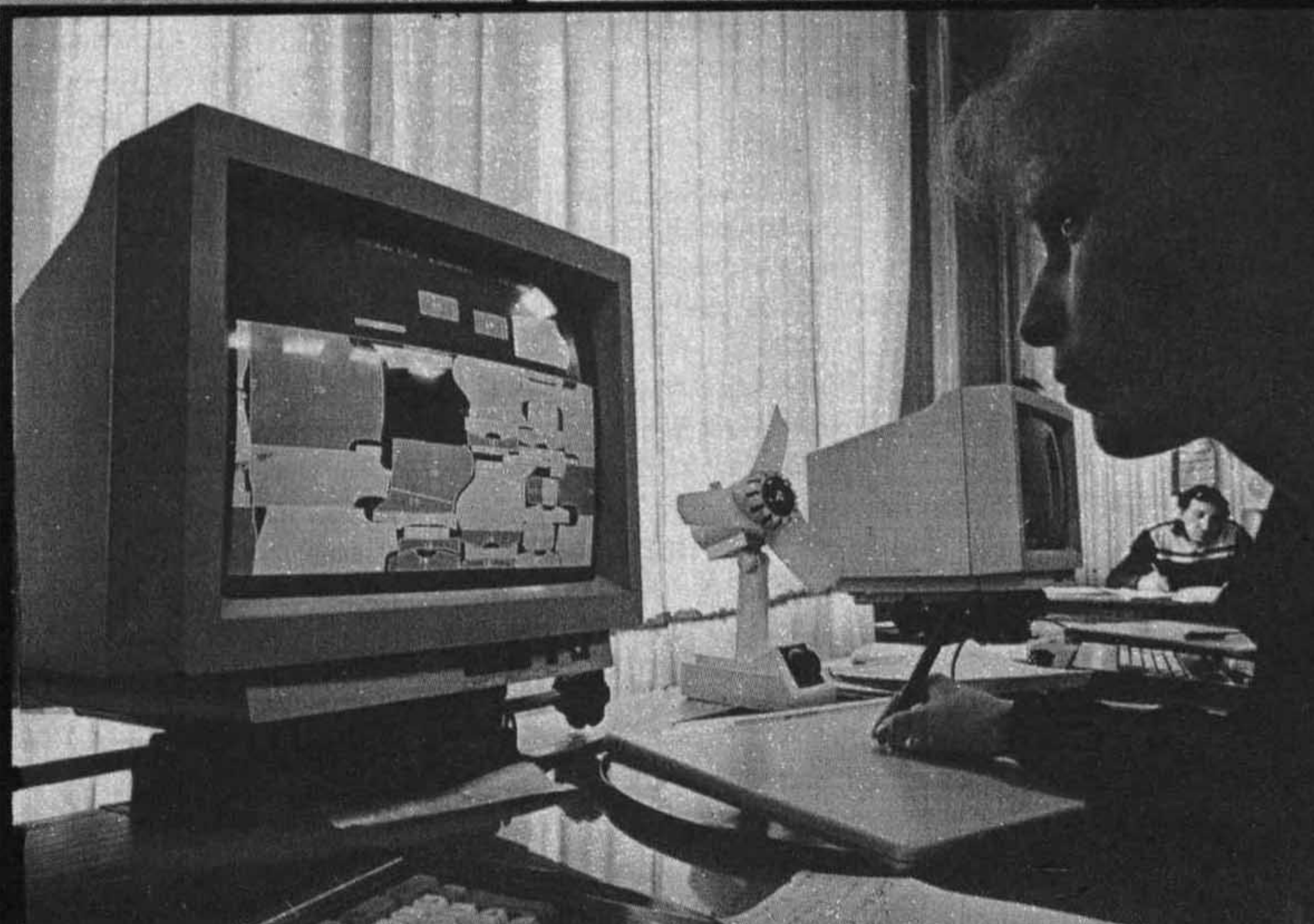
Нужны и хороший шелк, смесовые ткани. Присылают, но первосортного шелка — только треть.

— Прежде «Трехгорка» давала фла-

Дисплей-закройщик...

Главный художник
Нина Матвеевна Соловьева.

В цехе. Слесарь-наладчик
Михаил Батов.

нель — мы ею любоваться приходили, а сейчас — глаза бы не смотрели...

— Откажитесь! — предлагаю я. — Отошлите плохую ткань бракоделам...

На меня смотрят с сожалением: ничего, дескать, не понял. «Ну, отошлем этот брак, пришлют другой». Или, того хуже, станут обходить норвистого потребителя: «Скандалисты».

И все же пришлось, и не раз, возвращать продукцию на Херсонский и Чайковский комбинаты, на «Трехгорную мануфактуру», в объединение имени Веры Слуцкой. За год отослали почти 600 тысяч метров тканей.

...В давней книжке «Коэффициент полезности одежды» я нашел сравнение моллетонового жилета, непромокаемого макфарлана (не спрашивайте, сам не знаю, что это такое), жилета из пиренейской шерсти, фланелевой и шерстяной рубашек. Предпочтение было отдано фланели. «Мы сами знаем, что нам красиво и что нам изящно», — сказал в ту же пору Вл. Маяковский.

На «Москве» научились конструировать и шить красиво и изящно. Здесь готовы вступить в спор с лучшими мировыми фирмами. Но пока этот вызов выглядит несколько наивно.

Может, и впрямь в ногу с модой идут только манекены?

Рисунок Александра МИТНИКА. Одесса.

Недавно Политиздат выпустил книгу заместителя главного редактора газеты «Правда», доктора экономических наук Дмитрия Валового «Экономика в человеческом измерении».

Автор исследует корни расточительства в экономике и размышляет о путях его преодоления.

Эта книга послужила поводом для беседы обозревателя «Огонька» Валерия Выжutowича с автором о путях радикальной экономической реформы.

— Вы пишете, Дмитрий Васильевич, что «Хрущев унаследовал от Сталина одну из самых плохих его черт: на словах признавалось и говорилось одно, а на практике делалось другое, порой противоположное. Брежнев довел эту «методику» до совершенства, а экономику — «до ручки». Как это проявлялось в экономике?

— После XX съезда партии я участвовал в обсуждении всех проектов пятилетних планов и результатов их реализации. За этот период — с шестой по одиннадцатую пятилетку — не было случая, чтобы задания по выпуску важнейших видов продукции и сдача объектов в строй, намеченные пятилетним или годовым планом, были выполнены полностью. Поэтому разбалансированность народного хозяйства и по вертикали, и по горизонтали, подобно радиации, проникла во все поры экономики. Расхождение между словом и делом

в экономике очевидно и на примере провозглашаемой и действительной цели социалистического производства.

Теоретически, на словах, целью производства при социализме является наиболее полное, с наименьшими затратами удовлетворение потребностей народа. Это суть основного экономического закона социализма. Она отражена во всех Программах партии. А практически целью предприятий и отраслей является увеличение объема производства в рублях. Чем дороже выпускаемая продукция, тем успешнее выполняется план. По валу пятилетние и годовые планы выполнялись и перевыполнялись, а по выпуску реальной продукции срывались. Поэтому с каждым годом на рубль приходилось все меньше и меньше предметов потребления в натурально-вещественном выражении. Важнейших видов продуктов питания и промтоваров первой необходимости в 1985 году производилось на рубль

национального дохода в два раза меньше, чем в 1965 году, и в четыре-пять раз меньше по сравнению с 1950 годом.

Само собой разумеется, что стоимостные расчеты эффективности производства и повышения уровня жизни, построенные на дутом рублевом вале, порочны в самой основе. Ведь рублями сыт не будешь! Нужен простой, но реальный продукт, о котором писал Александр Сергеевич Пушкин:

Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золото ему,
Когда простой продукт имеет.

— Судя по отсутствию «простых продуктов» в наших магазинах, «глубокие экономы» тоже стали дефицитом?

— Думаю, что немало хозяйственных

руководителей и «ученых экономов» не читали не только Адама Смита, но и не утруждали себя глубоким изучением трудов Маркса, Энгельса и Ленина. Их некомпетентность и непонимание сущности экономических законов сыграли, на мой взгляд, далеко не последнюю роль в том, что варварское нашествие вала в двенадцатой пятилетке не только сохранилось, но и достигло своего апогея.

— **Как могло это произойти?**

— Двенадцатая пятилетка и Основные направления развития народного хозяйства СССР до 2000 года основаны на прежних затратных принципах хозяйствования. Во главу угла поставлено повышение темпов роста товарной (валовой) продукции, на базе которой, как и прежде, определяется рост производительности труда, фонд зарплаты и экономия материальных ресурсов. За годы одиннадцатой пятилетки валовой общественный продукт в фактических ценах увеличился почти на 30 процентов. Это значит, что для каждого процента прироста объема в рублях в двенадцатой пятилетке требуется накрыть рублей на 30 процентов больше. Это фактор объективный. Нынче валовой общественный продукт превысил 1 триллион 400 миллиардов рублей. Каждый процент прироста требует 14 миллиардов рублей, а пятипроцентный рост — 70 миллиардов рублей. Из года в год эта сумма будет возрастать. Откуда ее брать? Надо идти проторенной дорожкой: расширять повторный счет предметов труда, «вымывать» дешевый ассортимент, удорожать продукцию всеми доступными путями, включая завышение цен и нормы рентабельности. Иначе люди останутся без зарплаты!

— **Выступая в редакции «Огонька» до перестройки, вы говорили о расчете академика Глушкова, согласно которому урон народному хозяйству от господства вала еще в семидесятые годы не один раз перекрыл материальные потери от Великой Отечественной войны. Может быть, теперь стоит этот расчет опубликовать?**

— Я не знаю, сохранился ли он в архиве автора. В ту пору, когда Виктор Михайлович познакомил меня с этим расчетом, о его публикации не могло быть и речи.

— **Вы не помните данных?**

— Помню. Но они безнадежно устарели. Теперь совсем иные масштабы расточительства. Сейчас материалоемкость национального дохода у нас в два раза выше, чем в развитых капиталистических странах. В структуре валового продукта удельный вес материальных затрат составляет около 60 процентов. Это более 600 миллиардов рублей в год. Если бы мы вели хозяйство на среднем уровне современных достижений научно-технического прогресса, то эту сумму можно было бы сократить в два раза. Для сравнения напомним, что размер общего ущерба, причиненного путем прямого разграбления и уничтожения общественного и личного имущества в годы Великой Отечественной войны, составил 679 миллиардов рублей в ценах того периода.

— **Но ведь ЦСУ все время сообщало о снижении материалоемкости производства.**

— Ларчик открывается просто. Материалоемкость у нас определяется расходом сырья и материалов не на единицу конкретного изделия, а на рубль товарной продукции. Увеличение затрат живого и прошлого труда на изделие служит базой для более высокой цены. В итоге опережающий рост объема производства в рублях не только маскирует повышение материалоемкости продукции, но и создает иллюзию ее снижения.

— **Вал в разные годы много раз осуждали и проклинали, а он по-прежнему господствует. Почему?**

— Вал является знаменосцем и олицетворением затратно-расточительной системы хозяйствования. И пока она действует, без вала ей не обойтись.

— **Кое-кто объясняет его живучесть тем, что ученые не могут найти ему замены.**

— Никакой замены валу не требуется. Этот показатель необходим и даже незаменим для определенных целей. Но по своей сущности он совершенно непригоден для измерения темпов производства и производительности труда, оценки работы предприятий и отраслей, определения на его базе фонда зарплаты, материалоемкости продукции...

— **А какой показатель для этого подходит?**

— Для каждого экономического процесса нужен свой показатель-измеритель. Возьмем, например, чистую продукцию. Чистая продукция — это валовая продукция за вычетом материальных затрат. Она необходима для измерения вновь созданной стоимости (зарплата плюс прибыль). Чистую продукцию и вал не следует противопоставлять. Каждый из этих показателей имеет свое назначение.

— **Выходит, что в экономике все показатели никуда не годятся?**

— Показатели хорошие, но при использовании их не по назначению они делаются негодными. Разве можно использовать термометр для измерения давления или прослушивания легких?

— **Если неправильное применение показателей искажает картину, то получается, что мы не имеем достоверных данных о положении в экономике.**

— К сожалению, это так. Я не говорю о статистике в целом, но что касается измерения экономического роста и определения эффективности, то эти данные не соответствуют действительности. Вместо стоимости совокупного общественного продукта в нашей статистике используется валовой оборот, который включает повторный счет предметов труда. Валовой оборот сейчас в два раза больше стоимости совокупного продукта. Стоимостные показатели и расчеты, определяемые на столь завышенной основе, подобны кривому зеркалу. Это наглядно можно показать на примере производительности труда. Как известно, рост производительности труда означает увеличение выпуска потребительных стоимостей с меньшими затратами живого и овеществленного труда на единицу изделия. Иначе говоря, снижение стоимости дает увеличение продукции. Поэтому повышение производительности должно сопровождаться снижением цен.

В докладе, посвященном 113-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, призывая «экономить не только живой труд, но и труд овеществленный, труд, воплощенный в станках, машинах, сырье и материалах», М. С. Горбачев сказал: «Повышение производительности труда без уменьшения стоимости продукта, считал Ленин, — абсурд, если только взять это как общее явление». Этот абсурд в нашей статистике возведен в квадрат: рост производительности труда не только не снижает стоимости продуктов, а наоборот, рост цен является одним из существенных факторов «повышения» производительности труда. Иначе говоря, экономика поставлена с ног на голову.

— **Может быть, правы те, кто утверждает, что экономической науки у нас, по существу, нет?**

— Экономическая наука у нас есть, но ее уровень оставляет желать много лучшего. По словам Д. И. Менделеева, «наука начинается с тех пор, как начинают измерять». Физика и химия, как известно, стали науками, лишь когда были найдены точные единицы учета, познаны законы их развития. Электричество, например, стало возможным для изучения и применения после установления вольт и ампер. Экономика, как и любая другая наука, не может эффективно развиваться без научно обоснованных измерений ее результатов. Ей нужны стоимостные «вольты» и «амперы». А мы стоимостно-

го общественного продукта до сих пор не определяем, а используем вместо нее суррогат в виде валового оборота.

— **С 1988 года введен новый показатель — валовой национальный продукт. Что он собой представляет?**

— Это очень важный показатель. Он отражает конечные результаты как в производственной, так и в непроизводственной деятельности. В нем исключается повторный счет предметов труда. Этот показатель широко используется в мировой практике. Но там он является сквозным измерителем экономического роста — от заводов, фирм и корпораций до экономики в целом. А применяемый ныне у нас метод определения национального продукта можно сравнить с заготовкой изюма из... булочек. Сначала исчисляется объем валовой продукции предприятий и отраслей, на базе которого исчисляется валовой общественный продукт. И лишь затем уже из вала на уровне народного хозяйства «добывается» национальный продукт. В результате национальный продукт, так же как и национальный доход, превращен в «карманный» показатель внутреннего пользования Госкомстата. Оба эти важнейших экономических показателя оторваны от жизни и не имеют практического значения. В отраслях, регионах и на предприятиях по-прежнему господствует вал в лице товарной и реализованной продукции.

— **Чем, по-вашему, объясняется низкий уровень экономической науки?**

— Одной из серьезных причин, на мой взгляд, является недооценка, а точнее, игнорирование экономической теории. Давно известно, что нет ничего практичнее научно обоснованной теории. А в период формирования социалистического механизма хозяйствования политическая экономика социализма как наука отвергалась в принципе. Первый учебник по политической экономии социализма появился на свет уже после смерти Сталина — в 1954 году. Макеты учебников дважды были поводом для встречи Сталина с экономистами. И несмотря на то, что учебник вышел в свет после смерти Сталина, он в полной мере соответствовал характеристике, которую Маркс дал вулгарной политической экономии.

— **А в чем ее суть?**

— Отныне дело шло уже не о том, правильна ли или неправильна та или другая теорема, — писал Маркс о вулгарной политэкономии, — а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой.

Но буржуазная политэкономия прежде, чем переродиться в вулгарную, внесла огромный вклад в развитие экономической науки и благодаря трудам Адама Смита и Давида Рикардо стала, по оценке основоположников научного коммунизма, классической. Что же касается политической экономии социализма, то, несмотря на то, что она базируется на самом передовом и прогрессивном учении, на практике с момента появления была приспособлена для пропаганды идей «выдающегося мыслителя всех времен и народов», поднявшего экономическую теорию «на невиданную ранее высоту». Мы как попы «марксистского прихода» денно и нощно твердили, что живем в эпоху, когда «все дороги ведут к коммунизму!».

После смены этой «пластинки» теоретики были заняты разработкой концепции «развернутого строительства коммунистического общества», грандиозность и величие которой иллюстрировались лозунгами, сулившими образование к семидесяти годам молочных рек с мясными берегами. В Программе партии, принятой при Хрущеве, намечалось произвести в 1970 году 26 миллио-

нов тонн мяса и 123 миллиона тонн молока, а в 1980 году — соответственно 34 и 185 миллионов тонн. В 1987 году было 18,6 миллиона тонн мяса и 103,4 миллиона тонн молока. Если будем и дальше двигаться такими темпами, то задания на 1970 год не будут выполнены и к ...2000 году.

А при Брежневле общественные науки были полностью поглощены концепцией «развитого социализма» с его помпезной «пятилеткой эффективности и качества» и «экономной экономикой».

Иначе говоря, пользуясь терминологией Маркса, дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна ли она для создателей «новых» концепций социализма. Удобна или неудобна она для их «предначертаний»? Согласуется ли с официальными оценками и выводами «об успехах в строительстве коммунизма» или нет? Бескорыстное исследование уступает место соревнованию за создание методик, преобразующих бездарное ведение хозяйства в «наиболее внушительные успехи». Беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой научного социализма.

Когда ближайшие потомки поглубже разберутся в наших «успехах», то больше всего их поразит не варварское расточительство, о котором мы теперь открыто говорим и пишем. Они придут в изумление от нашей гениальности без кавычек, благодаря которой был изобретен механизм превращения расточительства в ...«эффективность» и «грандиозные успехи в создании материально-технической базы коммунизма».

— **Тут невольно возникает вопрос: как же нам удалось с помощью затратно-расточительного механизма превратить отсталую царскую Россию в одну из двух общепризнанных сверхдержав?**

— Этому содействовал ряд объективных и субъективных факторов. Прежде всего следует сказать, что в довоенный период и первые послевоенные пятилетки увеличение продукции происходило главным образом за счет строительства новых предприятий и роста численности рабочих и служащих. Практически все отрасли современной индустрии нам приходилось любой ценой создавать на пустом месте, а после войны восстанавливать их из пепла и руин. Это был период экстенсивного развития. Затраты и результаты тогда в основном совпадали. В ту пору справедливо говорили: без солидных затрат не получишь больших результатов. Когда же в стране был создан огромный производственный потенциал, появились условия увеличивать производство потребительных стоимостей при тех же и даже меньших затратах, на первый план выступили вопросы эффективности производства и качества продукции. Но поскольку оценка работы и стимулирование коллективов продолжались по затратам, то их снижение вело к падению темпов производства в рублях и уменьшению фонда зарплаты. Погоня за темпами и зарплатой перекрыла дорогу техническому прогрессу и повышению эффективности производства. Образовался заколдованный круг: чем лучше работаешь, тем хуже работа оплачивается.

Среди субъективных факторов — огромный революционный энтузиазм того периода. Но, с другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов бесплатный труд миллионов заключенных, десятков миллионов крестьян, работавших многие годы за «пустопорожний трудодень», низкий уровень оплаты рабочих и служащих, а также символические пенсии и стипендии.

— **На XIX партконференции высказано предположение, что истинной информацией о реальных процессах в экономике не обладало и Политбюро. Так ли это?**

— Спрос, как известно, рождает предложение. Остряки говорят, что икра исчезла из магазинов потому, что

там ее давно никто не спрашивает. Так получилось и с достоверной информацией о действительном положении в экономике. Раньше на нее просто не было спроса. Более того, зачастую публикацию очередных сообщений об итогах развития народного хозяйства «наверху» задерживали и требовали доведения их до соответствующей «кондиции». Фальсификации наслаивались одна на другую, и теперь не так просто снять эти конъюнктурные «росписи», чтобы увидеть первоизданную картину. Видимо, этим в какой-то мере объясняется, что, несмотря на возникший спрос на достоверную информацию, статистики продолжают крутить старую «шарманку», по-прежнему «радуя» нас миллионами тонн железной руды, проката, стали и цемента, серной кислоты и каустической соды. В их пространственных сообщениях подробно перечисляется, сколько произведено машин для внесения удобрений и самоходных косилок-плющилок, о которых многие не имеют никакого представления. И в то же время в них «не хватает» места для данных о «простом продукте»: сколько за квартал (полугодие, год) мы реально потребили на душу населения мяса, молока, фруктов, овощей и других продуктов и какова их средняя реализационная цена с учетом цен потребкооперации и колхозного рынка по регионам.

В 50-е годы на 10 копеек (рубль в старом исчислении) в столовой я получал на обед винегрет, щи, гуляш (или котлеты), кофе с молоком (или чай). За 20—30 копеек я регулярно обедал в ресторане без спиртного. В настоящее время за рубль такого обеда в столовых, а тем более за 2—3 рубля в ресторане днем с огнем не найдешь. Десятикратное повышение цен в общепите! По расчетам специалистов, рост средних розничных цен в 1971—1975 годах дал около 30 процентов прироста товарооборота, в 1976—1980 годах — 49, в 1981—1985 годах — 57, а в 1986—1987 годах — более 60 процентов. А ведь немало категорий работников, оплата которых с 50-х годов все еще остается на прежнем уровне, например, преподавателей вузов, включая доцентов и профессоров. Располагает данными о действительном росте цен статистика? Если да, то не пора ли их вводить в оборот? Ведь без них мы не сможем сделать достоверного анализа динамики уровня жизни, составить прожиточный минимум и наметить научно обоснованные перспективы повышения благосостояния народа.

— Рост цен некоторые экономисты объясняют необходимостью укрепления финансового положения. По их мнению, многие наши цены занижены.

— Все варианты преодоления несбалансированности денег и товаров имеют свои плюсы и минусы. Что же касается повышения цен, то оно подобно болеутоляющему лекарству. Снимая боль, на какой-то период оно загоняет ее внутрь. Со временем она еще больше усиливается, обостряется. Мы слишком долго злоупотребляли этим «лекарством». Некоторые категории товаров «принимали» его по назначению властей, а на большинство товаров цены росли неофициально, что гораздо хуже, так как в этом случае не было никаких ограничений. Временами создавалась иллюзия решения проблем, а на самом деле они еще больше обострялись, и многие из них стали хроническими. Рассуждения о заниженных ценах, на мой взгляд, являются теоретически несостоятельными, а практически они не соответствуют действительности. Речь может идти лишь о меньшей или большей степени их завышения и нарушения соответствия цен между изделиями. Откуда могут взяться заниженные цены, если многократное повышение производительности сопровождалось постоянным или периодическим ростом цен? Повышение менее завышенных цен каждый раз служило и будет служить впредь объективной

основой для очередной цепной реакции роста цен.

Надо иметь в виду и такую «мелочь»: все больше и больше появляется товаров, цены на которые не «по зубам» даже высокооплачиваемой категории работников с трудовыми доходами. В результате значительная часть лучших предметов культурно-бытового обихода, которые мы производим или закупаем за рубежом, становится достоянием спекулянтов, взяточников и других «специалистов», имеющих нетрудовые доходы. Таким образом, вольно или невольно мы стимулируем подпольный бизнес.

— Три года мы говорим об усилении социальной направленности наших планов. А в докладе на партконференции сказано, что большинство предприятий союзных министерств и ведомств пытаются под всякими предлогами уйти от производства предметов потребления. Вряд ли наши министры и руководители предприятий не понимают важности этой задачи. Тогда в чем же дело?

— Если бы речь шла об отдельных руководителях, то дело было бы проще. Одного заменил, а другого перевоспитал и проблему решил. Но их большинство. Получается: «старшина» идет в ногу, а рота — нет. В чем дело? Причин тут несколько, но главная, на мой взгляд, — порочный метод определения фонда зарплаты. Ведь ширпотреб в большинстве случаев выпускается в малоприспособленных и слабо механизированных цехах. Расход зарплаты на рубль товарной продукции в основном производстве составляет 5—8 копеек, а на ширпотребе — 50—80 копеек. В итоге товары потребления дают 1—2 процента плана, а пожирают до 10 процентов фонда зарплаты.

— Где же выход?

— Надо организовать работу цехов и производств на принципах кооперативов, предоставив им полную самостоятельность. Никаких плановых заданий, а тем более по фонду зарплаты им утверждать не следует. Они должны работать по договорам и заказам, широко используя договорные цены. Предприятия и отрасли должны быть экономически заинтересованы в производстве предметов потребления. Сумма их реализации должна включаться в объем национального продукта и чистой продукции данного предприятия. Оно же должно быть и полным хозяином получаемой от ширпотреба прибыли.

— Почему в цехах и заводах, переданных кооперативам в аренду, в тех же условиях происходит многократный рост производительности труда и резкое увеличение выпуска продукции в соответствии с договорами и заказами?

— Такие коллективы, освободившись от пут командно-расточительной системы управления, сразу же осуществляют НЭП — Наведение Элементарного Порядка. Иначе говоря, они приводят экономический процесс в соответствие со здравым смыслом...

— Выходит, кооперативная форма организации производства более эффективна, чем государственная, и нам следует форсировать передачу государственных предприятий кооперативам?

— Глубочайшее заблуждение. Административно-командная система душила в равной мере все формы — индивидуальную, кооперативную и государственную. В настоящее время индивидуальные, кооператоры и арендаторы получили экономическую самостоятельность на деле, а государственные предприятия и колхозы — на словах. Поэтому, признавая важную роль развития кооперации и аренды, я считаю, что магистральным путем радикальной экономической реформы должно быть предоставление всем государственным и колхозно-кооперативным предприятиям экономической самостоятельности на деле, а не на бумаге! И тогда, ис-

пользуя огромные преимущества социалистической системы хозяйствования, они быстро смогут совершить коренной перелом в развитии нашей экономики.

— В чем вы видите гарантию того, что на сей раз затратно-расточительный механизм будет демонтирован?

— На мой взгляд, следует выделить два фактора. Первый — гласность. На партконференции М. С. Горбачев потребовал взыскательно и принципиально относиться не только к ошибкам предшественников, но и «к себе, к настоящему, анализировать не только успехи, но и ошибки и уроки своей деятельности на протяжении последних трех лет, ошибки и промахи, сделанные в ходе перестройки». Демократизацию и гласность я бы назвал знаменосцами перестройки во всех сферах деятельности, включая и экономику. Другой фактор — объективный. У нас просто нет больше такого изобилия материальных и трудовых ресурсов, которое необходимо для намеченного удвоения объема промышленного производства в рублях от достигнутого уровня. Иначе говоря, у нас нет иной альтернативы, кроме как покончить с экстенсивным ростом и перевести экономику на интенсивный путь развития.

— В своей книге вы рассказали о негативной реакции на публикацию в «Правде» экономического обозрения «Измерение ускорения». Но в статье «Экономика в человеческом измерении», опубликованной в «Правде» 19 января этого года, показали, что погоня за валом продолжается. Какова была реакция на эту публикацию?

— Время быстро меняется. Еще два года назад многие хозяйственники надеялись, что пошумим, пошумим о перестройке и все вернется на круги своя. Но четкий курс партии сделать перестройку необратимой заставляет многих переосмысливать свои действия и решения. После второй публикации была создана авторитетная комиссия, которой было поручено «рассмотреть поставленные в статье вопросы и в 20-дневный срок представить в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по перестройке организационных структур центральных экономических органов, министерств и ведомств СССР соответствующие предложения».

Выводы комиссии в целом заслуживают серьезного внимания. В частности, признана необходимость «устранить неоправданную разноречивость продукции», вести подготовку к широкому применению показателя чистой продукции и ряд других. Есть в материале комиссии и противоречивые предложения. По ее мнению, «необходимо твердо определить, что товарная продукция является расчетным показателем и используется только в аналитических целях, а не для оценки деятельности комплексов и министерств». Это самообман. Как можно объявлять товарную продукцию расчетным показателем, если повышение темпов ее роста от достигнутого уровня утверждено Законом СССР о пятилетнем плане на двенадцатую пятилетку и «вытягивание» их любой ценой является первоочередной задачей всех руководителей сверху донизу? По этим темпам пока еще прежде всего судят о наличии ускорения. И самое главное: к объему товарной продукции, как я уже говорил, «привязан» базовый фонд зарплаты. Уменьшение первой автоматически ведет к сокращению второго. Без ускорения коллектив прожить может, а без зарплаты? Чего же тогда стоят рассуждения «отцов» реформы об использовании товарной продукции «в аналитических целях»?

И еще мне кажется спорным вывод комиссии о том, что «принятый в настоящее время общеметодологический подход к использованию на народнохозяйственном уровне систем обобщающих показателей представляется обос-

ПАЛИТРА

МУЗЕЙ РАССКАЖЕТ

В прошлом году исполнилось 80 лет Львовской картинной галереи. Это давно уже не просто галерея, а целый культурный комплекс. В его фондах 45 тысяч произведений искусства.

Старейшая часть коллекции — собрание западноевропейского искусства. Собрание уникально. Его экспозиция подобрана из раритетов частных коллекций. Здесь шедевры великих мастеров и произведения художников редких и малоизвестных, представителей различных национальных школ.

...В залах западноевропейского искусства зрители задерживаются перед крупным холстом Бернардо Строцци. Приковывает внимание и картина великого правдоискателя из Лотарингии XVII века Жоржа де Латура (единственная в нашей стране).

Непросто перечислить даже малую часть того, что рождает душевный отклик у человека, неспешно следующего из зала в зал, среди картин и скульптур, витражей, художественной мебели и gobelенов, выполненных французскими, испанскими, немецкими, австрийскими, польскими мастерами, а также в отделах русского и советского искусства.

И не знает посетитель, что не так покойно в прекрасном «королевстве», что идет в его мире яростная война за выживание, за место под солнцем. Залы старого особняка не в состоянии показать и десятой доли первоклассных произведений, порой целых школ, размещенных на щитах и стеллажах в подвальных, с каждым днем все более влажных помещениях.

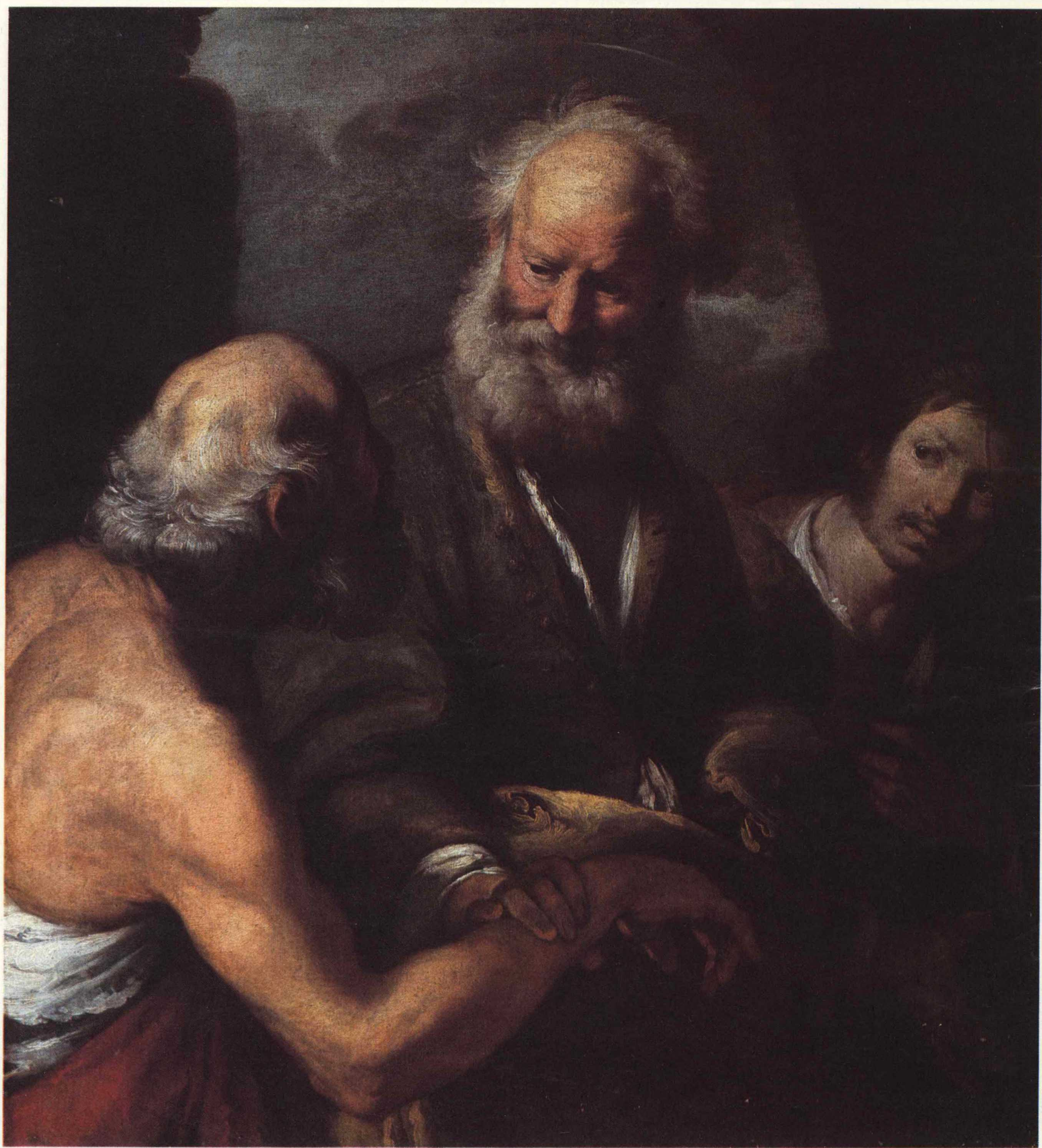
Нелегко труд реставраторов и хранителей этих сокровищ! 18 тысяч квадратных метров «бросовых» зданий в разных концах области — полуразрушенных замков, монастырей и башен — принадлежат сейчас музею, и горстка галерейных сотрудников делает все возможное, чтобы уберечь и восстановить, дать пристанище спасенным от верной гибели ценностям. Но сил и возможностей у музея немного. И лишь в несбыточных мечтах музейщиков существует и экспозиция многостолетней культуры Львова, и музей современного искусства. Экспонаты для этих экспозиций ютятся в запасниках.

Елена РЕПКО

Окончание на стр. 29.

О. А. КИПРЕНСКИЙ. 1782—1836. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО. 1813.

БЕРНАРДО СТРОЦЦИ. 1581—1644. АПОСТОЛ ПЕТР ИСЦЕЛЯЕТ ПАРАЛИТИКА. 1630-е гг.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Семен ГУДЗЕНКО

1922—1953

Родом из Киева, в 1939—1941 годах учился в ИФЛИ. Воевал в стрелковом батальоне. Лучшая книжка Гудзенко «Однополчане» (1944), где на страницы были шмякнуты кровавые страшные куски войны. Жаль, что многие послевоенные стихи по сравнению с военными были опресненными, обезличенными, командировочными. Только когда в своем воображении Гудзенко сам командировал себя в страну своей юности — войну, стихи опять получались. Сильными были и последние предсмертные стихи: «Жизнь мою спасали много суток в белом, как десантники, врачи». Гудзенко умер по собственному трагическому предсказанию: «Мы не от старости умрем, — от старых ран умрем».

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим
можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв —
и умирает друг.
И, значит, смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед.
За мной одним
идет охота.
Будь проклят, сорок первый год
и вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв —
и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже
не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.
Бой был коротким.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую.

1942

На снегу белизны госпитальной
умирал военврач, умирал военврач.
Ты не плачь о нем, девушка, в городе дальнем,
о своем ненаглядном, о милом не плачь.

Наклонились над ним два сапера с бинтами,
и шершавые руки коснулись плеча.
Только птицы кричат в тишине за холмами.
Только двое живых над убитым молчат.

Это он их лечил в полевом
медсанбате,
по ночам приходил, говорил о тебе,
о военной судьбе, о соседней палате
и опять о веселой военной судьбе.

Ты не плачь о нем, девушка, в городе дальнем,
о своем ненаглядном, о милом не плачь.
...Одного человека не спас военврач —
он лежит на снегу белизны
госпитальной.

Венгрия
1945

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.
Действующая армия
1943—1944

Михаил ЛУКОНИН

1918—1976

Один из самых одаренных поэтов фронтового поколения. Он не внес в осмысление войны своей философии, как, скажем, Слуцкий, но зато внес свою собственную интонацию, представляющую сплав из Лаврова, Кульчицкого, из многого недопето, убитого. Участник финской, а затем Великой Отечественной войны, Луконин не поднялся до горького осмысления финской войны, как Твардовский, но, потеряв на ней своего друга — талантливого поэта Николая Отраду, написал пронзительные стихи. Лучшие книжки Луконина — «Сердцебиение», «Дни свиданий». Я обе эти книжки знал наизусть и бормотал, шатаюсь по московским улицам: «Но лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустой душой» или «В фойе театра шел бой. Упал левый лев». Стихи Луконина резко выделялись по форме среди торжествовавшей псевдофольклорности и псевдоклассицизма. Однако официальные критики, борясь против шаловливого ученика Маяковского и Кирсанова и имитатора Маяковского — Горностаева, искусственно объявили Луконина истинным учеником Маяковского и вдобавок «поэтом рабочего класса». Луконин не нашел силы скинуть с себя навязываемое ему ярмо «продолжателя Маяковского» и на длительное время попал в кризис, со стороны выглядевший, как официальный успех. Его слабая поэма «Рабочий день» получила Сталинскую премию, а другая — «Дорога к миру» — была до того прозаична, что ее трудно было читать. У Луконина не было средних стихов: очень хорошие или очень плохие. Когда у него не получалось, то совсем не получалось в отличие от Гудзенко и Межирова, которые, попав в одновременный кризис, писали вполне хорошие плохие стихи. Луконин был необыкновен-

но великодушен к молодым поэтам. Он помог и Винокурову, и Владимиру Соколову, и Белле Ахмадулиной, и мне, и многим другим. Но помогал он не только молодым, но и старым своим учителям — Антокольскому, Луговскому, проявляя свою сыновнюю преданность, когда на них сыпались нападки или их удушали равнодушием.

КОЛЕ ОТРАДЕ

Я жалею девушку Полю.
Жалею
за любовь осторожную:
«Чтоб не в плену б».
За:
«Мы мало знакомы»,
«Не знаю»,
«Не смею»...
За ладонь, отделившую губы от губ.
Вам казался он:
летом —
слишком двадцатилетним,
осенью —
рыжим, как листва на опушке,
зимою
ходит слишком в летнем,
а весною — были веснушки.
А когда он поднял автомат, —
вы слышите?
Когда он вышел,
дерзкий,
такой, как в школе,
вы на фронт
прислали ему платок вышитый,
вышив:
«Моему Коле!»
У нас у всех
были платки поименные, —
но ведь мы не могли узнать,
двадцатью зимами,
что когда
на войну уходят
безнадежно влюбленные —
назад приходят
любимыми.
Это все пустяки, Николай,
если б не плакали.
Но живые
никак представить не могут:
как это, когда пулеметы такали,
не встать,
не услышать тревогу?
Белым пятном
на снегу
выделяться,
руки не переложить и встать не силиться,
не видеть,
как чернильные пятна
повыступали на пальцах,
не обрадоваться,
что веснушки сошли с лица?!
Я бы всем запретил охать.
Губы сжав — живи!
Плакать нельзя!
Не позволю в своем присутствии плохо
отзываться о жизни,
за которую гибли друзья.
Николай!
С каждым годом
он будет моложе меня,
заметней,
постараются годы
мою беспечность стереть.
Он
останется
слишком двадцатилетним,
слишком юным,
для того чтобы дальше стареть.
И хотя я сам видел,
как выжженный ветер, воя,
волосы рыжие
на кулаки наматывал,
невозможно отвыкнуть
от товарища и провожатого,
как нельзя отказаться
от движения вместе с землею.
Мы суровеем,
друзьям улыбаемся сжатыми ртами,
мы не пишем записок девочкам,
не поджидаем ответа...
А если бы в марте,
тогда,
мы поменялись местами,
он
сейчас
обо мне написал бы
вот это.

1940

Галина ЩЕРБАКОВА

ДЯДЯ ХЛЮР И КОРЯ

Сказал бы кто Фролову, что такое с ним случится, не поверил бы... Хотя, конечно, подумать, что никакого беспокойства у мужика не было, когда он на старости лет решил жениться, тоже нельзя. Все-таки до сорока трех жил как перст, и хорошо жил, между прочим. Работал фотокором в газете, там два рубля, там три, там четвертак — набегал гонорар. Сумел построить однокомнатный кооператив, отдал за него долг до копейки, купил в квартиру диван, письменный стол, на кухню полки, опять же стол с табуретками. Что еще человеку надо? У военных по случаю разжился хорошим полушубком, сшитым, дубленка. Костюм, обувь на работу и выход тоже были. Все-таки стоящее это дело — человек непьющий. Вполне можно к старости сформировать жизнь по-человечески... Фролов был непьющий, что для фотокоров редкость. А вот женат не был. И не хотел. Боялся. То есть боялся смолodu, очень робел перед женщинами. Видимо, частично это происходило от специфики работы Фролова. Все-таки женщин он видел всяких и во всяком. И когда он смотрел на них через объектив своего аппарата, он все про них понимал сразу и навсегда. Какой у нее характер и как она утром затылок скребет. Какие слова говорит, а какие в уме держит. Многое Фролов понимал. Потом женщины «возникали» у него в ванной, всплывали, как из пучины морской. Еще ничего нет и вдруг откуда-то глаз... И такой этот глаз очевидный, так все по нему прочесть можно, что Фролов дал всему женскому полу отрицательную оценку и вынес этот пол за скобки своей жизни.

На старости же лет, на сорок четвертом году жизни, когда под полушубком уже округлилось пузо, а под кроличьим треухом засветилась плешь, случилась у Фролова женитьба. И так быстро случилась, так моментально, что сообразить он не успел, а уже спала на его диване рядом с ним женщина и пиналась ногой, стягивая с него одеяло.

Все было чин чинном. И заявление в загс было, и три месяца ждали, но уж очень быстро время прошло.

Конечно же, Валю он никогда не фотографировал. Он ее нашел, можно сказать, на собственной работе. У них было общее здание — редакции и организации «Скотооткорма» и «Конторы по борьбе с древесными жучками». И туалет у них был общий. Сначала мужской, а потом женский. Мужчины у туалета курили, а женщины ходили мимо. Неудобная раскладка, но что поделаешь? Курить хочется? Хочется! Туда надо? Надо...

Фролов приметил: эта женщина из жучковой конторы, подойдя к туалету и если там куряки стоят, идет выше, будто ей надо в «Скотооткорм». А ей не надо, ясное дело. Просто она стесняется. Это понравилось Фролову. Он отметил это качество знаком плюс, потому что все остальные женщины из трех организаций были помечены в этом отношении знаком минус.

Получали праздничные заказы. Организации для этого дела кооперировались. Не хватило на всех мандаринов. Сцепились женщины в борьбе так, что можно подумать, что это война, карточки и последняя пайка хлеба. Она же — нет. Обошлась без мандаринов. Спокойно так, без крика. Это тоже понравилось.

Потом отключили в их здании свет. Ну! Начался цирк и баня, как говорил их общий для всего здания завхоз. Визг, писк. Какие-то свечки, тени по стенам. Фролов-то к полутьме привычный, у него такая специфика работы, он ходил спокойно, все видел. Женщины трех организаций стали зачем-то высказывать из комнат и натянуться на мужчин. Фролова аж затошнило от таких горелок. И вдруг видит, крадется по стеночке Валя, тихо, тихо, чтобы никого не задеть. Так и ушла бесшумно, только в самом подъезде дверь хлопнула. И Фролов подумал: все другие женщины тоже могли уйти, им же по-русски сказали, света не будет. Они же вроде только этого и ждали — темноты, чтобы разыграться. А немолдые уже женщины, почти всем за тридцать. У многих дети. Одним словом, положил Фролов глаз на Валентину как на человека положительного. Не больше того.

Работает, мол, в здании одна-единственная женщина, у которой не заскорузла совесть.

Внешне Валентина была нефотогенична. И это тоже понравилось. Эти фотогеничные... Может, от них все и зло...

Потом выяснилась еще одна симпатичная деталь. Валя жила за городом и ездила на работу на электричке. Фролов же ходил на работу через дорогу. Теперь каждый раз, пересекая улицу, он думал о том, какие она преодолевает трудности, как бежит утром к определенному времени, опаздывает, задыхается от бега, как тяжело дышит потом в вагоне, и хоть бы кто место уступил.

Было что-то во Фролове партизанское, видимо, от отца, который воевал в Белоруссии, только никто и не заподозрил, что ведет он тихое свое дознание. А он как-то зашел к «жучкам», вроде за спичками, и узнал, что у Валентины — ребенок, дочь шести лет. Зовут Оля. Мужа как такового нет. Ну, что ж... К своему брату мужчине у Фролова тоже были претензии. Он знал, что его брат очень разбаловался последнее время. И по части выпивки, и по части фотогеничных... Много стал мужчина позволять себе не мужского, и предать может, и соврать, и в склоку ввязаться. Калибром современный мужик стал помельче. Так что, даже не зная ситуации в случае с Валентиной, Фролов благородно взял ее сторону. Допускал, что мог ей попасться пустой человек.

Однажды они вышли из здания вместе. Не совсем случайно, конечно. Фролов выход Валентины прохронометрировал. А вот ручка у сумки Валентины оборвалась в тот день случайно. Фролов ее не подрезал. Заохала женщина, что ей делать, хоть оставь все, а ей печенка попалась говяжья по госцене, она же вся закровится, если ночь полежит без холодильника. И сказал Фролов Валентине:

— Давайте найдем ко мне. Я живу через дорогу, дам вам свой кофр, вы все переложите, а я вам ручку пришпандорю.

— Хорошо как у вас, — сказала Валентина у него дома, но без захватнической интонации. Другие женщины, возникавшие в квартире Фролова, автоматически ногами меряли кухню и мысленно расставляли в ней мебель. Это было видно сразу, и Фролов такую женщину старался тут же проводить до троллейбуса или трамвая. Эта же — ничего. «Хорошо» и все. Порадовалась за Фролова. И чай пить отказалась — тоже плюс. По мнению Фролова, настоящая женщина должна до трех раз отказываться от всего, что их брат предложит. Только с четвертого раза можно давать слабину.

Валентина в коридоре же переложила все в сумку Фролова, и он пошел ее проводить, потому что сумка была: будь здоров.

В электричку Фролов садиться не собирался, а сел. И эта его неожиданная лихость (без билета же!) заставила его посмотреть на ситуацию иначе. Он понял, что у него серьезные намерения.

Она же продолжала потрясать его тем, что вела себя, как должна вести себя женщина с высоким знаком качества.

— Давайте найдем, — сказала она. — Я все выложу и отдам вам вашу сумку.

Зашли. Неказистый деревянный домик с покосившейся антенной, мать, тихая такая бабушка. «Садитесь, пожалуйста». Газетку ему под ноги сунула, чтоб не наследил. Оля — девочка беленькая, спокойная.

— Познакомься, Оля, это дядя Фрол...

Надо сказать, что в редакции все Фролова звали Фрол. И он за многие годы привык. Фрол так Фрол. Но тут его немножко, чуть-чуть ущемило, что она имени его не знает. А с другой стороны, снова прибавило ей плюс, что не вела следствие, не выясняла, кто он и что! Хотя должна была бы обратить внимание на подписи. Фото А. Фролова. Но она ведь может не читать газет. Зачем ей? Фролов давно был убежден, что газеты — это игрушка, в которую играют журналисты и руководящий состав. Людям же простым, когда есть радио и телевизор, газета не нужна. И еще Фролов заметил: люди все, что им надо, и так узнают, пока на работу едут. И кого сняли, и кого назначили, и кто проворовался, а кто стал верующим. Потому то, что Валентина их газету не читала, криминалом в глазах Фролова не было.

В общем, дали ему его же сумку в руки, и ступай с газеткой.

Но тут Валентина полезла смотреть в расписание электричек — хороший поступок! — и ахнула. Оказывается, именно в эти дни по вечерам были какие-то работы на дорогах, и теперь ближайшая электричка должна была пойти только через два часа.

Раздели его. Посадили ужинать. На ужин была вареная картошка с домашней квашеной капустой и кисель из магазинного компота в банках. Еще была порезана колбаса, но Фролову эта колбаса из превращенных в атомы крашенных костей так надоела, а картошка была так грамотно пожарена и чесночком приправлена, что колбасу так и спрятали в холодильник «Север» нетронутой, а Фролов подумал: скромно живет семья, более чем...

Потом разговаривали про то про се. Женщины очень сочувственно отнеслись к тому, что Фролов сам построил себе квартиру, но опять же ни намека на захват...

Услышал Фролов в их суждении о собственной жизни удовлетворение. Все, мол, у них хорошо. Домик еще постоит. Слава богу. А если их улицу будут сносить — ходят такие слухи — то им на троих дадут двухкомнатную, что просто замечательно. «Вообще, — сказала бабушка, — хлеб вольный, что еще человеку надо? Раньше жили хуже...»

Понравилось это Фролову, потому что в редакции окружал его разговор, так сказать, обратный. Все, мол, хуже и хуже... Сам он, как и бабушка, так не считал. Не в подвале, не в опорках, кино у всех на дому, да удовлетворитесь вы, люди! Поблагодарите Бога там или Советскую власть. А все на него: дурак ты, Фролов, что от опорков считаешь... Давай еще от бизоньих шкур и кострищ. Тогда мы сегодня совсем в раю.

Фролов спорщиком не был. Не было у него на каждый чужой выкрик своего слова под языком. А мысли были. Он был убежден: надо бы человеку в претензиях окоротиться. Взять и чуток порадоваться тому, что у него есть... А чего нет, если уж неумоготу, спокойноенько заработать, построить или что там еще... Без фу, без криков. Вообще во всем, во всей жизни и работе без ору и криков. Без починов и начинаний и всяких там девизов «пять в три», «три в два» и так далее. Фролова специфика его работы, надо сказать, доконала. Героев на первую полосу он уже видеть не мог. Тем более никто, как он, не знал, какая это все лажа... Брехня в смысле...

В общем, понравилось Фролову у Валентины. Плохо живут, а не обидливо. Скромно.

Дома он починил ручку у сумки. Когда на следующий день пересекал улицу, идя на работу и держа в руках эту самую сумку, чувствовал себя как-то очень хорошо, светло. Но тут вспомнил, что сама Валентина в этот момент где-то там придавлена в электричке, как-то сразу расстроился, запереживал, даже виноватым себя почувствовал.

А тут случился грипп. Фролова подкосило, да как-то очень сильно. Лежит дома с температурой тридцать девять, кости так крутит, что не встанешь на ноги, просто полный абзац. В буквальном смысле воды подать некому. Да что воды? Он лежит как идиот и переити улицы и сообщить, что он не в состоянии снимать в номер очередного героя, тоже некому. За неявку на работу быстрый на расправу редактор объявил Фролову выговор, только на третий день кто-то задал человеческий вопрос: а не случилось ли что с фотокором?

Но это же надо было идти к Фролову домой, а тут у всех номер, верстка, правка, сразу не собрались, одним словом... И тут приходит эта женщина из «жучков» и говорит, что лежит Фролов в тяжелом состоянии. Редактор тут же велел организовать круглосуточный пост, но женщина сказала: «Не надо». И все облегченно вздохнули.

Пока Фролов болел, а потом выздоравливал, Валентина ходила к нему, кормила, убирала. Он ей был благодарен даже не столько за это, а за то, что она сообразила, что он заболел, и пришла, и звонила, звонила в дверь, пока он по стеночке до нее добрался. У него даже сил не было крикнуть: «Иду, мол...» Он едва замок в двери повернул, такое у него было бессилие...

КИН

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

Сразу после его болезни и подали они заявление в загс. Валентина сказала, что выписываться из своего дома не будет, ходят все-таки слухи, что будет снос... Зачем же перспективную квартиру терять? Дочка будет жить у матери, садик рядом и школа рядом, чего ребенка дергать?... Фролов же ей твердо сказал: он ничего против Оленьки не имеет. Но было в таком решении Валентины и что-то ему приятное. Какая-то ее осторожность ли, деликатность...

А через месяц случилась эта беда. Заболела воспалением легких девочка, и положили ее в больницу. Две недели Валентина жила там, а потом, когда девочка стала выздоравливать, вернулась. Спала, как мертвая, от усталости. На воскресенье поехала к матери делать генеральную уборку: в понедельник Олю выписывали. Фролов тоже с ней собирался, но у него случилось срочное задание, и он поехал в район кого-то там снимать на первую полосу.

Валентина с матерью выскоблили и проветрили дом, а потом решили хорошо его протопить, чтобы ребенок из больницы попал, наконец, в человеческие условия. Протопили, легли спать и угорели. Насмерть.

В больнице оказались хорошие люди: оставили девочку у себя, пока похороны, то да се...

Как все прошло, Фролов помнил плохо. Потому что было ощущение, что он в это не включился. Куда-то ходил, что-то делал, сам себе чужой. Уже возле могилы его стали толкать в спину, чтобы он поцеловал Валентину. Не мог сообразить, зачем? Но подошел ближе к гробу. Увидел незнакомое лицо, ничего общего с той женщиной, которую знал. Получалось, что хоронил чужую. Зачем же целовать? Так и не смог. Постоял, посмотрел и отошел.

В высокобленном, чистом доме, в котором даже после всех сквозняков пахло чуть-чуть сладковато, состоялись поминки. И тут Фролов стал потихоньку приходить в себя от недоумения. Очень странный шел вокруг разговор. Чтобы его понять, надо было сильно сосредоточиться, а для начала надо бы прийти в себя.

Родственники, человек восемь — десять, почему-то

друг дружке показывали, какие они все без исключения далекие покойницам люди... То, что называется последняя вода на киселе. В подтверждение этой странной для такого случая мысли некоторые, оказывается, случайно прихватили с собой документы. И этими бумажками будто невзначай тыкали Фролова. «Ты поглянь, поглянь, — говорила сестра бабушки, — у нас и фамилии-то разные... А ты говоришь — сестра».

Да ничего Фролов не говорил ей про это!

Он же сидел, как замороженный!

— А я вообще не отсюда, — доказывала другая, помоложе. — И вообще у нас там климат очень гнилой...

Дурак дураком сидел Фролов, но слегка оживать начал. В глубине души Фролов был человек любопытный. Его эти родственники, которые только что не в волосы вцеплялись друг другу, доказывая, что они — самые, самые дальние, заинтересовали. Ну, спорили бы они, кто ближе, тогда понятно, какое-нибудь какое-то барахлишко, а осталось от покойниц. И дом... Есть резон побазарить... Правда, Фролов толком не знал, собственный этот дом или казенный... Ему-то это было без разницы. Но бороться за то, чтоб считаться чужим, такого он сроду не видел.

И тут его озарило. Он вдруг понял, чего боялись эти люди: кому-то из них придется забирать из больницы Олю. Ради этого они и документы прихватили. «Ах вы, собаки! — в общем-то беззлобно подумал о всех Фролов. — Ах, собаки!» Видел Фролов и другое: они его по взглядам считают своим и тоже защищают. «При чем тут он? — кричал двоюродный брат Валентины. — Он вообще тут без году неделя».

И тогда выступил старейшина всего этого действия, какой-то там исключительно далекий всем дедушка. Он сказал, что у ребенка есть отец. Что от отца этого шли алименты. Что девочка носит его фамилию. Так что нет предмета спора. Надо отбить телеграмму... Как его? — Корякину, Корякину! — закричали последние на киселе. «Корякину отбить, — повторил старейшина, — и пусть он забирает свою дочь. А пока суть да дело, то, наверное, каждый не будет про- тив...»

Дедушка не кончил говорить, а все уже платками повязывались, пальто напяливали. «Правильно, правильно, и как это мы сразу? Есть же Корякин». И тут всех их ветром сдуло.

Все Фролов сделал сам. Посуду помыл, вытер, в шкафчик поставил. Пол подмел. Скатерку на крыльце вытряхнул и сунул в свой кофр, чтобы отнести в прачечную. Выключил свет, перекрыл газ и поехал домой.

Возле дверей квартиры на попу была поставлена широкая тахта, которую они решили купить с Валентиной вместо дивана. Он совсем забыл, что именно на сегодня была заказана доставка. На тахте лежала бумажка «Позвоните в 27». Он позвонил, вышел мужик в пижаме и майке со спущенной оттянутой лямкой.

— С тебя шесть рублей, — сказал он сразу. — Они тут орал, пришлось заплатить. Три по бумажке, три сверху.

Фролов отдал шесть рублей. Самому втаскивать тахту в квартиру оказалось трудно. Корпел он над этим долго. Попросить же соседа постеснялся. В конце концов видел же мужик, что тахта стоит на попу и что надо ее поставить на место? Видел, но сам не вышел. Зачем же просить и нарываться? Фролов все-таки справился, втащил это одоробло. Тахта оказалась очень широкой и по расцветке нахальной, она заняла половину комнаты и была теперь Фролову абсолютно ни к чему.

Лег он на свой старенький диванчик и удивительно крепко уснул, все-таки намаялся за эти дни.

Проснулся же рано, и первая его мысль была о Корякине, которого он знать не знал, ведь не ведал, а вот едва проснулся, глаза открыл не успел, а в мыслях Корякин. Фамилия оказалась подходящей, распяла она фроловские мозги, аж больно стало. Ну, а потом следом за этой самой болью пришло беспокойство: девочку-то Олю надо из больницы забирать. С ним договор был, с Фроловым, что как, мол, все закончится, ее и выпишут.

Пошел Фролов к редактору отпрашиваться, тот весь аж затрясся: сколько, мол, можно? Три покойнички дня вы, Фролов, уже имели, теперь же имейте совесть! На первую полосу нечего ставить, требования к печати возросли, всю идет принципиальная критика, в противовес же ей нужен оптимистический иллюстративный материал, чтобы был баланс того и сего, а у вас, Фролов, получается, личные дела все застыли?

— Дитя из больницы надо забрать, — бубнил Фролов. — Обещал...

— Попросите женщин из «жучков», все равно целый день вяжут, — нервно закричал редактор, на что Фролов твердо сказал:

— Это же мои проблемы...

Договорились так. Фролов быстренько с соседнего заводика сварганит оптимистический фоторепортаж, а потом займется своими делами. Оказались рядом сотрудики, все они слышали, качали головой. «Ты, Фролов, дурак... Оно тебе нужно, чужое горе?.. Какой ты ей родственник?..»

Смолчал Фролов. Не станешь же рассказывать про то, как все родственники отползали вчера, можно сказать, за демаркационную линию. Не вспомни тот старик Корякина, могло бы дойти до того, что объявили бы себя родственники другой расой, чтобы только подальше числиться. Но он-то, Фролов, слава Богу, русский и даже по темноте бабки крещеный. Так что никаких ему женщин из «жучков» не треба, он сам... Взял такси и привез Олю к себе. Посадил на широкую тахту и сказал: «Живи пока...»

Девочка молчала весь вечер. Отказалась есть. Фролов не знал, что делать, и метался по кухне. У него просто паника случилась. Вспомнил себя ребенком, чего ему тогда хотелось в первые послевоенные годы? Не мог вспомнить. А потом вдруг вспомнил. Молочный кисель! И даже вспомнил, как он его захотел. Мать ему читала сказку, и были в ней слова про «молочные реки и кисельные берега». Ему возми и представь все это... Бежит белая такая речка, вся в бурунчиках, и берега розово-осклизлые, которые можно откусывать губами... Представлялось, а вылилось в ор: «Хочу молочного киселя!» И мать ему сварила. И он не мог тогда дожидаться, когда кисель остынет, у него просто спазм в горле возник от страстности желания.

— Хочешь молочного киселя? — спросил Фролов на всякий случай Олю.

— Хочу, — тихо сказала она.

Она хорошо поела, а Фролов сидел рядом и ложкой выскребал остатки киселя со дна и стенок кастрюльки. И так ему почему-то хорошо было, будто благодать нашла. «Ах ты, боже мой, боже мой!» — бормотал Фролов.

Но спать в эту ночь он уже не мог. Он лежал и думал о том, какая невеселая история с ним приключилась и надо теперь писать Корякину. Девочка спала и во сне всхлипывала, и этот ее всхлип, слабый и жалкий, напомнил Фролову Валентину. Та тоже ночью всхлипывала. И он ее именно в эти минуты больше всего жалел и любил.

Вообще надо сказать правду. Когда Валентина уже переехала к нему, он остро об этом пожалел. Впервые, его сразил этот запах, которым были пропитаны ее вещи, — запах разных химикалиев против древесных жучков. Висело на вешалке пальто и вошло на всю квартиру, а Валентина сказала: «Я не чувствую». Именно пальто было противней всего. Поэтому он приходил с работы и первое, что делал, раздражался. И хоть по природе своей Фролов был человеком смирным, тут его бешенство как волной накрывало. Хоть караул кричи. Но он, надо отдать ему должное, не кричал, только все ему было уже не так. Валентина, например, сначала ставила горячее, а потом начинала нарезать хлеб. А он привык, чтобы до всего был нарезан хлеб, соль, горчица поставлены, стакан для чая приготовлен. Тогда можно ужинать спокойно, последовательно, не отвлекаясь. Опять же мытье посуды. Фролов сначала мыл ложки, ножи, вилки. Потом стакан, после уж тарелку. А Валентина все бухала в мойку вместе. В общем, тяжелые вечера получались у Фролова. А вот ночью, когда женщина начинала всхлипывать, у него вдруг откуда-то прорывалась нежность, и он мечтал, что купит ей новое пальто и найдет ей другую работу, бедняга же все время с химией этой проклятой. И просыпался он утром с хорошим чувством, и хоть Валентина по утрам красоткой не была — щеки мятые, глаза запухшие, — все равно утром было легче, чем вечером. Даже от пальто не так разило.

Но все-таки сказать, что Фролов обрел человеческое счастье, женившись на старости лет, было бы преувеличением. Счастьем не пахло. Как бы там сложились у них отношения в будущем, сказать трудно. Всякое могло быть...

Теперь же спала на дуралю та же девочка, нежно всхлипывала, сердце Фролова щемило, и спать он не мог. Встал и пошел на кухню. Сел на табуретку и стал смотреть в ночь. Где, интересно, этот Корякин? И кто он вообще? Валентина никогда ему про свой брак первый не рассказывала, а он не спрашивал. Такие они оба были люди, молчуны по части личной жизни.

На следующий день, оставив девочку одну, побегал Фролов на работу оформлять отпуск. И туда ему позвонила седьмая вода на киселе и стала возбуждать его вопросами, написал он Корякину или нет. И что он себе думает вообще? Был в голосе этой воды на киселе почти невыразимый оттенок ли, намек, что он, Фролов, чуть ли не присваивает себе то, что ему не принадлежит. И даже некое превосходство, что они, кисели, себе этого не позволили. Попросил Фролов редакционную машину и махнул за город. Отпер дом, вошел. Все так же в нем сладковато-приторно пахло. С робостью и стыдом одновременно стал он искать в комнате корякинские следы. И нашел, быстро довольно. Была такая сумочка без ручек и замка, бельевой резинкой связанная. Там лежали письма и корешки от переводов. И фотография была мужчины, без надписи. Мужчина как мужчина, смотрит прямо, туло, лицо нефотогеничное. Фотография шесть на девять. Взял он всю эту сумочку с собой, чтобы дома с ней разобраться. Затормозил возле детских игрушек: взять — не взять? Испугался, вдруг они дитю беду напоят? Но на машине заскочил в «Детский мир», купил куклу с негнущимися ногами и заводную обезьяну на качелях. В конце концов Корякин не завтра придет...

Оля так и сидела на тахте. Просто удивительно, какой безропотный это был ребенок. Но кукле обрадовалась очень, едва выдохнула:

— Спасибо, дядя Хлор...

Такая была радость у ребенка, что поправлять ее он не осмелился. Ведь и Валентина его называла Фролом, а когда узнала, что он Андрей Иванович, то очень удивилась. А почему, собственно, ему не быть Андреем Ивановичем, если его так называли? Но пусть будет Фрол... Не в этом дело. Ну а то, что ребенок назвал его Хлором, не беда... Выучит правильно, пока Корякин придет.

Читать письма Фролов не хотел. Стыдно ему было. Он хотел по штампам определить, какое самое позднее, и именно по последнему адресу написать Корякину. Ведь адресов было несколько. Но ни черта нельзя было разобрать на штампе, пришлось лезть в конверт. Тут Корякин надежды оправдал. Он ставил даты, отделяя цифру от цифры жирной точкой. Стараясь не задевать глазами слова, Фролов искал самое последнее, самое свежее письмо. Но глаза подводили Фролова, они схватывали не только слова, а целые фразы, абзацы. Это было нетрудно, потому что корякинские письма были коротенькие, буквы кругленькие, слова хлесткие.

«Наш брак оказался в полном смысле этого слова».

«Был бы еще сын, а девчонкой мужчину не заарканить».

«Хорошо живу, тебя не помню».

«Насосала ты меня до восемнадцати лет...»

«Хотела сразить меня фоткой? Смеюсь я с вас, баб...»

«Женись хоть на попе и работнике его Балде...»

Это благословение пришло Валентине полтора месяца тому назад из Челябинской области.

Странное ощущение было у Фролова от выстреливших в него цитат. С одной стороны, он Корякину, как это ни странно, сочувствовал. Он понимал, как должно быть погано мужику, если с женой у него не заладилось и пришлось рвануть с югов на Север... С другой же стороны, он его осуждал за это его «насосала до восемнадцати лет». Это нехорошо. Не по-мужски... С третьей же стороны, вызвала недоумение Валентина, которая будто бы продолжала к Корякину вязаться, а это уже не по-женски... Была и четвертая сторона, жалость... К ним обоим... Дуралю ты, дуралю, Корякин, до сих пор небось лаешься, а она уже в могиле... Эх, Валентина, Валентина... Что ж у тебя за судьба такая, незадачливая?.. Неумеха ты, неумеха... Тридцать с лишним лет прожила, а печку топить не научилась. В общем, много разного было в душе у Фролова. Поэтому он решил чуток подождать с письмом, чтобы написать точные слова.

Девочка же постепенно привыкла. Называла его «дядя Хлор», а он уже стеснялся ее поправить. Ходили они вместе в магазин, девочка становилась в очередь, а он шел в кассу. Сводил ее на мультяшки, на обратной дороге зашли в редакцию. Парень на договоре, который заменял Фролова, как раз в этот день допустил ляп, и редактора вызвали в обком для объяснений. Знатного на всю область токаря он в подлинном назвал механизатором и дал ему фамилию недавно только умершего инструктора обкома. Парень показывал Фролову, как это получилось. Просто все данные у него были на одной страничке блокнота. И на токаря, и на механизатора, и на инструктора, которого он переснимал с личного дела дяди некролога.

«Разве ж всех упомнишь?» — сокрушался парень.

Фролов показал свою систему, безошибочную систему, в которой фиксируется и день, и час, и случай, по которому идет съемка, и номер пленки, и кадра, и никогда-никогда! — на страничке блокнота нет больше одной фамилии.

— Выгонят? — спрашивал парень.

— Скорей всего, — честно ответил Фролов. — Когда путаница с покойником, это последний случай...

Вернулся редактор. Подписал приказ, а Фролову сказал:

— Отзываю из отпуска. — Увидел девочку. — Дочка?

Он был у них придурочный, их редактор. Работал недавно и ничего запомнить не мог. Ни про людей, ни про работу. В основном он боялся, это была его главная эмоция. И еще он злился, что люди это не понимают и каждый норовит подвести его под монастырь. Сейчас он злился на Фролова, которому приспичило идти в отпуск в такое ответственное время, а достойную замену себе обеспечить не удосужился. И вообще таскает на работу ребенка!

Конечно, Фролов мог привлечь местком и доказать, что в отпуск он три года не уходил, но Фролов принципиальным человеком не был, он был понимающий человек. И если редакция осталась без фотокора, надо выходить на работу. Какие могут быть разговоры?

Пришлось вечером сесть за письмо Корякину. Оленька спала, нежно всхлипывая и обнимая негнущуюся куклу, а Фролов придвинул к себе листок бумаги и задумался. Вот какое письмо он сочинил в конце концов:

«Здравствуйте, Олег Николаевич! (Так звали Корякина.) Пишет Вам Фролов. Ваша бывшая жена Валентина скончалась вместе со своей матерью. Осталась девочка Оля, которую я прошу у Вас разрешения усыновить, так как являюсь вторым мужем Вашей покойницы жены. У меня хорошие жилищные условия, я не употребляю, имею в месяц двести пятьдесят чистыми и в состоянии одеть, обууть и накормить ребенка. Оля ко мне уже привыкает, а с Вами ей начинать сначала. Жалко девочку. Напишите ответ быстро.

Фролов».

Корякин работал на заводе в Челябинской области наладчиком, висел на Доске почета и только что победил в борьбе с комендантом общежития. Дело в том, что была у них в общежитии одна хитрая комнатка. На одного. Когда варганили общежитие, строители забыли поставить в этой комнатке батарею. На Урале это существенно. Пришлось сделать из комнаты кладовку. А однажды ее захватила одна долго не получающая квартиру семья с ребенком. Короче, еще вечером была кладовка, а уже утром в ней жили трое. Дело было летом. Подошла осень. Захолодало. Предприимчивая семья возьми и выложи печь с трубой в окно. Еще вечером печки не было, а утром стоит красавица, в окно дымится. Скандал, комиссии, то да се... В общем, три года самозаселенцы жили, пока не сообразили второго ребенка. Уже после них стали за эту комнату биться одиночки. Оказалось, что протопить удачно выложенную печку не только не сложно, а даже удовольствие, если вокруг этой печки ты один гнездиться. Так и давали эту комнату в порядке исключения то какому-нибудь

старому холостяку, то сильно храпящему, то тому, кто коменданта подмазал...

Сейчас вокруг печки жил Корякин. Жил и имел всех в виду. Повесил на стенку своих любимцев — Высоцкого, Челентано и Ирину Алферову и ловил кайф. Между рамами у него стояло пиво, в холодильнике «Морозко» стили шпик и банка килек пряного посола. На веревке над печкой сохли корякинские носки.

Корякину было тихо, спокойно, и если бы сейчас кто-нибудь спросил его, какая-нибудь дотошная золотая рыбка, чего, мол, тебе надобно, Корякин, то он ответил бы ей четко: «А пошла ты...»

А что удивительного? Человек был просто счастлив, грубо говоря.

И тут ему под дверь подсунили письмо. Корякин услышал шелест, увидел белый квадратик на полу, но с места не сорвался. Он продолжал лежать с чувством глубокого удовлетворения. Не было на земле человека, чье письмо могло так уж обрадовать или огорчить Корякина. А точнее говоря, Корякину вообще никто не писал, кроме его последней бывшей жены. И он был уверен, этот квадратик тоже от нее, от кретинки. Опять сообщает ему ненужные подробности из своей жизни и жизни так называемой дочки. Чего добивается, идиотка, каких результатов?

Корякин жил с Валентиной пять месяцев. Подвиг! Потому что с двумя предыдущими женщинами-женами он едва выдерживал по месяцу. Какой-то, видимо, был изъян в Корякине, но как только женщина располагалась рядом надолго, возникало в нем ощущение, что дышать ему нечем. Причем на самом деле, а не в переносном смысле. Может, это была какая-то аллергия, а может, Корякину просто не везло с их сестрой. Обе его первые жены были северянки, высокие, белые, с неспешной речью. Когда он рванул от второй, он твердо решил: никогда больше в это дело не ввязываться. Ему еще везло, что не завязывался за этот срок ребенок. Счастливый, можно сказать, случай, потому что есть мужики, которые с одного разу попадают. А потом затомило Корякина. Все ему не так. Все ему не то. И приехал на юг, где ему сразу понравилось. И то, что два часа — и море. И базары пряные, сочные. И народ бойкий, нахальный, хороший, одним словом, народ, палец ему в рот не клади. Пока архангел (так Корякин звал северян) повернется, краснодонец (так он звал южан) в Москву сбегает и обратно. В общем, к сегодняшнему времени вторые были приспособлены шибче. А Корякин, детдомовец и хронический одиночка, ценил это в людях. За себя надо уметь постоять. Это — главное. Друг, товарищ и брат — это хорошо звучит Первого мая. А во все остальные дни ты сам у себя один.

Решил Корякин еще раз рискнуть с женьбой. За тридцать перевалило, надоело носки, рубашки стирать и каждый раз стоять перед вопросом: с какой пойти? Валентина отличалась от северянок. Была маленькая, черненькая, говорила быстро... Внешние данные устраивали. И доказательством тому, что все-таки не совсем он ошибся, были пять месяцев.

А потом снова здорово. Дышать стало нечем. Снова пришлось рвать... Потом уже узнал, что родилась дочка. Новые новости, подумал он. То, что в отличие от предыдущих женщин, канувших без следа, эта продолжала писать ему идиотские письма про какие-то ветрянки, коклюши и склонность к близорукости, выводило его из себя. Он стал бегать с места на место, но письма находили его. И каждый раз на дне его возмущения и гнева было и нечто невыразимое. Удовлетворение, что ли?.. Что вот ищут его и находят. А может, мужская гордость, вот он какой, запомнившийся... Смутность этих чувств, собственно, и толкала на ответы. Хамские, конечно, но тем не менее... Корякин побил бы того, кто сказал бы ему, что он с Валентиной связь сам поддерживает, побил бы точно, но уж если говорить правду и только правду... Было это... Было...

Теперь он, лежа на кровати, смотрел на квадратик на полу. Был Корякин сейчас величавый, гордый, независимый и, не читая письма, уже придумывал ответ. Вот такой, к примеру:

«Достала ты меня своими письмами... Ну что мне, горло себе перерезать? Так какой тебе с этого навар? С того света алименты не шлют... Хотя сыск в этом деле добился больших результатов. Может, уже и там ходит майор Пронин? Не уважаю, тем более что ты собралась замуж... Значит, не обломился тебе мужик? Снял на полдороге? Понимаю товарища и ценю за стойкость. В свое время Корякин напоролся».

Хорошо лежать и придумывать письма. Глядя на квадратик на полу, Корякин одновременно придумал письмо и Челентано.

«Привет, кореш! Вот валяюсь и решил тебе черкануть. Смотрел твой фильм «Укрощение строптивого». Не ожидал такого поворота. У тебя там такой дом, такие бабы и негритянки, а ты клюнул на эту мышь. Неправдоподобно и далеко от жизни. Нам в школе объясняли, что ваше искусство искажает действительность. Я в этом убедился. Тем более что ничего в этой красоте, которой ты поддался, нет.

Не в моем вкусе. Так что ты все-таки выбирай, где тебе сниматься... Не останавливайся на достигнутом. Корякин».

Корякин легко вскочил с постели и стал играть с письмом в «классики», подгоняя его носком к кровати. Устал и взял его наконец в руки. Письмо было не от Валентины, хотя из тех же краев. От какого-то Фролова. Очень интересно, подумал Корякин, что за дурак мне пишет?

А потом он ошалел...

То ли не смог плавненько перейти от кореша Челентано к письму, то ли еще что, но ошалел... То есть ничего у него в голове не было. Только пустота звенела, и от этого звона ему даже жарко стало.

Ничего своего у Корякина не было. Он олицетворял собой личность, имеющую отношение только к государственной собственности, так сказать, на паях со всем многомиллионным народом. А может, государство владело Корякиным, и это был крепкий брак по взаимности? Тут много спорного. И вдруг выясняется: его собственную дочь по фамилии Ольга Корякина хочет перехватить какой-то хмырь, который не употребляет и имеет площадь. Что он, Корякин, сам безрукий-безногий, чтобы ему дитями разбрасываться? Личного ребенка, на которого он израсходовал уже более трех тысяч рублей, отдай чужому дяде? А ты, Фролов, возьми и роди сам, если ты такой умный. Расстарайся! Горло просто гневом перехватило, пришлось достать пиво и отпить прямо из горлышка. Вынул бы всю бутылку, но тут вдруг как по голове его — тр-а-ах! Он-то пьющий, а Фролов — нет. Не то что он, Корякин, алкаш. Нет, конечно. Но пиво у него между рамами почти всегда стоит. И другое он вполне принять может — и белое, и красное. Кроме зеленого. Это ни за что!

Корякин прихлопнул крышечку на бутылке и сказал: «Баста!» И снова распалился на Фролова, который дуриком хочет иметь готового ребенка. Он полез в чемодан, стал рыться в разных бумажках, искал фотографию девочки, которую давным-давно присылала ему Валентина. Не нашел. И так из-за этого расстроился, будто совсем потерял ребенка. Стало ему даже казаться, что это чуть ли не основание забрать у него Олю. Фролов этот скажет: «У тебя даже фотографии ее нет!» Ну, куда он ее мог деть, куда? Всеякие справки валяются, какие-то фотки, понятия не имеет чьи, сохранились, а дочка как и не было!

Корякин едва дожид до утра, утром подал заявление об уходе, устроил скандал, что не может ждать ни дня. Кричал: «У меня дитя отнимают, дитя!» Подействовало. Все ходили смотреть на мужика, у которого чужой человек дитя нахально отнимает.

Потом Корякин базарил в аэропорту, и там тоже ему сочувствовали и удивлялись этому бессовестно-наглому началу — отнимать чужих детей: Грешили на капитализм. Это у них давно принято, вот, оказывается, и к нам подбирается.

Несчастный и решительный, летел в небе Корякин, перегоняя солнце.

А в это время Оля сидела на тахте, и они с Фроловым упоенно переводили картинки. Оба были мокрые, все в бумажных катышках, зато на куске ватмана цвели необыкновенные цветы. Потом они приколачивали ватман к стене и охали от этой неземной красоты, потом ели из одной тарелки пшеничную кашу с молоком. Одна тарелка у них давно уже повелась. Фролов сам не заметил, как у них очутилась эта одна тарелка, только вдруг оказалось: нет больше удовольствия за едой, чем следить, чтобы другой не съел меньше.

Когда девочка уснула, Фролов с тревогой вспомнил Корякина: что-то тот ему ответит? Фролов не сомневался, что ребенок Корякину не нужен, он боялся, что тот долго будет молчать, а ему Олю надо в садик устроить, в школу определять, как бы какие чиновники не прицепились, что она ему чужая. Стоило только подумать это слово — «чужая», как с Фроловым черт знает что начинало твориться. Весь его организм протестовал и возмущался. Он ведь за эту девочку жизнь бы отдал, не думая.

Ночью в квартиру сильно и резко позвонили. Оля вскрикнула. Фролов так рванул к двери, что можно было не сомневаться: он этого звоняря сейчас приберет.

Так они и предстали друг перед другом — в характере. Фролов и Корякин.

Корякин, пока подымался по лестнице, тоже себя распалил. Он уже видел, как заворачивает своего ребенка в одеяло и уносит от этого любителя чужого.

Фролов же, то есть любитель чужого, за этот Олин ночной вскрик был вполне готов к убийству.

К напряжению, которое образовалось на пороге, вполне можно было подключить электрическую сеть слаборазвитой страны. Сработало бы за милую душу.

— Я Корякин, — сказал Корякин.

— Вижу, — ответил Фролов, у которого была хорошая профессиональная память на лица, и он хорошо помнил фотку шесть на девять. — Входи!

— Кто там, дядя Хлор? — спросила Оля.

Оба мужика принципиально уставились друг на друга. Решительный был момент, многое от него зависело.

— Спи! — сказал Фролов, закрывая в комнату дверь. — Это ко мне по делу. — И повернулся к Корякину. — Проходи на кухню, пальто и чемодан положи тут... — Он указал на место у порога.

Они вошли на кухню и сели на табуретки. И молчали. Фролов понял, что раз Корякин тут, то ничего хорошего в этом нет... Корякин же, хоть и знал, сколько лет дочери, все-таки представлял себе что-то такое укающее, а тут услышал совсем, можно сказать, взрослый голос. Если, конечно, это его дочь...

— Она? — уточнил он.

Фролов кивнул.

— Разбудил, — огорченно сказал Корякин. — Но терпения не было...

— Понимаю, — ответил Фролов. Еще бы он не понимал человека, бегущего ночью к Олечке. — Значит, какой твой будет ответ? — спросил он, чувствуя, что смерть его близка. — Она воспалением легких болела, ее нельзя в другой климат...

— Ты мне мозги не пудры! — вспылал сразу Корякин. — Климат ей делаем, какой надо...

— Это в каком же смысле?

— В том самом! Где ей надо, там и будем жить... Я птица вольная...

— Ты же ее ни разу не видел, — печально сказал Фролов.

Корякин не любил, когда его били по больному.

— Не означает, — отрезал Корякин. — Мое дите.

А дите стояло в дверях, в длинной рубашке, с распущенными волосами, в больших фроловских тапочках.

— Я писать, — сказала девочка. И оба кинулись к ней, будто «писать» — что-то исключительно драгоценное, что нельзя бросать на произвол судьбы. И оба стояли под дверью, оба ждали, и Фролов видел, как дрожит у Корякина подбородок, а Корякин видел, что Фролов стал белым как мел.

— Вот такие дела, — сказал потом Фролов, когда Оля снова легла, улынувшись им обоим светло и ясно. — Угорела Валентина. А мы с Олей поладили... Я ее рыночным кормлю...

— Спасибо, — сказал Корякин. — Я в долгу не останусь...

— Какие глупости! — развел руками Фролов. — Главное, чтоб ей было хорошо... У тебя есть квартира?..

Корякин вспомнил свою комнату с печкой и мысленно покрыл себя хорошим отборным матом. Это же надо быть таким идиотом? Была же у него квартира, была! Надо было взять отпуск, а не увольняться... А он дурак без мозгов. Бросил такую комнату-красавицу, сухую, теплую, ну, туалет, правда, на улице, но горшки, слава богу, не проблема. За своим ребенком да не вынести!

— Все у меня есть... А нет, так будет, — твердо сказал Корякин. — Я для нее все сделаю...

Фролов тяжело вздохнул.

Корякину постелили на полу, между тахтой и диванчиком. Из входной двери прилично тянуло. Корякин чувствовал, как холодит ему лопатки и спину, но что он, раньше не попадал в подобные условия? Корякин в своей жизни где только не спал. А вот сейчас он испугался, что может захворать. Нельзя это сейчас, никак нельзя... И он пролежал всю ночь, стараясь держать спину чуть ли не на весу, эдаким коромыслом.

Слышал он, как нежно всхлипывала Оля, совсем как Валентина. Так вот эти всхлипы Валентины в свое время выводили его из себя. «Ты чего хрюкаешь?» — кричал он, а она не понимала. Тут же, тут же ему нравились эти беззащитные ночные детские звуки, и он думал: «Сны смотрит... Интересно, что же ей показывают?..»

Фролов тоже не спал. Он как только увидел Корякина, понял, что тот не отступится. И что тут сделаешь? «Эх, горе мое, горе», — думал Фролов. Как-то четко увиделась вся жизнь, в которой, в сущности, не было радости, а было сплошное преодоление трудностей. И если раньше казалось, что все эти преодоления — доблесть, то сейчас он понял, что чепуха это все, если нет у человека радости. Вот пришла девочка, и все обрело смысл, а завтра увезет ее отец Корякин, и зачем жить? Зачем метельиться? Неужели он, Фролов, родился на свет для того, чтобы бесконечно снимать улыбающихся рабочих и колхозниц и таким образом сохранять в газете баланс критики и оптимизма? Просто стыдная какая-то жизнь получалась! С другой же стороны, совсем не стыдная, если делать это все и знать, что вечером они с Олей будут есть кашу из одной тарелки, и она своей ложкой проведет черту по каше, чтобы ему, Фролову, досталось больше, а он проведет свою черту, и так, подпихивая друг другу еду, они будут смеяться, и лучше этого ничего не может быть.

Утром Фролов встал рано. Оля еще спала. И Корякин, наконец, задремал, свернувшись калачиком.

Бесшумно открыл и закрыл дверь Фролов.

Утром Корякин перво-наперво вымыл пол. Надо сказать, что у Фролова это дело не получалось. В пояснице он был негибок, мыл пол с колен, а точнее, не мыл, а воду размазывал. Не то Корякин. Выскоблил он фроловский пол так, что тот аж засверкал. Потом нашел в инструментах Фролова кусок пенопласта, выкроил его как надо и набил на нижнюю часть двери, чтобы не дуло. Оля помогала ему, подавая гвоздочки.

— Утепились, — сказал Корякин.

— Спасибо вам, — сказала Оля.

Смутился Корякин от этого «спасибо». Даже душно стало.

— Да, — вздохнул он, — да...

— Что да? — спросила Оля.

Не было у Корякина ответов. Не было у него слов! Поэтому он решил починить краны. У Фролова они капали, и были от воды ржавые подтеки и в унитазе, и в раковине, и в ванной. Корякин все это ликвидировал. Засверкало все у Корякина. Оля просто руками всплеснула.

— Как чисто!

Корякин решил, что надо идти в этом направлении.

Он стал отбирать белье, которое было засунуто в пластмассовое ведро. И тут Оля ему помогала. Вместе развешивали в кухне на веревке. Разговоры с Олей у них были производственные.

— Понимаешь, — говорил Корякин, — в мужской рубашке самое трудное место — воротник. Он же, зараза, соприкасается вплотную.

— А зачем вы ругаетесь? — спросила Оля.

— Не! Не! Не! — испуганно замахал мыльными руками Корякин. — Оговорка! Поберегусь! Извиняюсь! — И говорить стал Корякин медленно, чтобы ненароком не выпальнуть.

Потом они пошли с Олей в магазин, и Корякин, отпихнув в очереди какую-то тетку, ухватил приличный кусок мяса. Они варили с Олей борщ, крутили мясо на котлеты, и было им хорошо друг с другом.

— Ты Корякина, и я Корякин, — осторожно сказал он. — Мы поладим.

— А почему ты Корякин? — спрашивала девочка.

— Так вот... Получилось! — оробел Корякин. — Корякиных нас много.

А потом пришел Фролов. Увидел все — чистоту, белье на веревке, обед и мордочку Оли, довольную мордочку, вздохнул и понял, что у него нет другого выхода.

— Ты живи с ней тут, — сказал он Корякину, когда Оля уснула. — Я могу где хочешь пожить...

— Спятил, — ответил Корякин. — Ты спятил... Это я могу где хочешь... Я привычный...

— Да я тоже, — вздохнул Фролов. — Два года как сюда въехал, а то все по углам...

— Два года, и уже все к чертовой матери разваливается, — возмутился Корякин. — Все наперекосяк, все трескается...

— Ну, — сказал Фролов, — в кооперативе еще более-менее, в государственных еще и не то...

— А то я не знаю! — ответил Корякин. — Я сам жил в комнате, в которую забыли поставить батарею.

— Что мы за люди! — вздохнул Фролов. — Для себя же, а не стараемся...

Вздохнули.

На следующий день Корякин взялся за ремонт квартиры. Фролов прибежал с работы, готовил еду. Оля помогала то тому, то другому, командовала.

— Дядя Хлор! — кричала. — Я уже солю картошку, не вздумай еще раз!

— Корякин! У тебя на потолке следы, ты что, не видишь?

От добра добра ищут только идиоты и жадные. Корякин нашел работу на заводике рядом с редакцией. Продали соседу тахту и купили два кресла-кровати. Оля спала на диванчике, а они на креслах.

— Они тебе кто? — спросили Олю, когда она пришла в первый класс.

В одинаковых синих костюмах, в белоснежных рубашках с душистыми галстуками стояли в родительских рядах двое. Когда зазвенел звонок и женщины стыдливо засморкались, эти заплакали откровенно.

— Так кто они тебе? — приставали к Оле.

— Кто! Кто! Дядя Хлор и Корякин, неужели не ясно? — дернула плечами девочка.

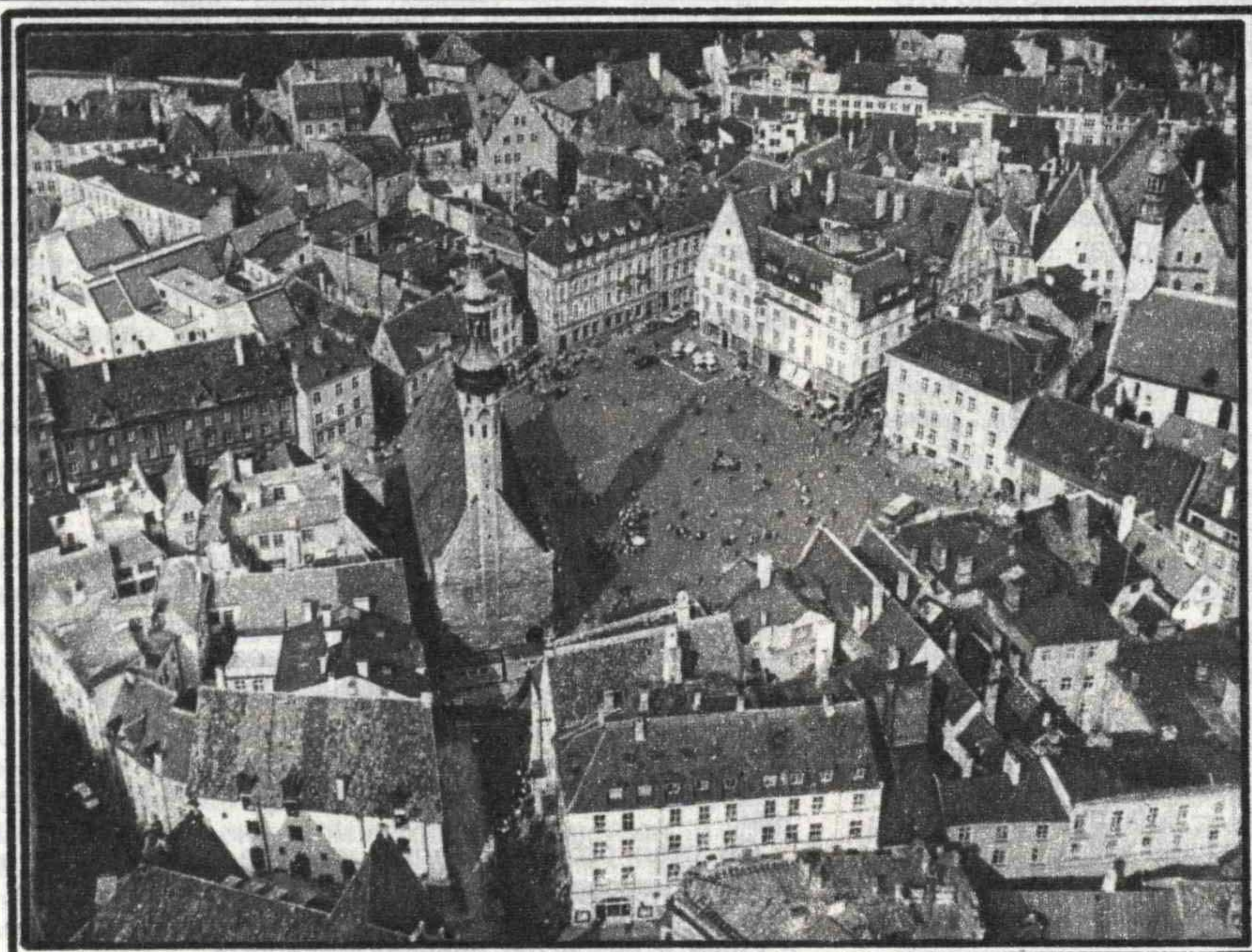
Росла Оля умненькой, решительной, самостоятельной и смелой. Говорят, одинокие отцы — лучшие воспитатели. А если их к тому же два?

Время еще покажет, чем кончится этот педагогический эксперимент.

Пока же задачи решаются конкретные. Ребенку нужна отдельная комната. Вечерами Фролов переснимает четким почерком написанное объявление об обмене, а Корякин с баночкой клея в кармане ходит и развешивает их на столбах. Энзэ на доплату уже собрали.

«Хорошо! — думает ночью Фролов. — Не дай Бог, что со мной случится, есть Корякин. Уже не сирота».

На соседнем кресле про то же думает Корякин...

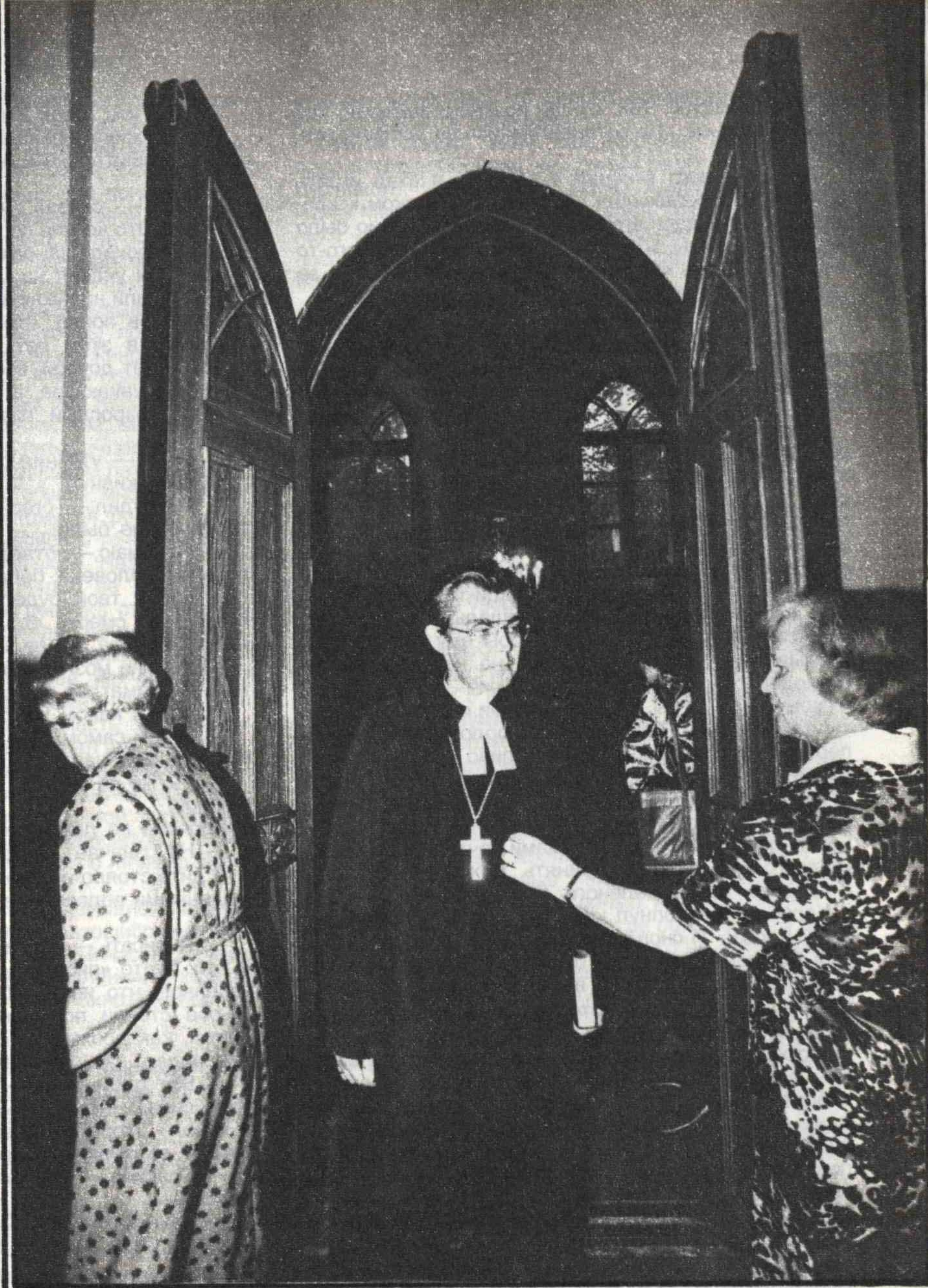

ОДИН ДЕНЬ ТАЛЛИНА

Что отличает Таллин от большинства наших городов? Бережно сохраняемая старина? Несомненно. Но есть и другие города, где не все уничтожено и разбазарено. Быть может, особый национальный колорит? И это бесспорно, но нашу многонациональную страну, что называется, этим не удивишь. А чем-то все-таки удивишь? Чем так привлекает нас

именно Таллин? Думаю, прежде всего высокой бытовой культурой.

Что греха таить, при богатстве российских общекультурных достижений — в литературе, искусстве, науке (варварское отношение к ним — уже другой вопрос) — бытовая культура у нас явно в дефиците. Преодолеть этот дефицит очень и очень непросто — за год-другой, во всяком слу-

чае, не получится, даже если как следует постараться. За этой-то самой бытовой культурой, без которой устали, и едем мы все чаще отдыхать сюда, а не под жаркое южное солнце. За этой самой бытовой культурой, некоторые проявления которой лежат здесь непосредственно на витринах магазинов, приезжают в Таллин и «насовсем» из ближайших Псковской и Новгородской областей да мало ли откуда. (Заметим в скобках, что этих переселенцев в Эстонии все чаще называют мигрантами.)

Признаки высокой бытовой культуры в Таллине буквально на каждом шагу.

Представьте себе — пустая дорога,

Старый Таллин.
Фото Виктора Рудько
(Таллин)

Пастор Т. Пауль перед службой.
Фото Александра Земляниченко
(Москва)

Всегда вдвоем.
Фото Аркадия Баранова
(Таллин).

Влюбленные.
Фото Кястутиса Янкаускаса
(Вильнюс)

За кулисами варьете
Фото Юри Венделина
(Таллин)

Рабочие.
Фото Харальда Леппиксона
(Таллин)

В морге.
Фото Тийта Везрмяэ
(Таллин)

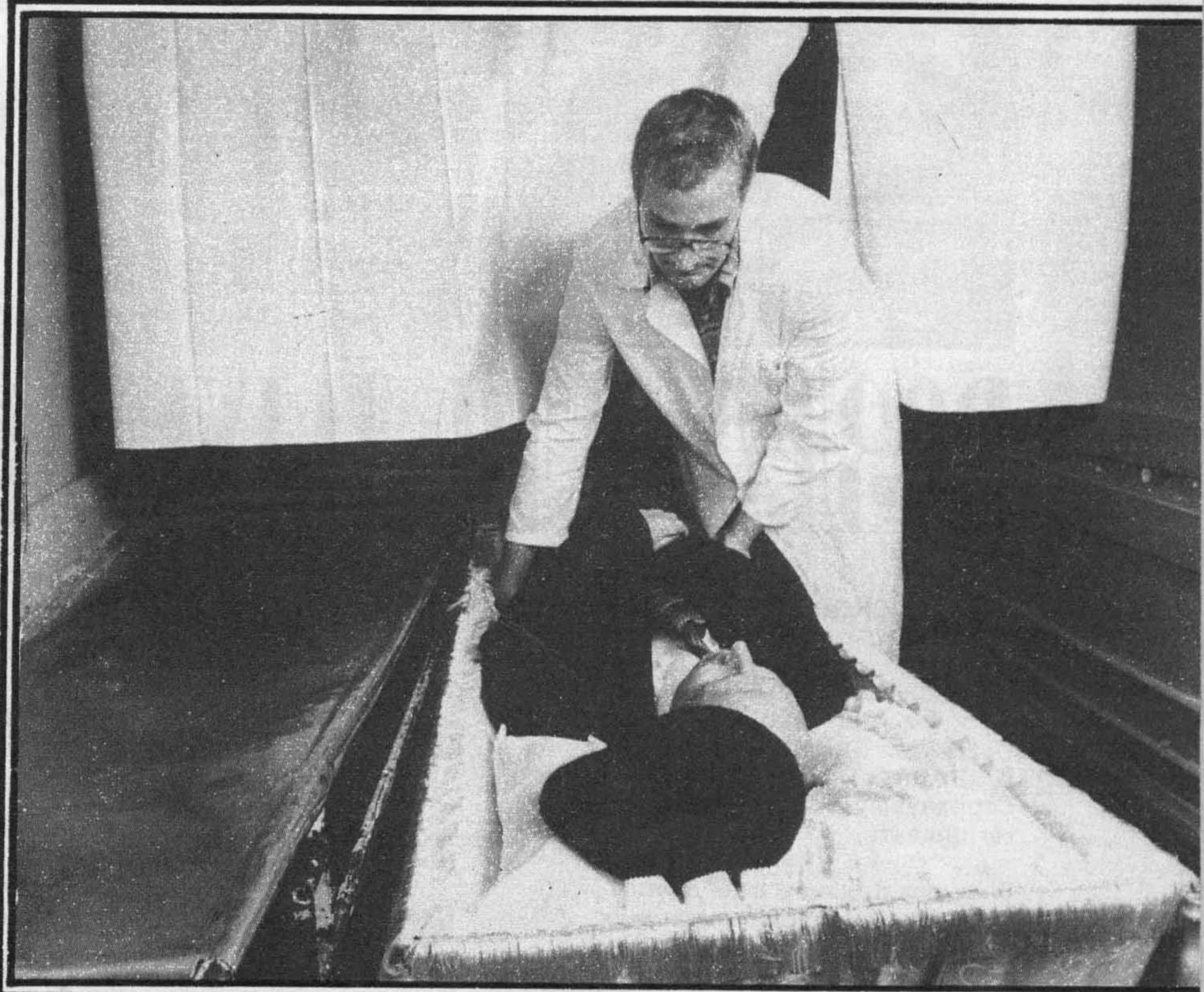

ни автомашин, ни гаишников, но горит красный — и люди спокойно стоят, ждут «своего» света (а если кто-то вдруг рванется, наверняка наш брат приедет, причем приехал совсем недавно: через несколько дней и он будет смирно ожидать переключения светофора)... Ну, а если вы не пешеход, а пассажир? Пожалуйста — во всех видах транспорта женщинам всегда уступают место (кстати говоря, делать это удивительно приятно — и в Москве тоже можно было бы попробовать, правда, после толкучки в каком-нибудь универсаме и всяких нехороших слов от продавщицы для такого поступка требует-

ся дополнительное душевное уси-лие). Что еще?

Со вкусом оформленные витрины, вышколенные официанты, бар-труба «Каролина», где и днем, и вечером можно выпить стаканчик глнтвейна, столь уместный в промозглую прибалтийскую осень-весну, и это обстоятельство почему-то совершенно не способствует увеличению количества пьяных в городе...

А вот еще признак высокой бытовой культуры Таллина: спокойно, без осуждающих взглядов и шипения вслед: «Это разве молодежь? Мы такими не были!» — ходят здесь многочисленные хиппи и панки. Ну, в са-

мом деле, чего уж в них такого общественно опасного? Ведь молодые хотят внешне выделиться — вполне понятное желание — вот повзрослеют, наденут костюмы-тройки, начнут делать карьеру — сразу могут стать намного опасней для окружающих... Но не будем смотреть так мрачно. В конце концов Запад нам не указ — это там из панков в основном получают клерки и бизнесмены... Вообще хорошо уже то, что в городе, где столь заметна старина, заметна и молодежь...

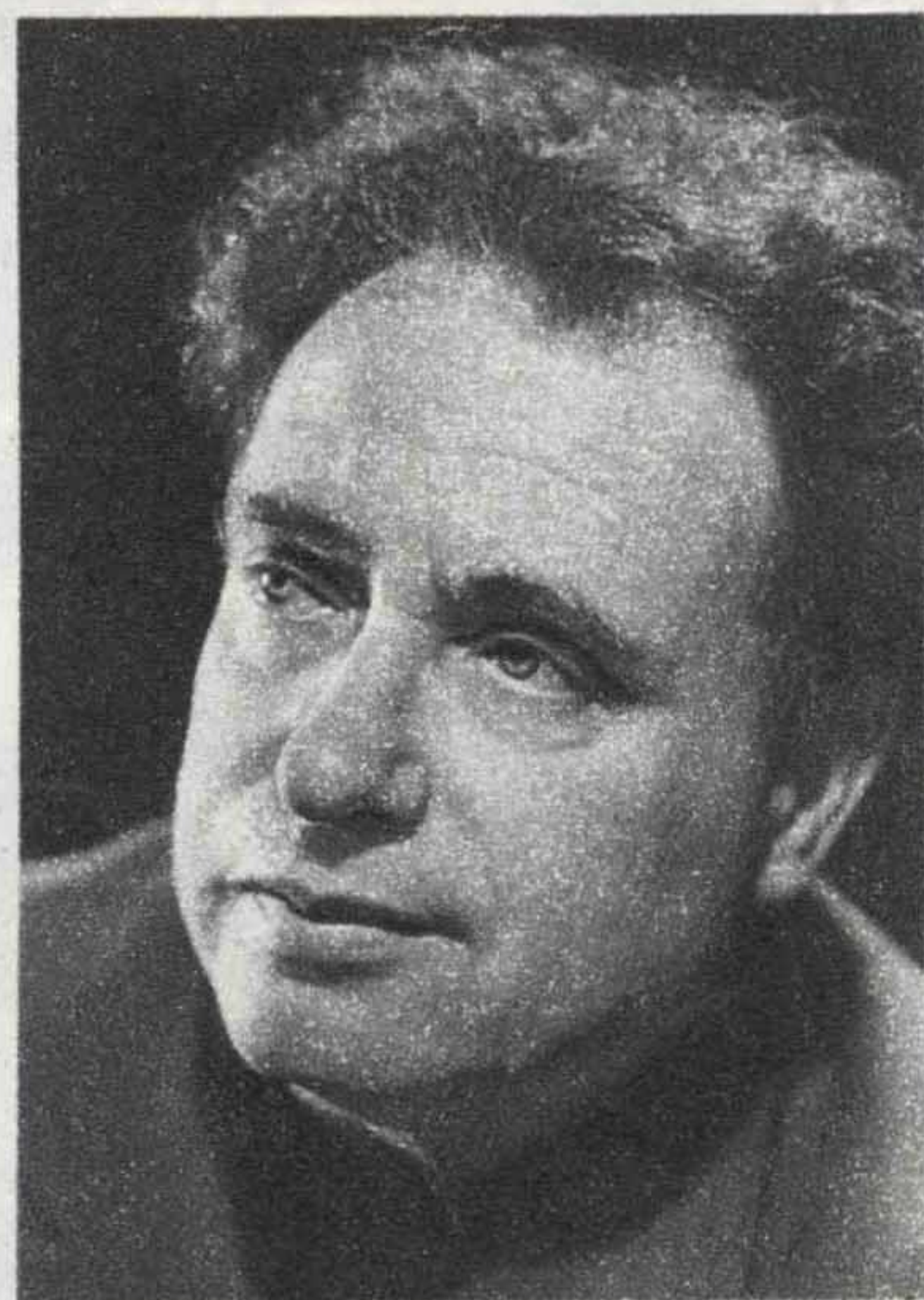
Так что же, все в Таллине замечательно и никаких проблем? Отнюдь нет. Все тот же набор пресловутых

наших больных вопросов и глухих тупиков имеется и здесь. Не напрасно так активен и многочислен эстонский Народный фронт. Но вот что важно — он есть и с руководством республики нашел точки соприкосновения. А это тоже у нас не самая типичная картина.

Хочется пожелать таллинцам успехов, а самим себе (и псковитянам, и новгородцам) — поездок в Таллин не за дефицитными товарами (то есть чтоб у самих были), а исключительно с туристическими целями: побродить по узеньким улочкам и средневековым площадям Старого города.

О. ХЛЕБНИКОВ

Марк
ЛИСЯНСКИЙ

И ЛИШЬ СЕГОДНЯ

МОЕ ПОКАЯНИЕ

Ту ночь не позабуду никогда.
Мы жили осторожно и тревожно.
Прошли года.
Придут-уйдут года.
Забывать такие ночи невозможно.
Раздался среди ночи властный стук,
Он заглушил все остальные звуки.
Накинув старомодный свой сюртук,
Он дверь с трудом открыл.
Дрожали руки.
Они вошли: «Вот ордер на арест!»
Ему сказали. И ни слова — кроме...
Молчала вся вселенная окрест.
Тогда их ожидали в каждом доме.
Он над ребенком спящим помолчал,
Простился с побледневшею женою
И горько головою покачал:
— Запомни: никакой вины за мною.
Она схватила сонное дитя
И закричала. Обнажились нервы.
А я подумал много лет спустя:
Страшней Тридцать седьмой,
Чем Сорок первый.
Мы жили рядом.
Я не спал в ту ночь.
Меня считали другом и поэтом,
А я не смог ничем друзьям помочь
И лишь сегодня написал об этом.

МЫ ЖИЛИ ТАК

Спешим за веком.
Мы давно в пути.
Нас всех эпоха позовет к ответу.
О времени ушедшем не грусти,
Грусти о тех,
кого сегодня нету.
Безмолвно покидали нас они
И, с нами не прощаясь,
исчезали.
А мы встречали горестные дни
Надеждами,
молитвами,
слезами.
Зажав сердца
в железные тиски,
Они ушли в полярные метели,
А мы всем нашим бедам вопреки
Любили женщин,
Даже песни пели.
Те времена не возвратятся вспять,
Но прошлое стучится к нам ночами.
Мы жили так
И сами отвечать
Должны за все,
За все, что было с нами.

Олег
ДМИТРИЕВ

ВОЗДУХ ДЛЯ ДЫХАНИЯ

МОСКОВСКОЕ ОТЧАЯНЬЕ

Не разрушайте Кадаши!
Хотя бы для одной души
Оставьте.
И «Вознесенье в Кадашах» —
Страхнувшую, как Феникс, прах,
Не славьте...

Забудем Кадаши, мой друг,
Пусть нашей лиры тихий звук
Застынет.
Не то еще творец какой
В макете домики рукой
Все сдвинет.

Пусть те, кто над Москвою суд
Вершит, дела перенесут
Подальше.
Пусть двухэтажные дома
Заря ласкает, гладит тьма,
Как раньше.

Давай молчать о Кадашах!
Пусть не звучат они в ушах,
Забудем
Про нашу юность-благодать,
Чтоб сохранить, чтоб не отдать
Тем людям.

ЭСПЕРАНТИСТ

А. Б.
А в Галиче работал водовозом
Эсперантист. И не считал
курьезом
Свой скучный труд — как
полагали мы.
Он, до войны пропавший
безвозвратно,
Почти что через двадцать лет
обратно
Сумел вернуться с дальней Колымы.
Придуманное кем-то эсперанто
Ему открыло вживе круги Данта:
Арест, допросы, стража и конвой.
Туда попал,
где чистая водица
И воздух для дыхания годится,
Но вот зимою — тьма да волчий
вой.
Те, кто писали на него доносы,
Поставили резонные вопросы:
К чему частит к соседу почтальон?
А там, где надо,
рассудили ловко:
Что ни письмо —
коварная шифровка!
На третий день во всем сознался он.

За двадцать лет он постарел
на тридцать.
Удобно перед бочкою садится
И чмокает губами: «Ну, пошла...»
Весь день, трясая косматой бороною,
Он оделяет страждущих водою,
Как там, в иных краях,—
и все дела.
Имеет бодрый вид —
живем, не ропщем.
Язык, не ставший мировым,
всеобщим,
Забыл небось надолго и всерьез.
А я, студент, соображавший быстро,
Впервые повстречав эсперантиста,
Отметил: водовоз как водовоз.

СЛУЧАЙ

В энском аэровокзале
Человек чечетку бьет.

«Пьянь!» — сказали.
Отказали.
Не пустили в самолет.
Он врывался в разном стиле —
То рыдая, то круша.
Женщину с дитем пустили
В рейс
На место алкаша.
Ничего он не добился,
Возвратился в ресторан.
Через три часа разбился
Вдребезги аэроплан...

Вот он пляшет с рожей красной,
Кудри мокрые густы —
То ли подлый, то ль прекрасный
Человек из Воркуты.
Пляшет он на грани вздоха,
Перед ним весь мир открыт,
А вокруг стоит эпоха,
Человечество стоит.
Провалился он, как в жижу,
В это плотное кольцо.

Я люблю и ненавижу
Это потное лицо.

Ничего и никогда
От меня ты не хотела,
Как по небу пролетела
Августовская звезда.

Может, твой призывный свет
По веленью провиденья
Я задолго до рожденья
Видел много-много лет?

А когда себя обрел
И взлететь к тебе собрался,
Неожиданно сорвался
С неба белый ореол.

Где теперь тебя искать
И потерянную веру?
Ждал космическую эру —
Вот и надо привыкать...

К дозе стронция в крови,
К взрыву мощного заряда,
К мимо сердца, мимо взгляда
Пролетающей любви.

ЦЫГАНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Мне выпало счастье
Твоим современником быть:
То вдруг тебя вспомнить,
То напрочь тебя позабыть.
Богатую сбрую
Увидит цыган на коне:
Украсть бы его,
Да, боюсь, этот труд не по мне!

Мне выпало счастье
Твоим современником стать.
Тебя вспоминать,
Забывать и опять вспоминать.
Проехал вельможа,
И чешет в затылке цыган:
— Ой, добрые кони,
Да мне они не по зубам...

Мне выпало счастье
Я твой современник, прости.
Я встретить могу
И не встретить тебя на пути.
Спиной повернется
Цыган к раскрасавцу-коню:
— Чего там глядеть,
Все равно я его не сманю...

Мне выпало счастье
Твоим современником быть.
Цыганское счастье
Без малой надежды любить:
Темнеет в глазах
И под сердцем до крика печет,
Кровь мчится по жилам,
Стремится, летит, — не течет!

Цыганское счастье —
В душе затаенная страсть,
Когда невозможно купить,
Нету силы украсть,
Но всяк человек,
Он надеждой живет,
Потому
Цыганское счастье
Хоть раз улыбнется ему.

ПОСЕЛОК ЯР-САЛЕ — ЦЕНТР ЯМАЛЬСКОГО РАЙОНА —
ВСТРЕЧАЛ ТРАДИЦИОННЫМ ДЛЯ ЭТИХ МЕСТ
ГОСТЕПРИИМСТВОМ.
ЗАПОМНИЛИСЬ МАЛЕНЬКИЙ АЭРОПОРТ
С ВЗЛЕТНО-ПОСАДОЧНОЙ ПЛОЩАДКОЙ
ИЗ ДЕРЕВЯННОГО НАСТИЛА,
НЕБРЕЖНО СБИТЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ЖЕ ДОРОЖКИ
ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ УЛИЦЕ,
ВДОЛЬ КОТОРОЙ, СЛОВНО СТОРОЖЕВЫЕ СТОЛБЫ,
СТОЯТ ОГРОМНЫЕ БОЧКИ ДЛЯ ВОДЫ.
ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПАННО
«БЛАГОДАРНЫЙ ЯМАЛ — РОДИНЕ!»

ЦЕНА ЯМАЛА

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

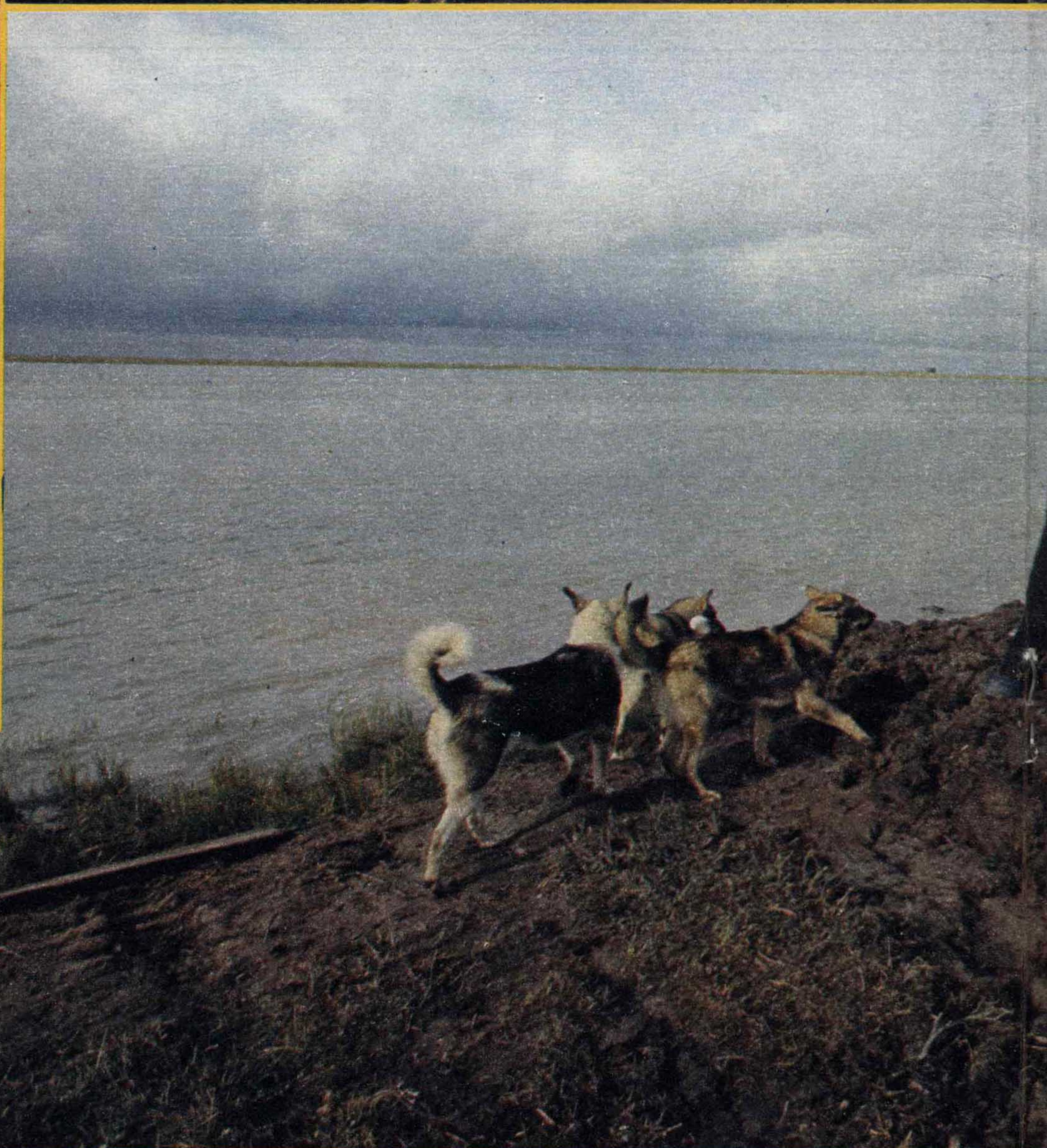
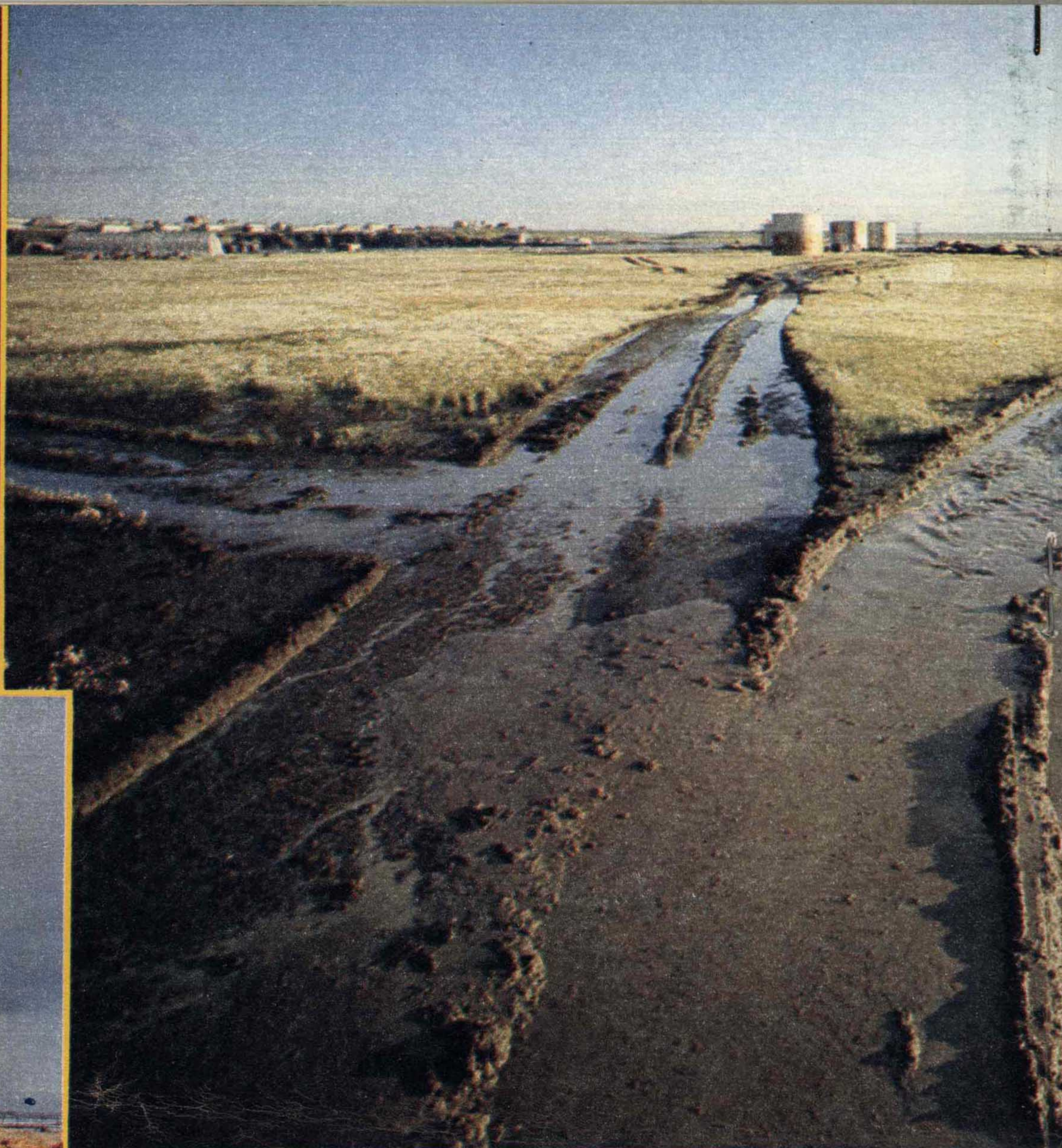
Федор
СИЗЫЙ

Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

готовятся директивные документы по освоению газовых месторождений Ямальского полуострова. Сегодня надо определить, как нам построить работу так, чтобы нанести минимальный ущерб природе. Плюс решить социально-бытовые проблемы района.— Владимир Петрович Курамин, заместитель Председателя Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу, в тот день уже дважды говорил об этом, встречаясь с местным активом.

А до этого мы побывали в поселке Белоярском. У начальника Главямбургнефтегазстроя И. А. Шаповалова как на грех не оказалось сладостей,

и он протянул маленькой ненецкой девочке набор цветных открыток о Надыме — «первенце газовой целины Тюменского Севера».

— Тебя как зовут? Юля? Возьми, покажи маме.

Девочка застенчиво улыбнулась, спрятала подарок и быстро скрылась в длинном коридоре, который ведет в цех по переработке оленьих шкур. Там работает мама. И ребенок привык коротать время рядом с ней на

Окончание на стр. 20.

КАК Я БЫЛ СОЛДАТОМ

Согласно существующим договорам, генералы, представляющие армии противостоящих военных блоков, достаточно хорошо знают друг друга; даже маневры проходят теперь как большие международные шоу — с многоязыкой речью на командных пунктах, с корреспондентами из Гостелерадио и франговатыми переводчиками под маскировочным тентом. Солдаты общаются не столь регулярно. Доселе им была оставлена самая противоестественная форма общения — война. Солдатам вдумчиво объясняют, кого им надо будет прикончить в случае начала боевых действий: солдатский враг абстрактен, и поэтому о нем можно выдумывать что угодно. Мы решили поспособствовать обмену солдатами. Направить нашего репортера в казармы армии США, а американского — в советскую казарму. Нельзя сказать, чтобы генералы потенциально противостоящих армий сразу же восхитились нашей идеей; даже напротив. Но в итоге репортер «Огонька» все-таки отслужил в армии США срок, оговоренный предварительно; какова судьба репортера журнала «Лайф», внедрявшегося в ряды Советской Армии, нам пока неизвестно, кажется, обошлось и с ним. Наука ненависти

становится все более бессмысленной; в грядущем военном конфликте победителей быть не может. Впрочем, сама подобная формула содержит предположение о том, что шанс на сражение как способ выявления истины все еще теплится в переполненных ненавистью мозгах. Взрывчатки накоплено куда больше, чем хлеба и книг, взятых вместе, а ненависти — поболее, чем любви. Ненависть сжигает людей даже на неначатых войнах. Войны прошедшие и бушующие сегодня вырубали в человечестве целые просеки — мы постоянно ощущаем это. Как мало стариков вокруг! Тех, кто мог бы быть стариком сегодня, убил Сталин и убила война — они пали от ненависти, от того, что один диктатор был обуян манией преследования, а другой — ненавистью к нашей революции. Человечеству нужен мир. Советское правительство, как никакое другое на свете, делает сегодня для мира последовательно и много. Отстаивая общечеловеческие ценности, мы знаем, что ненависть никогда к ним не принадлежала. Итак, журналист «Огонька» Артем Боровик,

коммунист, награжденный в Афганистане медалью «За боевые заслуги», командирован в американскую казарму, получает возможность поглядеть в прицелы, сконструированные для того, чтобы видеть нас с вами. Все подготовлено для войны. Но, как бы там ни было, ракеты из наших стран не должны взлететь навстречу друг другу, ненависть не должна восторжествовать снова. В постоянно ведущийся «Огоньком» разговор о том, как же нам жить дальше, приходит и эта нота, неотделимая от разговора о ценностях общечеловеческих. В том числе — о праве на жизнь, одинаково важном и для нас, и для американцев. Каждое общество, каждая система продумывают свою самозащиту, это естественно. Но ненависть губит, а не защищает — как же строить жизнь в новые времена, в те самые, когда человечество способно уничтожить себя в доли секунды, но способно и жить богато и защищенно? На этот вопрос мы сможем ответить только все вместе...

Виталий КОРОТИЧ

МАРМИИ США

Артем БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Возможно, есть рай и уж точно — ад.
А нам место здесь, не так ли, брат?
(Солдатская маршевая)

Часть I

В час, когда я добрался до закуской с бесперспективным названием «Конец пути», вечер еще не наступил. Было лишь его слабое предчувствие. Вдали сквозь серую дымку едва проглядывалась ниточка горизонта, смутная и нечеткая, как ощущения человека, который мертвецки устал и хочет спать.

Остановившись в условленном месте, я оглянулся по сторонам. Фары машины напротив два раза вспыхнули дальним светом. Я ответил тем же и вылез наружу.

Подойдя ко мне, водитель по сигнализировавшего автомобиля снял противосолнечные очки:

— Я Билл Уолтон из Форта Беннинг¹. А вы... Я назвался.

— Очень приятно, — улыбнулся он, но тут же стер улыбку с губ тыльной стороной ладони. — Командир Форта Беннинг поручил мне сопроводить вас во время вашего пребывания на военной базе. Приглашаю в мою машину. Не возражаете?

Я не возражал. Вэйн Сорс, фотокорреспондент журнала «Лайф», направлявшийся вместе со мной в Форт Беннинг, сел за руль нашей машины, я — рядом с Уолтоном, и мы рванули вперед.

Уолтон пристроился позади «джипа», битком набитого солдатами, который, повинувшись лихой руке своего постоянно хохотавшего водителя, то и дело прыгал из ряда в ряд, хищно мигая при этом задними указателями.

Билл, невысокий, худенький, юркий человек лет пятидесяти восьми, был одет в клетчатые штаны и розовую рубашку с короткими рукавами. Седая борода окаймляла его прокаленное на солнце Джорджи дубленое временем лицо. Оно напоминало изборожденный танковыми гусеницами полигон с двумя крохотными аквариумными озерцами.

— Я работаю в отделе по связи с прессой, — сказал он, перехватив мой любопытный взгляд, — нам разрешается ходить в штатском. Знаете, чтобы не раздражать лишним раз гражданское население Колумбуса², не мозолить глаза...

Мы поравнялись с «джипом». Теперь он шел параллельно, справа от нас. Солдаты, видимо, затева-

ли дорожную игру, не предполагая, что Билл сам из Форта Беннинг. Я навел на парней свой фотоаппарат. Это подействовало на них так, будто я рассказывал какой-то безумно смешной анекдот: бедняги просто надрылись от смеха.

Уолтон мрачно посмотрел в их сторону:

— Я, знаете ли, не последняя спица в колесе, — почему-то сообщил он в ответ на солдатский гогот. И, словно в доказательство сказанного, до конца утопил акселератор.

«Джип» мгновенно потерялся в потоке машин где-то за нашими спинами. Обгон был совершен, словно акт жестокого, но справедливого возмездия.

Минут через десять мы въехали на территорию базы. Слева и справа то и дело мелькали знаки «Сторонись: военная зона!».

— Форт Беннинг был создан более 70 лет назад, — сказал Билл и, повинувшись дорожному указателю, сбросил скорость до двадцати миль в час. — Это один из основных учебных центров сухопутных войск армии Соединенных Штатов.

В его голосе все четче звучала нотка гордости. Мы миновали штаб Форта Беннинг и установленную рядом с ним скульптуру бегущего солдата. Я решил сфотографировать ее.

— Не торопись, — махнул рукой Билл, — сфотографируешь его завтра. Я тебе обещаю: этот парень никуда не убежит.

Биллу понравилась шутка его же собственного «изготовления», и он рассмеялся.

¹ Беннинг Генри Льюис (1814—1875) — американский военачальник, участник гражданской войны в США.

² Колумбус — город рядом с Форт Беннинг.

Мне всегда imponировали люди, которые сами шутят и сами потом больше всех веселятся. Я сказал об этом Биллу.

— Мне тоже, — ответил он и рассмеялся пуще прежнего. — А здесь живут лейтенанты и капитаны. — Билл кивнул на аккуратные приземистые коттеджи, расположившиеся рядом с дорогой.

Из-за поворота вынырнул «Мустанг» — один из символов «шестидесятых». Рыкнул своим двигателем без глушителя и тут же скрылся, оставив за собой шлейф, сотканный из горьких выхлопов и, судя по вдруг изменившемуся выражению уолтоновского лица, ностальгии.

— Всегда мечтал иметь «Мустанг», чтобы не ездить — летать. Да вместо него пришлось полетать на других машинах. На «Хью» — слышал о таких?

— Конечно, — ответил я, — ваш основной вертолет во Вьетнаме.

— Да... Вьетнам... — Сказал Билл и просвистел себе под нос мотивчик какой-то песенки.

Он круто повернул направо, дождался, когда нас догонит Вэйн Сорс, и опять прибавил газу.

— «Средний» молодой солдат, — продолжал Билл, — прибывающий в Беннинг, двадцати лет от роду, весит 173 фунта³, рост пять с половиной футов⁴. Он со средним образованием и, главное, хочет по-настоящему служить, учиться. Его интеллектуальные и физические данные значительно выше, чем у «среднего» солдата 60-х годов...

— Это потому, что армия имеет возможность теперь сама отбирать наиболее подходящих людей? — спросил я.

— Да, конечно. К середине семидесятых мы отказались от всеобщей воинской обязанности и перешли на добровольную армию. Численность личного состава резко понизилась. Словом, мы потеряли в количестве, но приобрели качество. В армию теперь идут лишь те люди, которые сделали этот выбор сознательно, добровольно. Именно поэтому они легче, чем их сверстники двадцать лет назад, переносят лишения, тяготы, физические и психологические перегрузки военной жизни. Повышение требовательности со стороны сержантов и офицеров они не рассматривают как издевательство. А это было характерно для солдатской психологии еще лет пятнадцать — двадцать тому назад.

Он вдруг улыбнулся и добавил:

— Так что ты передай своим, что мы тоже тут перестраиваемся. В нашей армии «перестройка» идет полным ходом... Важно и то, что представители армейских вербовочных пунктов, разбросанных по всей стране, постоянно работают со школьниками и студентами. Проводят среди молодежи агитационную работу, рассказывают о преимуществах армейской карьеры. И в конце концов выбирают из общего числа желающих лишь наиболее подходящих. А потом, знаешь ли, вообще здоровье нации по сравнению с 60-ми сильно окрепло. Когда общество трещит по швам от глубинных вулканических процессов, трудно ожидать, что эти самые процессы не перекинутся на армию.

— Да, — подумал я, — армия и, пожалуй, школа первыми реагируют на кризис, застой и разлад в обществе. Это ясно. Но вместе с тем ясно и то, что упоение самокритикой — явно не болезнь Билла.

Левая рука Уолтона мертвой хваткой впилась в руль, а правая отчаянно жестикулировала, то взлетая, то падая. Вдруг она замерла, и я увидел татуировку чуть выше локтя: «Дай мне смерть прежде бесчестия!»

Он опять перехватил мой взгляд:

— А, это... У вас, в России, в армии небось тоже есть такая мода, нет?

— Есть, Билл, конечно, есть.

— У меня на заднице, — заговорщически добавил он, — пропеллер наколот. Чтобы не утонуть в случае шторма!

— Билл, а если серьезно: каковы преимущества военной карьеры?

— Если серьезно, то преимуществ уйма. Во-первых, армия гарантирует тебе постоянный хороший заработок, бесплатное питание; безработица тебе не грозит. Во-вторых, после окончания контракта Пентагон оплатит два-три первых года твоей учебы в колледже или университете. В-третьих, армия даст тебе возможность бесплатно попутешествовать, побывать в самых разных странах мира: я имею в виду службу на американских военных базах за пределами территории США. В-четвертых, она будет заботиться о тебе и после того, как ты покинешь ряды вооруженных сил. В-пятых, армия бесплатно обучит тебя новой профессии. Перечисление преимуществ можно продолжать. Тебе не надоело?

Уолтон ничего не сказал о недостатках, а я не переспросил.

Мы обогнули здание, в котором у Паттона⁵ в 30-е

годы располагался штаб. Прославленный генерал в ту пору командовал здесь дивизией.

— Форт Беннинг, — продолжал Билл, — уникальный военный центр. Это единственный центр, дающий начальную подготовку пехотинцам армии США. Срок полной подготовки солдата — тринадцать недель. Поступившим на службу на протяжении этого времени категорически запрещено курить. Я, понятное дело, не говорю о наркотиках и алкоголе.

Я спросил Уолтона, есть ли у солдат, скажем, наряды по кухне, посылают ли их на строительные или сельскохозяйственные работы?

Он с удивлением посмотрел на меня:

— Нет, это исключено. Все внимание солдата сосредоточено на физической и боевой подготовке. В течение всех тринадцати недель мы им даже запрещаем читать газеты, слушать радио, смотреть телевизор.

— А в этом какая логика?

— Элементарная, — ответил Билл. — Газеты, телевидение и радио отвлекают солдат от боевой и физической подготовки. Разрешается это в минимальных дозах и в порядке поощрения особенно старательных парней. Скажем, в воскресенье вечером кому-то позволяют посмотреть десять минут телевизора. Все, баста.

«Хитро придумано: волевым решением они отрывают солдат от сложностей нашего мира и вводят в мир «приказных» истин», — подумал я. Секундой позже спросил:

— Но ребята должны же знать, что творится в их стране и мире?

— Потом узнают... — Он плавно затормозил, и машину качнуло, словно лодку на волне. — Вот мы и приехали. Это здание, так сказать, «первичной обработки» поступивших на службу.

— В каком смысле? — не совсем понял я.

— Вон, видишь того строгого дядю, с седым ежиком на голове? Спроси у него.

Это был полковник Ист.

Казалось, он пять минут назад сошел с плаката «Ты нужен американской армии!». Я всегда подолгу рассматриваю такого рода плакаты, с которых к солдатам обращается розовощекий человек с волевыми чертами лица и очень строгий. Одна бровь неизменно вздернута. Подобные плакаты есть, похоже, во всех странах. Но создается впечатление, что штампует их один и тот же художник, меняя лишь лозунги.

Полковник Ист подошел к нам и протянул сначала Биллу, потом мне свою крепкую руку:

— Полковник Ист, — сказал полковник Ист.

Он был одет в пятнистую полевую форму. На его могучем предплечье красовалась нашивка «Делай, как я!». Были и другие: «Рэйнджер»⁶, «Воздушный десантник». Всех нашивок я не успел разглядеть, потому что Ист развернулся и пригласил нас внутрь. Мы вошли в приземистое здание, по обилию использованного бетона напоминавшее бункер. Закрылись толстые стеклянные двери, отрезав меня от остального мира.

За окном лепетала что-то листва, словно хотела предупредить. Но было поздно.

Массивные стены, полумрак, чистота, порядок — все это странным образом действовало на психику, подавляло человека, впервые сюда попадающего. Видимо, именно такую задачу военные поставили перед архитектором, планировавшим здание.

— Это своего рода приемный пункт, — сказал полковник Ист. — Сюда съезжаются все, только что поступившие на службу. Они сначала прилетают в Атланту из своих родных штатов. Потом на автобусах добираются до Форта Беннинг. Конечно, все транспортные расходы берет на себя Пентагон. Он же снабжает парней талонами на еду. Ребята поступают к нам одиннадцать с половиной месяцев в году непрерывным потоком. Исключение — рождественские и пасхальные праздники. В неделю через нас проходит обычно от 250 до 1000 людей. За семь дней наш пункт может принять до 12 тысяч человек.

Мы остановились у двери, которая вела в мрачного вида комнату без единого окна. В одной из стен — щель.

— В эту щель, — заметил полковник, — каждый из поступивших на службу должен без свидетелей выбросить все то, что солдатам запрещается иметь с собой во время пребывания на территории центра, — наркотики, любые виды холодного и огнестрельного оружия, порнографические журналы, книги, алкоголь, сигареты...

— И сигареты тоже?!

— И сигареты тоже. На территории Форта Беннинг вы не встретите ни одного бойца с сигаретой во рту. Запрещается также жевать и нюхать табак. Если кто-то оставил при себе что-то запрещенное и это обнаружится, будет наложен денежный штраф. Есть и другие виды взысканий.

— Полковник, — сказал я, — со мной ни оружия, ни

порнографии нет, есть лишь пачка сигарет «Ява». Честно говоря, я иногда покурываю. Как быть?

— Примите мои соболезнования. Это во-первых. А, во-вторых, командир Форта Беннинг двухзвездный генерал Льюер сообщил нам, что из Пентагона пришел приказ дать вам возможность стать на определенный срок **солдатом** армии США. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что принимайте правила игры.

И я принял. Вошел в комнату, закрыл за собой дверь и, убедившись, что рядом нет ни одного свидетеля, кинул в щель так и не распечатанную пачку «Явы».

Вышел оттуда, почувствовав почему-то, что совесть моя стала чуточку чище. Словно мне отпустили грех.

— Теперь распишитесь-ка вот тут. — Полковник Ист протянул мне лист бумаги, прикрепленный металлическим зажимом к тоненькой дощечке. — Но сначала ознакомьтесь с текстом.

Я ознакомился. Там было написано, что, «если произойдет несчастный случай, я не буду подавать в суд на правительство Соединенных Штатов Америки». В самом низу — место для подписи. Я поставил ее, но сказал:

— Однако, если произойдет уж совсем несчастный случай, я при всем моем желании подать в суд на правительство США все равно не смогу этого сделать.

Полковник Ист задумался. Билл Уолтон почесал затылок. Вэйн Сорс щелкнул фотоаппаратом и сказал:

— Назову этот снимок «Три мыслителя».

— Ладно, — махнул я рукой, — будем надеяться, что пронесет и мне не придется судиться с администрацией в Вашингтоне.

— Присоединяйтесь пока к этим вот жеребцам, — Ист кивнул на группу только что прибывших в учебку юнцов, — а я на пару минут отлучусь.

Ребята, среди которых я теперь оказался, с любопытством рассматривали друг друга.

— Ты откуда? — спросил меня длинношей парень, толкнув локтем в бок.

— Из Советского Союза, — ответил я.

Парень похлопал меня по плечу и сказал, что ему приходилось в жизни слышать шутки посмешнее моей.

— А ты откуда? — в свою очередь, поинтересовался я.

— Из Коннектикута.

— Тебе чего — дома не сидится?

— Да я так, потехи ради. За компанию с приятелем. А потом, знаешь, я большой любитель всяких там походов, костров в лесу. Я весь штат облазил. А теперь вот решил — почему бы мне не делать то же самое, только за шестьсот долларов в месяц?! Вот и завербовался. А ты?

— Да я из Москвы, говорять тебе... — Но я не успел рассказать, что привело меня в Форт Беннинг. Парень сделал на пятках разворот на сто восемьдесят, бросил через плечо:

— Ладно. Когда сменишь пластинку, дай знать...

Я отошел от него и направился в сторону мини-музея, расположившегося неподалеку.

Табличка на стене гласила, что «приемная» Беннинга носит имя Джонстона, который воевал во Вьетнаме и был там убит. Рядом, в стеклянном кубе, висела форма одного из бывших американских военных советников во Вьетнаме. Чуть поодаль — форма некоего Райха. Он знаменит тем, что первым ступил на землю Гренады во время недавнего вторжения США. А вот выставка американских солдатских касок первой половины XX столетия.

— Между прочим, — сообщил Уолтон, — каска, в которой наш солдат дрался с фашистами, а потом в Корее, была создана в Форте Беннинг, на здешней кухне. По-моему, каким-то поваром. С этими поварами, ей-богу, одна умора...

За касками, чуть дальше и влево, на отдельной полке под стеклом сверкала под косыми ржавыми лучами заходящего солнца коллекция американских военных орденов и медалей: «Пурпурные сердца», «бронзовые» и «серебряные звезды», медаль «За заслуги»...

— Ну, что, адепт, вперед и выше? — Присоединившийся к нам полковник Ист явно повеселел.

Он проводил меня в кабинет, с первого взгляда напоминавший комнату для пыток: кресло, масса хромированных инструментов, огромный детина, внешне напоминавший мясника, с лезвием в могучих, покрытых густым рыжим волосом руках и таинственной улыбкой на губах.

— Сюда! — сказал он и указал лезвием на кресло.

Я сел, почему-то вспомнив про недавно данную подписку. Детина сменил лезвие на визгливый электрический прибор. Через тридцать секунд все было кончено. Моя новая прическа называлась «туго и упруго» — стандартная стрижка новобранца. Такая же участь постигла и всех остальных только что прибывших в Беннинг парней.

³ Фунт — 0,4536 кг.

⁴ Фут — приблизительно 30,5 см.

⁵ Паттон — американский военачальник.

⁶ Рэйнджеры — военнослужащие диверсионно-разведывательных подразделений.

Далее мы проследовали по очереди в рентгеновский кабинет, где сержант-пуэрториканец сделал пару снимков моих челюстей.

— Эта процедура, — объяснил Ист, — у нас в армии с 1986 года. В конце 85-го в гендеровском аэропорту потерпел аварию самолет, битком набитый солдатами. Внутри было такое кровавое месиво, что почти никого не удалось опознать. После этого решили, что рентгеновские снимки челюстей — самое надежное дело.

Медицинская проверка и вакцинация заняли не более тридцати минут. Пневматическим пистолетом (давление — 1250 фунтов на квадратный дюйм), словно штампуя, солдатам делали прививки от всевозможных эпидемий — всего восемь впрыскиваний. Анализ крови. Тесты на СПИД, наркотики и алкоголь. Отдельный тест, определяющий интеллектуальный уровень: вроде в нашей партии дураков не оказалось.

Жесткие меры приняты в американской армии против наркотиков. Если раньше, особенно во Вьетнаме, на эту проблему командиры смотрели сквозь пальцы, то теперь ситуация кардинальным образом изменилась. Человек, хоть раз замеченный в их употреблении, подлежит немедленному увольнению из рядов вооруженных сил. Официальная статистика свидетельствует: в 1980 году 27 процентов американских военнослужащих употребляли наркотики, в 1988-м — лишь 3 процента. «Наркомания», — сказал мне сержант Бэйр, — особенно подскочила у нас во время вьетнамской войны. Солдаты, возвращаясь домой, тащили эту эпидемию в Штаты. Или, скажем, молодой солдат попадал в барак, где его соседями оказывались старослужащие — любители «понаркоманить». Они смотрели на него как на потенциального «стукача». Единственная возможность избежать «засветки» — превратить его в своего. Если он сопротивляется, у него начинаются неприятности. Мелкие, но неприятности. То мыло пропадет. То свет погаснет, когда он в душевой. То ботинки исчезнут и он опоздает на построение, а это наказуемо. Таким образом старослужащие втягивали молодых в наркоманию. С тех пор прошло лет пятнадцать. Но сейчас такое впечатление, что эту проблему мы решили».

...Потом всем на шею повесили по металлической цепочке с двумя стальными пластинками. На каждой указаны твои фамилия, имя, дата рождения, номер страхового полиса. (В моем случае — номер заграничного паспорта.) Это «смертник». Если от челюстей останется одно воспоминание, быть может, при опознании трупа помогут эти пластины, которые солдаты окрестили «собачьими жетонами».

В следующем зале выдали по четыре зеленых полотенца, комплекты нижнего белья, зеленые хлопковые майки, нашивку с указанием фамилии (ее обязан носить каждый солдат и офицер над правым нагрудным карманом), нашивку «Ю. Эс. Арми», башмаки на шнуровке со стальными пластинами в подошвах (пригодился опыт вьетнамской войны, когда партизаны устанавливали шипы на тропах), несколько комплектов полевой пятнистой формы. Там же дали по пластиковой коробочке с затычками для ушей.

Солдатам приказано пользоваться ими в вертолетах, самолетах и во время учебных стрельб. Полковник Ист продемонстрировал, как. В противном случае люди покидают армию с сильной потерей слуха. Ведь даже треск автоматической винтовки M-16 достигает почти 160 децибелов.

Минуты через три здоровенный сержант сунул каждому из нас по карточке, где следовало указать фамилию родственников и адреса, по которым в случае чего будут отправлены «похоронки». О смерти тут заботились явно больше, чем о жизни.

Я внимательно вглядывался в совсем еще детские лица ребят: многие из них, заполняя квадратные карточки, должны были впервые засомневались в своем бессмертии.

Парень, сидевший на корточках слева от меня, долго сосал кончик шариковой ручки, но потом в конце концов вывел адрес мисс Стоунвэй, которая проживала где-то в Вудберне.

— Кем она тебе приходится? — спросил я.

— Учительница.

— Почему ты не указываешь свой домашний адрес?

— Понимаете, если меня убьют, неохота портить настроение родичам...

— Выходную форму, — прервал наш разговор Ист, — сегодня выдавать не будем. Сделаем это через семь недель. К тому времени все вы сбросите лишний вес, подкачаете мускулы. Словом, фигура изменится.

Я натянул пятнистые штаны и куртку. Полковник Ист помог подвернуть рукава чуть выше локтей. Это здесь — целое искусство. Как у нас — портянки. Умение подворачивать рукава отличает бывалого солдата от новичка.

Мы спустились в солдатскую столовую. Впрочем, она общая. Тут, как и везде в американской армии, рядовые едят вместе с офицерами.

Сразу бросился в глаза здоровенный плакат у входа: «Кто твой злейший враг?» Чуть ниже ответ: «Иван!» Нарисован бравый американский рэйнджер, протыкающий штыком советского солдата с красной звездой на каске.

— Здорово, — сказал я, — вы своих «адептов» натаскиваете. С первого же дня! Даже в столовой...

Я вспомнил десятки офицерских и солдатских столовых у нас, в которых приходилось бывать самому. Вспомнил наши части и подразделения в Афганистане. Но нигде и никогда я не видел плаката, который бы призывал солдат убивать первого же подвернувшегося под руку «Джона». Не играем мы на ненависти к американцам.

— Это что, — спросил я Иста, кивнув на плакат, — пожелание приятного аппетита а-ля Форт Беннинг?

Честно говоря, настроение резко испортилось. Кусок в горло не лез. Ведь, как ни крути, призывали убивать меня. Или таких, как я. Подумалось: могли бы снять...

Ист широко улыбнулся и выдал длинную очередь неестественного, какого-то механического смеха.

— Наша столовая, — он поспешил сменить тему разговора, — конечно, не предел мечтаний для чревоугодника. Но мы, — он кивнул на Уолтона, — вполне довольны. Верно, Билл?

— Еще бы, — ответил тот, дожжевывая второй сэндвич и запивая его апельсиновым соком.

Солдаты, выстроившись в очередь и держа перед собой подносы, брали с длинных полок тарелки с итальянскими макаронами, горячие сосиски, мясо, вареный картофель и рис, всевозможные соки, овощи, фрукты и пирожные, кофе с молоком и без.

— Каждому солдату, — сообщил Ист и сделал большой глоток горячего шоколада, — полагается 75 центов на завтрак и по доллару с полтиной — на обед и ужин. Если он укладывается в эту сумму, еда для него бесплатна. Если нет — ему приходится доплачивать из собственного кармана. Но трех долларов 75 центов вполне хватает, ведь налогов на еду здесь нет. Правда, каждый месяц мы делаем поправку с учетом изменений курса доллара. Офицеры же за еду платят.

— Еще как платят! — подхватил слова Иста ладно сколоченный подполковник, подсаживаясь за наш стол.

Пол Ист познакомил нас.

— Здравствуйте, майор, — протянул мне руку через стол подполковник.

— К сожалению, должен вас разочаровать: всего лишь лейтенант запаса. Я журналист.

— Рассказывайте! — Улыбнулся он и намазал гамбургер⁷ томатным соусом. — Кстати, у вас микрофон в правом или все-таки в левом ухе?

— Микрофон, — ответил я, — вышел из строя, когда я мылся в душе. Но фотокамера в виде искусственного зрачка работает вполне исправно. — И я подмигнул ему левым глазом.

— Не забудьте прислать мне из Москвы пару снимков. Идет?

— Идет. Спасибо за компанию.

Встав из-за стола, Вэйн Сорс и я направились к выходу. Хотелось подышать свежим воздухом.

Жара стояла, как в финской сауне, и я вылил на голову остатки воды из фляги.

Солнце медленно заходило на посадку, отстреливаясь последними косыми лучами, словно трассерами.

Мы пересекли поле для игры в гольф. Оно было гладким, как морская вода в тихое, ясное утро. Лишь с края изумрудной волной тянулась гряда приплюснутых холмов.

— Траву они здесь стригут, — заметил Сорс, — как солдатские затылки.

— Верно, — согласился я, — «туго и упруго».

Сорс перезарядил фотокамеру и по-хозяйски огляделся вокруг в поисках стоящего кадра. Над нашими головами пролетала стая уток, враз показывая изнанку крыльев, и Сорс, переключив аппарат на «автоматическую стрельбу», выдал серию очередей по птицам.

— Так ты им всех уток перестреляешь.

— Ничего, таким «автоматом» стрелять можно. Я с ним пол-Филиппин обошел...

И он принялся рассказывать историю о том, как пару лет тому назад внедрился в один из партизанских отрядов Новой народной армии Филиппин. Как вместе с партизанами прятался от правительственных войск. Как был на волосок от, казалось, верной гибели и как все-таки выжил, хотя и подхватил весь «боекомплект» тропических болезней.

Незаметно стемнело. Мы оказались у могучего, разлапистого тутового дерева. За столиком под его кроной сидели две девушки в военной форме.

— Здравствуйте, — сказала одна из них. — Вы, кажется, не местный?

— Нет, — сказал я, решив не уточнять, откуда именно: все равно она бы мне не поверила.

⁷ Гамбургер — котлета.

Сорс разговаривал с другой девушкой. Было темно, и я слышал лишь ее грудной смех.

— Так откуда же?

В ответ я неопределенно махнул рукой в сторону тлевого заката.

— А-а, — задумчиво произнесла она, словно я дал ей исчерпывающий ответ.

— У вас есть время?

— Да, почему вы спрашиваете?

— Тогда, — я сел за столик, — расскажите мне историю вашей жизни.

— К чему вам? — рассмеялась она.

— А я коллекционирую истории человеческих жизней. Но в данном случае меня особенно интересует тот роковой момент, когда вы решили пойти в армию.

— Я пошла в армию вслед за подружкой. Решила: понравится — останусь, не понравится — уйду.

— И вам, конечно, понравилось...

— Да. И знаете чем? Тем, что только в армии я чувствую себя совершенно равноправной с мужчинами.

— Вы феминистка?

— Нет, бог с вами. А что, похожа?

— Напротив, вы очень красивая.

Она засмеялась.

— Смех у вас, — заметил я, — не солдатский.

— ...А потом, — продолжала она, — я обожаю прыгать с парашютом. «На гражданке» за такие удовольствия надо платить.

Она заговорила о прыжках, а я подумал: за последние десять лет Пентагону удалось создать во круг армии атмосферу военной романтики. Молодежь теперь смотрит на службу как на приключение, как на возможность попутешествовать, как на спорт. Это привлекает даже молоденьких девчонок. Сегодня двенадцать процентов всей армии США — женщины. Четыре из них имеют звания бригадных генералов. Женщины тренируются, занимаются боевой и физподготовкой наравне с парнями. Спят в общих бараках; правда, им выделяют отдельный угол или этаж. Только замужние, да те, что с детьми, проживают в отдельных коттеджах...

— Вам скучно? — Она легонько щелкнула ногтем по стекляшке моих часов.

— Нет, просто задумался. Но скажите честно, ребята в вас видят все-таки женщину или солдата?

— Если вести себя нормально, то никаких проблем не будет. Тут такая изматывающая подготовка, что просто-напросто не остается сил думать о чем-либо постороннем. Встаю я в пять утра: у меня ведь ребенок, ему надо еду приготовить... Да, не удивляйтесь, я была замужем. Он тоже военный. Вместе служили в Германии. Потом я забеременела. Ушла по его настоянию из армии: муж считал, что это не бабья работа. Он мечтал, чтобы я была классической домохозяйкой, — срабатывал его «южный образ мышления». Я, дура, послушалась.

Она была так увлечена своим рассказом, что даже не глядела в мою сторону. Сделав короткую паузу, перевела дыхание. Опять заговорила:

— Мне очень хотелось обратно в армию. Из-за этого пошла на развод. Легко ли матери-одиночке? По крайней мере легче, чем «на гражданке». Армия обеспечивает бесплатное медицинское обслуживание, на лекарства не надо тратить. А ведь они жутко дорогие там...

Она махнула в сторону Колумбуса и, видимо, всей прочей Америки. На секунду о чем-то задумалась. Потом продолжала:

— Днем — служба, а вечером посещаю вечерний факультет Университета Алабамы⁸, которому командование Форта Беннинг выделило на своей территории отдельное помещение. Кроме того, армия платит за мою учебу. Зарабатываю я больше тысячи долларов в месяц. А «там» я бы в лучшем случае получала около восьмисот долларов, устроившись, скажем, продавщицей. Так вот...

— А кто сейчас сидит с ребенком?

— Сестра. Она приехала погостить: у меня двухкомнатная квартирка здесь же, на базе. Но если она уедет, я отдам сына в детский садик...

Сорс тем временем опять принялся за старое — начал щелкать фотокамерой. Лицо его собеседницы периодически вспыхивало в ночной тьме.

— А потом, — моя новая знакомая погладила поверхность стола ладонью, — очень важно, что в армии людей заставляют заниматься спортом. У меня самой воли бы не хватило. А здесь это составная часть службы.

— Мужские и женские нормативы отличаются?

— Незначительно, — ответила она, — я, например, отжимаюсь на руках шестьдесят раз за две минуты. Ребята — на пятнадцать раз больше.

Честно говоря, я ей не очень-то поверил: шестьдесят раз все же не шутка! Дождавшись, когда в очередной раз сработает сорсовская фотовспышка, я глянул на руки девушки.

⁸ Алабама — соседний с Джорджией, где расположился Форт Беннинг, штат.

Сомнения мои были напрасны: под завернутыми рукавами пятнистой куртки горбатились мощные бицепсы.

— Да вы культуристка!

— Бросьте, просто в жизни надо быть сильной.

Провожая ее, я дал себе слово начать делать утреннюю зарядку. С понедельника.

— Ну, прощайте, — улыбнулась она, вбежав на крыльцо коттеджа.

— Прощайте.

— Между прочим, один вопрос вы мне все-таки забыли задать, хотя, кажется, спросили обо всем.

— Это какой же? — удивился я.

— Ладно, отвечу и так: меня зовут Энн. Энн Марй.

Ветер всю ночь не давал спать. Был, собака, скулил, просился внутрь. Казарма наша, построенная еще в середине тридцатых годов, в ответ что-то хрипло ворчала, по-стариковски скрипела. Словом, ночка выдалась что надо! Вдобавок вентилятор, от любопытства — советский в казарме! — крутивший головой то вправо, то влево, уставился на меня неподвижно и надул шею.

...Кажется, легче согнуть ствол автоматической винтовки М-16, чем поднять голову.

— Хорош дрыхнуть! Просыпайтесь! — орет негсержант, ворвавшись вместе с ветром вовнутрь. Крючковатым пальцем он оттягивает воротник от кадыка размером с кулак, ворочает африканскими, с кровавым подмесом, белками, шумно дышит, стучит каблуками по доскам пола.

— Эх, — раздается со второго этажа койки, — всхрапнуть бы еще часок...

Я усилием воли навожу резкость глаз: это Вилли. Я познакомился с ним вчера, когда вернулся в казарму, проводив Энн.

— Вилли, ты как? — интересуюсь я.

— Как лайнер на взлете, — он делает плавное движение рукой вверх, — башка уже в небесах, а задницу от земли все никак не оторву: сила притяжения, так ее и раззат! Но ведь сержанту не объяснишь! Он зол и не сентиментален. У вас они тоже такие?

— Абсолютно!

— Я так и предполагал. Нет, не коммунисты и не капиталисты правят миром. Сержанты!

Вилли, по-моему, самый юморной малый в роте. Эдакий циник-людовед: все про всех наперед знает. Пока лишь я для него крепкий орешек. Но уже, видимо, и я взят на прицел его М-16, магазины которой заполнены не патронами, а бронебойными шутками.

Ребята заправляют койки. Трут кулаками глаза. Словно заново привыкают к миру.

Нет, это не пункт «первичной обработки» новичков. Это учебная рота солдат, уже четвертую неделю находящихся в Форте Беннинг.

Вилли остервенело трет зубы щеткой, словно пытается содрать окалину. Но сквозь плотно сжатые челюсти и волдырящуюся зубную пасту он умудряется напевать. Так, для понта:

Э-гей баба-риба,

Э-гей баба-риба!

Как хочется мне, чтобы все девчонки были пирожными на прилавке.

И если б был кондитером

я, ел бы их в любом порядке.

Э-гей баба-риба,

Э-гей баба-риба!

Как хочется мне, чтобы все девчонки были колоколами.

И если б был я звонарем,

звонил бы в них часами.

Допевает он эту песенку, натягивая форму и влезая в ботсы:

Э-гей баба-риба,

Э-гей баба-риба!

Как хочется мне,

чтобы все девчонки были кирпичами,

И если бы был строителем я,

укладывал бы их своими руками!

Собственно говоря, это не просто «солдатская шуточно-подпольная», нет. Это строевая песня, под которую они здесь маршируют.

Вилли запикивает обратно в железный узкий шкаф бритву, зубную щетку, полотенце, присыпку для ног и захлопывает дверцы, с внутренней стороны которых — туда еще не пробрались вездесущие глаза сержанта — ему подмигивают вырезанные из журналов обнаженные красотки. Вилли мчит во двор. Лайнер взлетел.

Трамбуй ботинками землю, солдаты строятся. Сержант уже ждет Вилли.

— В чем дело, рядовой? — Сержант зло изгибает бровь.

— Рядовой Джонсон явился, — не совсем уверенно говорит Вилли. Сержант опять оттягивает воротник от кадыка, нервно поводит плечами: видно, Вилли не по форме доложил.

У меня в памяти всплывает моя родная учебка. Наш старший лейтенант в таких случаях кривил рот,

скалил зубы: «Является черт во сне, а рядовой что делает?» — «Прибывает, товарищ старший лейтенант! Он прибывает!» — «Прибывает поезд, а рядовой что делает?» Это могло продолжаться до бесконечности.

Приблизительно то же самое происходит и здесь. Только по-английски.

Вилли уже стоит в строю слева от меня. С него все как с гуся вода. Зло ощерив зубы, он, видно, крепко про себя ругается. Потом вдруг остывает, шепотком спрашивает:

— Ты, говорят, брал интервью у командира Фор-та? Он умный?

— Он лысый! — Парень справа опережает меня с ответом.

Сдавленный смех.

Уже четыре утра. Зябко. Хочется спать. Идем в столовую. В такую рань завтрак кажется насилием. И все же бекон с яичницей, апельсиновый сок, поджаренный хлеб и пончики за десять минут перекочивают с тарелок в солдатские желудки. Горячий черный кофе, будоража сонные мозги, теплом разливается по телу. Теперь хоть внутри не так холодно.

Строем идем восемь километров. На ходу втираю в кожу лица предписанную армией маскировочную «косметику»: зеленую и серую краску. Темные тона — на выпуклые части лица. Светлые — на вдавленные. Теперь мы все одной расы — пятнистой. Негра от белого не отличить. Как ни странно, но многие здесь верят, что с этим нововведением в армии поубавилось инцидентов на почве национальных предрассудков.

Чеканя шаг, сержант запекает, солдаты дружно подхватывают:

Еще вчера водил я «Кадиллак».

Взамен него таскаю нынче я рюкзак!

Э-э!

У-а!

Ухаживал я за одной красавицей когда-то,

Теперь — вместо нее —

хожу в обнимку с автоматом!

Э-э!

У-а!!

Слева и справа медленно, в такт нам, маршируют, уходя за лес. Время от времени мимо проносятся военные грузовики, обдавая нас гарью. Вот показалась М-3⁹ («Брэдли»). Из-под ее гусениц рвется во все стороны рыжая, горькая пыль. Своими фарами она слепит нас, кромсает жидкую предрассветную тьму.

— Стало быть, ты советский? — спрашивает Вилли, хотя прекрасно это знает. — Для тебя надо срочно придумать особую строевую. Скажем, так:

Когда-то гонял я на «ЗИЛе»,

Теперь таскаю его на спине!

Э-э!

У-а!

Он еще раз повторяет этот куплетик, потом спрашивает:

— У вас ведь есть машина «ЗИЛ»?

— Не у меня.

Опять раздается зычный сержантский баритон с легкой примесью хрипотцы. Сержант явно забывает рык уже почти растворившейся в пепельной дымке «Брэдли». Ребята подхватывают. Голоса их, словно ручьи, переплетаются, постепенно сливаясь в один мощный поток:

Эй, солдат! Послушай, брат, меня.

Не горюй, нет нужды рыдать

и вспоминать былое —

все равно ведь Джоди присвоил себе

твой «Кадиллак»

и все остальное...

— Кто такой этот Джоди? — спрашиваю Вилли, тшась перемочь громыхание сотен ботинок.

— Большая сука. У вас Джоди тоже есть. Только имя его звучит иначе. Солдаты так называют парня, который кадрит и в конце концов уводит твою девчонку, пока ты толчешь пыль на военных базах. Потом она присылает тебе «Dear John!—Letter» — письмо «Дорогой Джон!». Джоди... Они водятся во всех странах...

— «Дорогой Джон», ты сказал?

— Именно. Американский солдат окрестил так то самое «послание» от любимой, в котором она дает ему отставку и сообщает, что встретила «настоящего человека», выходит за него замуж... Ну, и все такое в том же духе. Если честно, я сам был Джоди до армии. Но в данное время мы с этим типом — по разные стороны баррикады.

Жердястый парень в одном ряду со мной, но чуть левее, молча поддакивает Вилли. В знак согласия. Медвежковатый увалень наискосок справа, каждый шаг которого сотрясает матушку Землю, мрачно сводит к переносью глаза и резким щелчком безымянного пальца сбивает с кончика носа повисшую каплю пота. Он делает это с такой ненавистью в глазах, словно она и есть Джоди.

⁹ М-3 — боевая машина пехоты.

(Продолжение следует)

ЦЕНА ЯМ

Начало

на центральной вкладке

производстве. Увы, в Белоярском не решена проблема детского сада.

Этот поселок типичен для национальных поселений Ямало-Ненецкого автономного округа. Проблем тут хватает. Что говорить, если в Зеленом Яру как-то роды принимались при свечке. А в рыбацком поселке Халаспугора почти год не выпекался хлеб. Здесь нет квартиры, чтобы поселить фельдшера. В Горно-князевске практически не бывает электроэнергии. Это не исключение, а правило. Норма. Сегодня, когда жизнь позволяет откровенно говорить о трудностях, стало очевидным, что будущее двадцати тысяч советских граждан, образующих население малых народов, просматривается весьма и весьма проблематично.

Средняя продолжительность жизни ненца, ханта, селькупов катастрофически снизилась, растет детская смертность, процент заболеваемости туберкулезом среди кочевого населения остается по-прежнему высоким. До сих пор, как и сто, двести лет назад, большая часть ненцев кочует. Нет жилья. Глубинка тюменского Севера не знает детского смеха, ведь, как правило, школы-интернаты расположены за сотни километров от отчего дома. А весной десятки детей ненцев, хантов, селькупов, как бы проснувшись вместе с загадочно-суровой природой, сбегают из интернатов в тундру, к родному языку, обычаям, пище. В легкой одежде, без еды, потеряв навыки общения с природой, многие из них к дому уже не доходят...

А тундра притягивает. Эти дети болеют природой. Болеют так же, как и их осиротевшие родители, которые уходят все дальше на север. Буровые, компрессорные станции, магистральные газопроводы, новые и новые города-близнецы потеснили истинных хозяев этой загадочной земли. Сначала заявило о себе месторождение Медвежье, потом — газовый гигант Уренгой, теперь — уникальный Ямбург. Дальше и дальше. Около тысячи коренных жителей остались сегодня без работы. Каждый двадцатый, проживающий в автономном округе. Зато десятки тысяч вахтовиков со всех концов страны слетаются сюда за добрым заработком. А в округе сократилось оленеводство. На грани исчезновения охотопромысел. Погибли десятки рек, сотни озер. Ненецкая писательница Анна Неркаги недавно вынуждена была публично потребовать: «Дайте нам право на жизнь!» Уже некуда отступать, нога легендарных покорителей шагнула на Ямал. За спиной — Ледовитый океан.

Это эмоции. Есть цифры.

В Ямало-Ненецком автономном округе шесть миллионов гектаров оленьих пастбищ уже уничтожено. По расчетам сотрудников Ямальской сельхозопытной станции, оценка экономического ущерба природоохранного округа составляет 60 миллиардов рублей. Кому-то, очевидно, эту цифру хочется видеть ниже. Ознакомившись с расчетами заведующей лабораторией охраны окружающей среды Саратовского проектного института ВНИПИгаздобыча Т. Н. Бобровой, весьма удивился, что цена погибшего от издержек освоения Севера зайца-беляка составляет два рубля двадцать копеек, песца — чуть более 40 рублей, лисицы — 26 рублей, горностая — девять с полтиной.

— К сожалению, — призналась Боброва, — приходится рассчитывать ущерб по традиционному методу. Других нет.

И только в постановлении Совета Министров РСФСР от 10 ноября 1987 года наконец-то были утверждены более разумные нормативы стоимости земель, изымаемых для несельскохозяйственных нужд. (Не учитывается, что для ненцев, хантов, других представителей коренных народностей Севера оленеводство не просто отрасль сельского хозяйства, а жизненная потребность, воспитанная веками.) Этим документом цена одного гектара оленьих пастбищ (в постановлении они обозначены, как со-

ЯМАЛА

лонцы мелкие и корковые, солончаки лугово-болотные, почвы овражно-болотного комплекса) определена в четыре тысячи рублей. Но, как известно, тундровый покров невосстановим. Следовательно, бесценен.

Да, огромны наши природные ресурсы. Нефть и газ Западной Сибири занимают в этом ряду главное место. Вот уж поистине дальновиден Михайло Ломоносов, что «могущество российское прирастать Сибири будет». Валюта от экспортных поставок топливно-энергетического сырья очень нам помогала последние годы. Западно-Сибирский территориально-производственный комплекс оказался закрытой зоной не только для критики, но и для нормального проживания ненцев, хантов, коми, селькупов. А скрывать было что. Север «осваивался» с грубейшими нарушениями природоохранного законодательства. А в Тюменской области не привлечен к уголовной ответственности ни один из виновных. Три газовых гиганта Западной Сибири — Медвежье, Уренгой и Ямбург — проектировались и обустраивались без учета экологических требований. Ценнейшие виды рыб, зверей здесь вообще исчезли с лица земли. Только в Надымском районе сброшено в водоемы 1,3 миллиона кубических метров загрязненных вод. В районе Медвежьего уничтожены десятки маленьких речушек. Последние новости еще более тревожны: в результате аварии на трубопроводе огромная акватория Обской губы залита нефтепродуктами. И в прошлом году произошла аналогичная ситуация, правда, в более мелких масштабах.

Убежден, у доброго хозяина и травинка место найдется. И наоборот: горе-работник оставляет после себя пустыню. Убедительны данные проверки Комитетом народного контроля СССР районов Тюменского Севера. Оказалось, что по количеству брошенных импортных труб, техники, оборудования, строительных материалов этот регион мог бы стать надежной материально-технической базой для активного развития среднего по масштабам государства. В распаханной тундре оказалось больше брошенного металла, чем представителей животного мира.

А разве логична форсированная выработка месторождений, досрочные пуски и вводы? За последние годы я не знаю месторождения, которое бы начали эксплуатировать в строго запланированные сроки. Только досрочно. Как не вспомнить «трудоустрой» к апрелю 1987 года, когда от газовой установки, введенной на Ямбурге в рекордные сроки, потребовалось срочно построить «перемычку» стоимостью более миллиона рублей, чтобы с соседней установки подать сюда символический газ. Но рекорд есть!

Кстати, к XIX Всесоюзной партийной конференции на Ямбурге намечался пуск очередной установки комплексной подготовки газа. Сколько дополнительных рук было переброшено в Заполярье, на селекторах Миннефтегазстроя по накалу страстей и угроз казалось, что сейчас по крайней мере решается судьба Отчизны. Неужели это действительно случайность, когда сроки подачи газа, а значит, потребности народного хозяйства в этом сырье, настолько совпадают со знаменательными событиями в стране?

Многие и сейчас рассчитывают на награды. Удивительно лицемерить очередные полосы газеты «Тюменская правда», помещающие списки награжденных медалью «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири». Тысячи фамилий. И бурные аплодисменты. И всеобщее молчание. Как будто в рот воды набрали. А ведь многие понимают, что грабили недр. С нарушением элементарной технологии добывается газ Ямбурга. Гибли люди на Медвежьем. Уренгой, которому пророчили жизнь на многие лета, уже выдохся в своем взлете. Надо заметить — не без рук человеческих.

Природа мстила. Но до нее ли, если суть благоденствия — в изобилии топливно-энергетических ресурсов. После нас — хоть потоп!

И лишь кое-где раздавались голоса бунтарей-одиночек, призывающих усилить ответственность топ-

ливо-энергетических отраслей страны и потребителей за эффективность использования газа.

Кроме этого, в мае прошлого года Комиссия Президиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов рассмотрела вопрос «О работе, проводимой в РСФСР по охране тундровой зоны и соблюдению природоохранительного законодательства при разведке и разработке месторождений нефти и газа в районах Крайнего Севера». В принятом решении сказано, что «применение несовершенных для условий этого региона транспортных средств при проведении работ по разведке и добыче нефти и газа, недостатки при проектировании и строительстве нефтегазопроводов и других объектов в районах Крайнего Севера приводят к нарушению почвенного и растительного покрова, уничтожению оленьих пастбищ, загрязнению водоемов, сокращению ресурсов рыбного промысла, охотничьих животных. Все это подрывает экономическую и социальную основу жизни коренных народностей Севера».

Прозвучал первый тревожный звонок. И казалось бы, тучам над Ямалом следовало рассеяться. Но, очевидно, слишком соблазнителен ямальский пирог.

Сегодня огромные разноцветные карты арктического полуострова украшают кабинеты тех, кто имеет отношение к Западно-Сибирскому территориально-производственному комплексу страны. Многие в нетерпении, как перед стартом. Ведь на Ямале уже мерцает долгожданный рубеж упорной гонки за триллионом кубических метров годовой добычи углеводородного сырья.

И не только это. Сложнейший по своим природно-климатическим и естественно-географическим условиям полуостров Ямал притягивает своими... затратами. Парадокс, но даже сегодня сказывается синдром затратной экономики. Чем больше освоили — тем лучше работали. А это как цепная реакция. И уже проектировщики прорабатывают наиболее проблематичные варианты, которые в будущем позволят создать научный задел к диссертациям и, что немаловажно, объем работы на завтра. Подобное происходит на строительстве железной дороги Обская — Бованенково. А заказчики «выбивают» за гранкомандировки за «холостым» импортным оборудованием (об этом писал журнал «Коммунист» в мае 1988 года в статье «Нулевой цикл»). Строители же переносят снег лопатами, что приходилось видеть не раз.

Произошло бы чудо, если бы какое-то северное месторождение освоили с затратами, значительно ниже планируемых. На Ямбурге могли сберечь 550 миллионов рублей только на транспортной схеме. Не сберегли.

Московские экономисты А. Арбатов и В. Смирнов подсчитали цену освоения газовых ресурсов полуострова Ямал: «Если абстрактные рубли, необходимые для этого, перевести в реальные товары и благи, то на те же средства можно по выбору: увеличить жилой фонд страны на 200 миллионов квадратных метров, обеспечить личными автомобилями 20 миллионов семей, увеличить сеть автодорог на 200 тысяч километров (полная потребность Нечерноземья!), кардинально перевооружить легкую и пищевую промышленность и так далее и тому подобное. Можно, наконец, реализовать программу энергосбережения, что по эффективности многократно превосходит рост добычи газа за счет Ямала».

На аргументы против наступления на Ямал у «газовых королей» найдутся свои контрдоводы. Они сошлутся на Основные направления, где сказано: «Осуществить работы, связанные с организацией добычи газа на полуострове Ямал». Наверняка вспомнится и решение 1985 года, в котором уже определены конкретные сроки добычи газа — апрель 1991 года. Но почему весна, а не зима? Пытался в календаре найти знаменательную дату — не получилось.

От лихой атаки промышленности прежде всего пострадала хрупкая северная природа. Из оборота Ямала выведено более 600 тысяч гектаров оленьих пастбищ. Специалисты, просчитывая реальную и далекую от иллюзий перспективу, предвидят, что оленеводство на Ямале придется сократить почти в два раза. А как быть с людьми?

Цитирую материалы Государственной экспертной комиссии: «В этой связи представляет интерес постановление ГЭК от 8 октября 1987 г. № 19 по итогам экспертизы целевой комплексной программы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на XII пятилетку и перспективу до 2005 года, предлагающее осуществлять освоение месторождений углеводородов полуострова Ямал только после отработки основных технических и инженерных решений и экспериментальной их проверки и при условии

опережающего развития производственной, транспортной и социальной инфраструктуры...»

У экспертов, оказывается, есть более чем веские аргументы: «В данном случае вопрос стоит особенно остро, поскольку речь идет о территории Ямало-Ненецкого автономного округа — административно-территориальной единицы со своим конституционным положением, признанным охранять особый национально-структурный и правовой статус коренного населения» (цитата из тех же материалов, подписанных академиками, докторами и кандидатами наук).

Выводы сделаны?

Один из руководителей Миннефтегазстроя, И. И. Мазур, при встрече с откровенной иронией признал: «Вчера — Байкал, сегодня — переброска северных рек, завтра — Ямал. Это горячие точки «экологической деятельности» человека».

16 декабря 1987 года заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина, возглавляющий Бюро по топливно-энергетическому комплексу, своим распоряжением «развязывает» руки жаждущим газового «триллиона»: «Разрешить, в порядке исключения, Мингазпрому СССР осуществлять в 1988 году строительство первоочередных объектов системы газопроводов Ямал — Запад, объектов обустройства Бованенковского газоконденсатного месторождения, а также баз организаций, занятых на строительстве указанных объектов, по рабочим чертежам и сметам на отдельные объекты и виды работ».

И теперь уже гневный голос И. И. Мазура раздавался на отраслевом селекторном совещании. Грозные ноты в назидание тем, кто пытался роптать против немедленного активного наступления на ямальские кладовые.

Это был неофициальный приказ наступать.

Любопытно, что накануне столь непредвиденных событий к Б. Е. Щербине письменно обратился писатель С. П. Залыгин. Предыстория такова: Сергей Павлович получил письмо от группы тюменских ученых, которых не оставила безучастными судьба Ямала. Так вот, Залыгин потревожил заместителя Председателя Совета Министров страны:

«Я не мог миновать Вас, получив письмо специалистов относительно освоения Ямала».

Край земли Вам хорошо знаком, проблема, можно сказать, Ваша и материал этот, по моим понятиям, представляет для Вас интерес.

Материал тревожит.

Я тоже в свое время жил на Ямале и представляю себе те последствия, которые могут возникнуть там при небрежении природными условиями».

Б. Е. Щербина переправил письмо в Госплан СССР и Мингазпром.

Безрезультатно.

Сравнительно недавно Тюменскую область посетил Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков. В своем выступлении на встрече с партийно-хозяйственным активом, касаясь Ямала, он напомнил, что надо приложить максимум усилий, проявить инициативу, настойчивость для выполнения поставленной задачи — подать ямальский газ в европейскую часть страны уже в начале тринадцатой пятилетки. При этом должны найти решение не только производственные, но и социальные, экологические проблемы с учетом специфики Ямала.

Казалось бы, все ясно. Тревожная судьба полуострова, проблемы коренных народностей Севера — незаживающая рана, требующая разумного исцеления. Но тем, кому по долгу службы поручено отработать природоохранный раздел нового решения по Ямалу, похоже, опять все сводят к полумерам, общим формулировкам: «усилить, разработать». Хорошо еще, если в счет компенсации за ущерб природе построят школы, больницы, детские сады...

А пока экологический разбой на Ямале продолжается. Упорно идет вперед железная дорога. Сегодня еще не знают, по какому варианту она ляжет, поэтому дорогу называют «в никуда». Выхлопными газами травят песца, истребляют домашних оленей. Пришлые рыболовы «организуют» свой промысел с помощью тола.

За экологический разбой всесоюзный розыск не объявлять. Это печально, но это факт. Тем более, как заметил член-корреспондент АН СССР директор Института проблем освоения Севера В. П. Мельников, сегодня не существует правил, нет системы природоохранной деятельности на Ямале, собственно, нет экологического кодекса.

...Затишье перед бурей. Сейчас все находится в ожидании правительственного постановления по Ямалу. Отодвинут сроки или... Тогда, несмотря ни на что, на полуостров высадится армия покорителей и выполнит задание в срок. Цена? Это уже не будет иметь значения.

НА ТЕМНОЙ СТОРОНЕ ЛУНЫ

Повесть

Они подошли к поваленному в углу столу, где все произошло. Всюду здесь виднелись следы крови, кровавые ватные тампоны.

На соседнем столе лежала лепешка, несколько шампуров с шашлыком — увядшие, заветренные куски неаппетитного мяса на шпажке.

— Это преступника, — сказал Гапуров. — На тарелке не осталось отпечатков. Пак сидел здесь... Он показал на валяющийся в углу стул.

— Как этот парень оказался с Паком? Вместе приехали? — допытывался Тура.

— Нет. Свидетели слышали, как он спросил Кореяца: «У вас не занято?» Пак сидел один.

— Пак сказал дежурному, что едет в «Чиройли»?

— Нет. Предупредил только, что будет примерно часа через три.

— Саида еще ничего не знает?

— Нет. Мы решили: лучше ей пока не говорить.

У входа показалось несколько офицеров. Халматов увидел заместителя начальника управления полковника Назраткулова, желчно-худого, высокого, со скучным, невыразительным лицом. Тура заметил брошенный на него недовольный взгляд.

«...Что делал Пак в кафе? — снова подумал Халматов. Он оставался за начальника розыска. — Что его привело сюда? Почему никому не сказал, даже дежурному?»

Тура отошел. Напротив входа молоденький оперуполномоченный¹ его отдела, почти мальчик, родственник Гапурова — Алишер — писал рапорт: он побеседовал с шашлычником и теперь выписывал из блокнота сообщенные ему приметы преступника. Рядом, на газете, лежали вещи. Халматов подошел к столу. Бумажник и удостоверение Пака, авторучка. Тура открыл бумажник — из-под слюдяной обложки на него взглянула с фотографии Саида.

— Чье это? — Халматов показал на спортивную сумку. — Убитого?

— Да, устоз. Ничего особенного нет. — Алишер, вчерашний стажер, называл его не по-уставному — «учителем», как и другие его ученики. Он достал из сумки импортные солнцезащитные очки, большую металлическую расческу, положил перед Турой. — Еще бутылка грузинского коньяка «КВ»... — Алишер поставил на стол непотатую бутылку. — Готовился что-то отметить, а не пришлось. Да! Деньги триста рублей. Рублями!..

Тура почувствовал, как постепенно к нему возвращается сознание своего старшинства. И ответственности.

¹ Должности оперативных работников уголовного розыска и ОБХСС даны в их сегодняшнем наименовании — «старший оперуполномоченный», «оперуполномоченный», в момент описываемых событий соответственно: «старший инспектор», «инспектор». (Прим. авторов.)

— Позвони дежурному. Пусть передаст, чтобы труп в морге срочно дактилоскопировали. Может, погибший был судим.

— Понял.

Тура поманил показавшегося в дверях оперуполномоченного Какаджана Непесова.

— Слушаю, устоз.

— Там стоит машина Пака...

— Я знаю, — кивнул Какаджан.

Рядом патрульная машина. Возьми криминалиста — составьте план стоянки в масштабе. Мы должны проверить, была ли там, когда Пак подъехал, какая-то другая машина. Он как-то не очень удобно приткнулся.

— Вас понял.

— Тура Халматович, — подошел Равшан Гапуров. — Вас спрашивал полковник Назраткулов.

Заместитель начальника управления был растерян, испуган и зол оттого еще, что Тура не подошел, не извинился, не помог ему, Назраткулову, человеку самолюбивому и подозрительному, в ощущении растерянности и паники, охватившей его из-за необходимости тут командовать и распоряжаться, находиться в зависимости от Равшана и брать на себя всю ответственность за его действия, за дело, в котором он, бывший замзавотделом, юрист-заочник, не был компетентен, плохо ориентировался, да и вообще все это плохо понимал и очень не любил. Был он, Назраткулов, специалистом другого профиля, который считал не менее важным и более универсальным, который коротко обозначался одним словом — «кадры».

— К шапочному разбору приехал, — мрачно сказал Назраткулов, когда Халматов наконец подошел. — И глаз не кажешь. А ведь это я тебя должен спросить, почему твой заместитель никого не поставил в известность и поехал на край света есть лагман.

Они не любили друг друга.

У Туры была довольно простая классификация живущего на земле народонаселения: милиционеры, преступники и потерпевшие.

Милиционеры были малой частью человечества, но самой стабильной во времени и в составе. По представлениям Туры, милиционер не мог быть будущим или стать прошлым. Пенсионер все равно был милиционером, а младенец, рожденный для этой участи, уже в детском саду покажет себя в этом качестве.

Преступников было гораздо больше, и они могли свободно перемещаться во времени и представительстве: уголовник мог завязать навсегда, а приличный парень из почтенной семьи мог очень зримо перетекать из толпы потерпевших в компанию преступников с очевидной этикеткой — «будущий».

Потерпевшими были все остальные: реальными, к счастью, в подавляющем меньшинстве, и возможными в будущем — в большинстве. И жизненное предназначение милиционеров, «ментов», состояло в том, чтобы защищать потерпевших от преступников, то есть обеспечивать такой порядок, при котором они могли безбедно и спокойно существовать — ходить в детстве в ясли, в школу, став постарше, — в профтехучилище или в институт; в зрелом возрас-

сте — трудиться: растить хлопок, стоять у станков, ткать ковры, рисовать картины или писать книги, а после работы спокойно сидеть у телевизоров или ходить в гости.

Предупредить преступление, а если преступление все же совершено, суметь быстро его раскрыть, составляло смысл жизни милиционера. Выполняя свою жизненную функцию, милиционер мог погибнуть, и с этим уже ничего нельзя было поделать. Но можно было и продлить милицмейскую жизнь, если стать профессионалом, — помнить тысячи мелочей, директив, инструкций, приказов, примет, ориентировок, предупреждений; не действовать опрометчиво, сгоряча, хорошо стрелять, прыгать, подтягиваться, бороться и бегать.

Куда отнести Назраткулова, Тура не знал. По внешним формальным признакам он был как бы милиционером. Но Тура-то знал, что из Назраткулова такой же «мент», как из кизячной лепешки — замковый камень.

Ничего действительно преступного в действиях Назраткулова Тура никогда не замечал и твердо верил, что никогда его начальник не докатится до этого опасного класса населения хотя бы в силу трусости и крайней неуверенности в себе.

Так что Назраткулова можно было бы уверенно отнести к потерпевшим, кабы он не был таким большим командиром среди милиционеров и не принес в их среду обычаи и ухватки, миропонимание и пороки потерпевших.

И поэтому Тура точно знал, что Назраткулов при первой возможности постарается достать его, как только сможет. До сих пор случая не представлялось. А вот теперь история с Паком!

«Пришла беда — отворяй ворота», — вспомнил Халматов любимую присказку тестя, жившего в Подмосковье.

— Что считать шапочным разбором... — заметил Тура, глядя в сторону.

— Еще и дерзишь... Я тебе не мальчик! — закричал Назраткулов.

Он собрался еще многое сказать, объясняя очевидный факт, что он не мальчик, но в кафе уже входил начальник управления генерал Эргашев. Назраткулов сразу подтянулся и, не спуская глаз с начальника, пошел навстречу.

Эргашев полоснул Туру рысью взглядом и, не приглашая его за собой, медленно прошел в кабинет директора кафе. Сердце у Туры на секунду замерло.

Тут же Халматова окликнул подошедший Какаджан Непесов. Высокий, с прямой крепкой спиной, грубоватый, надежный туркмен из Мары был одним из тех, кого Халматов и Кореец прочили в будущем на должности начальников уголовных розысков в районных отделах.

— Смотрите, устоз! Все заштрихованное — машины людей, которые сидели в кафе. Белым я показал свободное пространство между ними и «Москвичом» Пака. Здесь замеры. Инспектора говорят, что скорее всего тут стоял «жигуль» либо «Москвич».

— Какаджан, дружок! Опроси всех, кто видел эту машину, — сказал Тура. — Когда она уехала? Отъезжал ли кто-нибудь после того, как Пак поставил машину? Поручи Алишеру — пусть узнает, сколько шашлычник приготовил шашлыков перед тем, как все случилось. Сколько шашлыков заказали посетители? Проверь на кухне. Если количество совпадает, значит, никто другой не уезжал. Значит, под деревом стояла машина человека, который уехал после убийства... — Понял, устоз.

Генерал Эргашев восседал за художочным однотумбовым столом — смуглый от непроходящего загара, в побуревшем от соли кителе, хорошо знакомом всей мубекской милиции.

И в этом вполне убогом заведении Эргашев все равно выглядел значительно. Лишенный привычного помпезного величия своего кабинета-зала, он наспех выстроил вдоль стен внушительную декорацию из дюжины полковников — своих заместителей и начальников всех служб областного управления.

В его присутствии они были только статистами, сопереживающим и сочувствующим хором на маленькой сцене, в центре которой сидел за хилым канцелярским столом Эргашев, а перед ним стояла официантка.

— Раньше-то вы, наверное, этого человека видели... — Эргашев мельком взглянул на вошедшего Халматова, но сделал вид, что не заметил. — Вы знаете его, и надо честно все рассказать... он ведь бывал в нашем кафе? Нам все известно, и мы хотим проверить, насколько вы честны с нами. Можем ли вам доверять, так сказать...

— Первый раз он у нас! — Официантка успела переодеться, поверх халата на ней была маленькая стеганка без рукавов, в которую она поминутно куталась.

Глядя на стеганку, Халматов подумал, что теща надевает такую на свою собачонку, когда зимой выводит на улицу. Второй раз на протяжении получа-

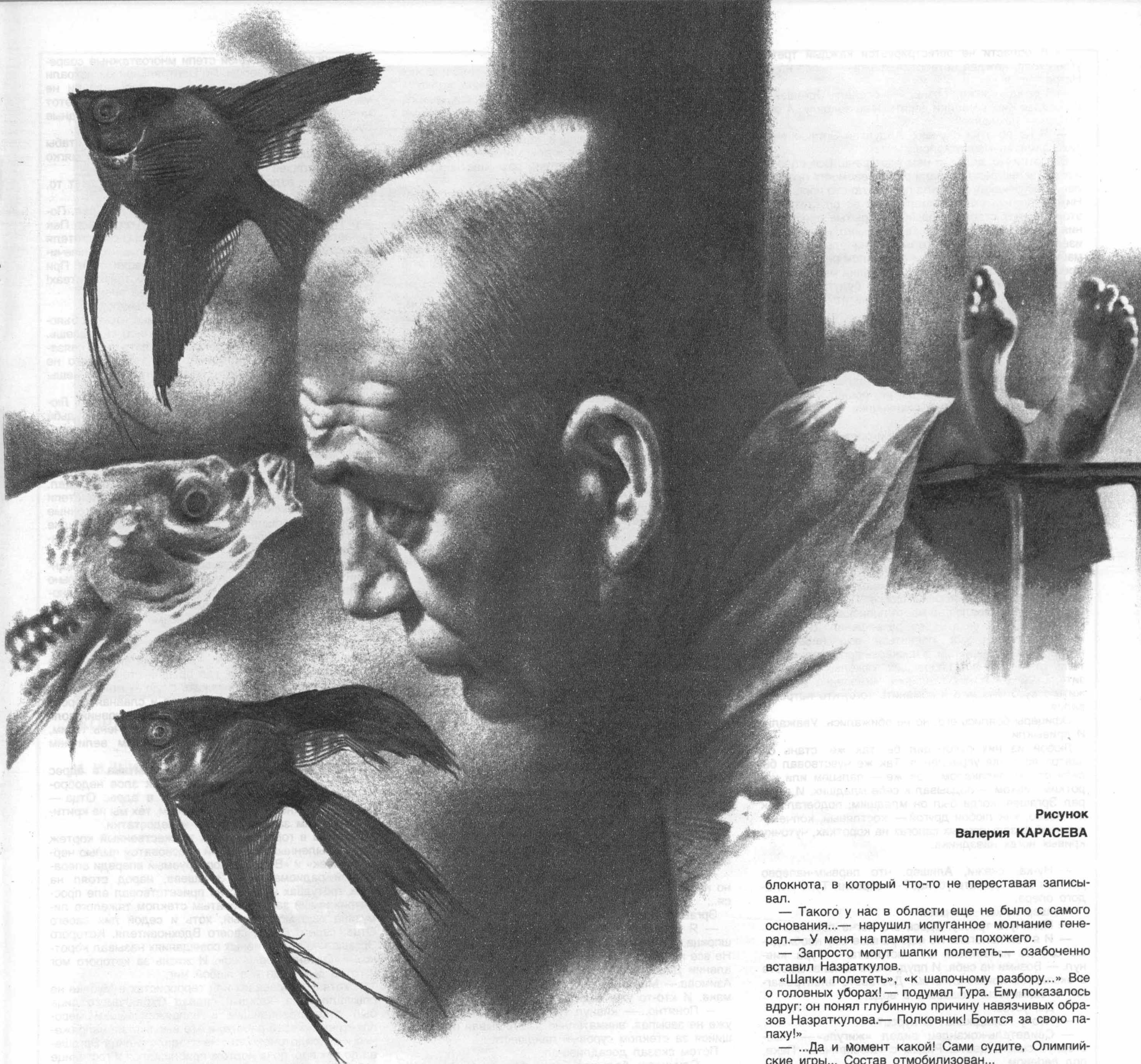

Рисунок
Валерия КАРАСЕВА

са он вспомнил родителей жены, о которых не вспоминал месяцами. К чему бы?

— Мы милиция. — Эргашев умел вложить какой-то очень грозный смысл в этот очевидный факт. — Не надо с нами ссориться...

— Слово даю, товарищ генерал, не видела никогда я его...

— ...Чтоб потом всю жизнь не кусать себе локти, — закончил мысль Эргашев и мягко добавил: — Мы ведь и о вас думаем.

Бывший работник розыска, генерал раскачивал разговор из стороны в сторону, как торчащий в стене гвоздь.

«Сейчас повернет на семью официантки, — подумал Тура, — заговорит по-хорошему, ласково...»

— С кем живете? — озабоченно спросил Эргашев. — Муж есть?

— Мы развелись.

— А дети?

— Четверо. Младший в третий класс пойдет. — Вот тут она наконец разревелась.

Система действовала безотказно.

— Вот видите! Сыну нельзя без матери! Так? — раздумывал-советовался с ней Эргашев. — Поэтому все надо рассказать!

— Да если бы я знала его!

— Гапуров! — Начальник управления всегда доигрывал спектакль до конца.

— Слушаю, товарищ генерал, — даже не сказал, а обозначил себя начальник райотдела.

В том, что Эргашев в его присутствии — начальника уголовного розыска — обратился непосредственно к Равшану, Тура почувствовал нехороший признак.

— Возьми двух оперативников, срочно поезжай к ней домой. Поговори с соседями. Они должны знать, кто у нее бывает, как часто... Да! Открой холодильник, проверь, что в морозилке. — Генерал заговорил едко-спокойно. — Заелись! Я видел кебаб, который они здесь готовят... Дехканин весь день в поле, кетменем намашется, а приходит сюда, чтобы поесть, — они ему котлету на шампуре. А мясо домашней тащат!

— Будет сделано, товарищ генерал. — Равшан уже помогал официантке подняться, вел к дверям.

— В наших сотрудников стреляют, а им и дела нет! Разыщите директора!

— По-моему, она действительно его не знает, — сказал Эргашев спокойно, как только закрылась дверь. — Передали, чтобы погибшего дактилоскопировали и проверили по учетам?

— Все сделали. — Назраткулов оторвался от

блокнота, в который что-то не переставая записывал.

— Такого у нас в области еще не было с самого основания... — нарушил испуганное молчание генерал. — У меня на памяти ничего похожего.

— Запросто могут шапки полететь, — озабоченно вставил Назраткулов.

«Шапки полететь», «к шапочному разбору...» Все о головных уборах! — подумал Тура. Ему показалось вдруг: он понял глубинную причину навязчивых образов Назраткулова. — Полковник! Боится за свою папаху!»

— ...Да и момент какой! Сами судите, Олимпийские игры... Состав отоборизован...

Назраткулов покосился на стену, где висел портрет в раме под дуб, и добавил искренне-огорченно:

— Министр вынужден будет докладывать в Москву. Может до Леонида Ильича дойти. Обстановка такая...

Тура понимал, что Назраткулов не просто заполняет паузу этими бессмысленными репликами, он выворачивает курс разговора в нужном направлении.

— Нам надо все упредить... Пока сверху мер не приняли. И доложить. Так и так. Сами разобрались. Но для этого необходимо точно установить, почему Пак оказался не на рабочем месте, а в кафе... — Назраткулов явно выводил разговор на Халматова.

Генерал достал сигареты, закурил. Он по-прежнему молча игнорировал присутствие Туры, и это придавало Назраткулову смелости:

— А заодно и об открытых преступлениях... — Преступление в «Чиройли» давало возможность одним махом списать все долги, полностью очиститься.

«Необходимо срочно найти виновного, — определил Халматов для себя смысл происходящего. — Не преступника, а виновного. Опередить министерство, доложить: «Виновный наказан». Похоже, на этот раз им буду я. И, видимо, накажут меня круто... Тогда руководству можно будет просто поставить на вид... Или указать...»

— В области не регистрируется каждый третий угон скота, каждая четвертая кража, — снова начал Назраткулов.

— Кража краже рознь... — осадил Эргашев. — В колхозе Кирова волки десять овец задрали. А считалось — похищено!

— Я не об этих случаях, Абдулхай Эргашевич, — тихо заметил Назраткулов.

Все отлично знали, о чем идет речь. Все области искусственно регулировали раскрываемость преступлений. Мубекская держала постоянно сто процентов. Ниже Эргашев уже не имел права ее опустить. Поэтому в учет ставили только раскрытые преступления, по которым преступник с самого начала был известен. В конце каждого месяца начальник информационного центра вместе с генералом решал, какие преступления перенести на следующий месяц, в расчете на то, что за это время они будут раскрыты, какие под любым предлогом прекратить, соединить с другими делами.

За дверью послышались шаги.

— Я нужен? — спросил Халматов у генерала. — Мне надо идти, делом заниматься...

Эргашев не ответил. И ни разу не взглянул на него. Тура положил на стол составленный наспех список неотложных мероприятий, пошел к дверям.

На выходе он едва не столкнулся с кулинарным шеф-поваром.

В развешиваемой белоснежной одежде повар, похожий на индийского раджу, приближался к кабинету, держа высоко над головой поднос с шашлыками на ребрышках, свежими ароматными лепешками и только что нарезанным луком. Повар плыл в облаке острого пряного аромата. Его сопровождал маленький невзрачный человек с подносом, уставленным чайным сервизом. Третьим, в костюме, при галстуке, просительно улыбаясь, шел директор «Чиройли».

Милицейские машины по-прежнему стояли двумя шпалерами по обе стороны шоссе. Пока начальник управления оставался на месте происшествия, никто не имел права уехать без разрешения. В любую минуту генерал мог появиться под навесом — неулыбчивый, закрытый, в насквозь просоленном кителе, глянуть из-под набрякших, тяжелых век пронзительным взглядом степняка, мгновенно обнаружить отсутствующего и поманить того, кто потребовался.

Офицеры боялись его, но не обижались. Уважали. И привыкли.

Любой из них руководил бы так же, стань он завтра во главе управления. Так же чувствовал бы себя отцом, аксакалом. Так же — пальцем или коротким кивком — подзывал к себе младших. И генерал Эргашев, когда был он младшим, подбегал так же резво, как любой другой, — костлявый, копчено-смульный, в запыленных сапогах на коротких, чуточку кривых ногах наездника...

— Ну-ка, скажи, Алишер, что первым-наперво должен был сделать убийца? — спросил Тура молодого опера.

Алишер пожал плечами:

— Покинуть трассу. Здесь его легче ловить...

— И я так полагаю. Но еще раньше ему необходимо срочно избавиться от пистолета. — Тура кивнул. — Возьми на себя. И пруд, и оба канала. Вместе с экспертом-криминалистом. Доставьте электромагнит и займитесь. Пошарьте в воде.

— Да, устоз.

— Что у Какаджана? В курсе?

— Свидетель-кокандец видел «жигуль» — «шестерку» синего цвета. Рядом с «Москвичом» Пака, под деревом.

— Где этот свидетель?

— В Фархаде. Когда перекрыли дороги, там всех опрашивали, кто проезжал Мубек. Следователям сообщили...

— Тура Халматович! — Тура обернулся. Какаджан бежал к нему по мосткам. — Сейчас передали из Мубека — личность убитого установлена. Артыков Сабирджон, двадцать три года. Судим за сопротивление представителю власти, кражу и грабеж, освобожден в прошлом месяце...

— А что про Андрея?

— Молчат. На восемнадцать тридцать состояние было критическое...

«Сабирджон Артыков... Я что-то слышал о нем, — подумал Тура. — Но в связи с чем? От кого?»

— Установили по пальцам?

— Да. Информационный центр дал установочные данные. Прописан в Мубеке, Пушкина, пять.

— Начальник управления знает?

— Сейчас ему как раз докладывают... Вон он!

Генерал Эргашев уже стоял у выхода, пристально вглядываясь в подчиненных. Каждый по-разному вел себя в его отсутствие, но, как только он появлялся, незримый затылок кричал «замри!», и все дружно тянули руки по швам.

Эргашев нашел глазами Туру, прищурился:

— Халматов! Поедешь со мной!

Возвращавшийся в Мубек караван милицейских машин шел быстро. Впереди, судорожно колыхая проблесковыми фонарями, завывая сиреной, мчался «жигуль»-«чистильщик». Ни один лихач, также спешащий в Мубек, не рискнул обогнать патрульный мотоцикл ГАИ, замыкавший колонну, и обреченно пристраивался сзади. Так и двигались — гигантской, растянувшейся на сотни метров разноцветной ревушей лентой.

Генерал молчал, утомленно-привольно раскинувшись на заднем сиденье, иногда ненадолго задремывал. Халматов сидел впереди, рядом с шофером.

Приемник доверительно-задушевно шептал:

— «...французские журналисты не могут сегодня молчать о том, что сделано в нашей стране для проведения всемирного праздника спорта...»

Тура был весь собран.

Зная хорошо Эргашева, он не сомневался в том, что генерал не просто так посадил его с собой в машину. Интересно, начнет серьезный разговор прямо здесь или перенесет в кабинет, на ночь?..

Эргашев работал ночью. То есть днем он тоже работал. Но настоящее его время двигалось в поздние ночные часы. Естественно, из-за этого не уезжал домой ни один из начальников отделов — ни в управлении, ни в районах — по всей области.

При всем этом служить с генералом было просто — следовало только соблюдать безукоризненно его кодекс поведения для подчиненных. Подчиненные назывались красиво — «мой сотрудник».

Мой сотрудник помнит и выполняет беспрекословно все, даже отдаленные мимоходом распоряжения.

Мой сотрудник всегда доводит до конца начатое. Он скромнен. Не возражает, не спорит — не выступает.

Мой сотрудник предан делу и мне беспредельно.

Мой сотрудник не берет взяток.

Мой сотрудник не задает ненужных вопросов.

Мой сотрудник не может быть трусом.

Мой сотрудник никогда мне не солжет...

— Пак поехал в «Чиройли» по твоему указанию? — вдруг резко спросил Эргашев, и вздрогнувший от неожиданности Тура поймал на себе его пронзительный взгляд. — Ты посылал его?

— Нет, — покачал головой Тура. — Я не знаю, что он там делал.

Эргашев недобро хмыкнул:

— Сейчас все можно отрицать. Но Пак не мог уехать самовольно. А что тебе нужно было в Урчашме?

— Пак не сказал вам?

— Это ты хорошо придумал! Кореец, если б мог, сослался на тебя!

— Я еще ночью выехал в Урчашму. Пак знал, я просил его поставить вас в известность.

— Что ты забыл там?

Халматов рассказал о звонке начальника управления уголовного розыска и повторил фразу Силантьева:

— ...Наркотики идут через Мубек. Рано или поздно нарыв лопнет, и нам до конца жизни не отмыться...

Эргашев молча слушал.

— Я заезжал к Анарбаю Маджидову по поводу шприца, потом разговаривал в изоляторе с Умматом. Не все понятно. Я думаю, надо вести поиск в направлении Дарвазы... — Он не сослался на сообщение Азимова. — Мне кажется, там самовольные посадки мака. И кто-то уже ездит...

— Понятно... — кивнул генерал и долго молчал, уже не засыпая, внимательно разглядывая пронсящийся за стеклом суровый ландшафт.

Потом сказал досадливо-зло:

— Случилась большая беда... Мы, боюсь, попали в серьезный скандал... Всю ночь снился мне неоседланный конь. Так я и не смог его поймать...

Тура, не оборачиваясь к генералу, тихо сказал:

— Мне на скандал плевать. Пролили кровь моего товарища... Я найду, кто это сделал...

Эргашев вздохнул и, не скрывая презрения, заметил:

— Найди, найди... Все-таки как был ты простым опером, сыскарем на улице, так и остался. Не смог я воспитать из тебя руководителя... У тебя кругозор постового...

Тура пожал плечами:

— Может быть... Наверное... А что входит в кругозор настоящего руководителя?

— Понимание проблемы в целом, — сказал грустно Эргашев. — А ты, к сожалению, не понимаешь, что кровь смывается легко. Легче, чем грязь...

В Мубек прибыли затемно. На скорости, срезая с визгом крутые повороты, в тревожном перемигивании пульс-фар, прошли пыльный кишлак с выгоном, на котором, несмотря на поздний час, еще паслись козы, пересекли темные провалы поперечных улиц и сразу влетели на въездной мост Великой Транспортной Развязки.

Здесь начинался новый город Мубек. Город-сон, город — претворенная мечта — поднявшиеся на

краю когда-то Голодной степи многоэтажные современные здания, дворцы. По Центральной магистрали могли свободно катить в каждом направлении не менее десятка рядов машин, окажись они в этот момент в Мубеке. Жаль, что их не было. Громадные пустые проспекты среди темных спящих домов.

— Ты не представляешь себе, Тура, масштабы того, что произошло сегодня... — неожиданно мягко сказал Эргашев.

Халматов вздрогнул — сейчас генерал скажет то, из-за чего приказал сесть в его машину.

— Случилось несчастье. Не беда, не скандал. Позор! Понимаешь? Замнач областного угро майор Пак позволил, чтобы в него вlepили пулю! В блюстителя общественного порядка, который должен обеспечивать безопасность других: И где? В кафе! Днем! При стечении народа. При странных обстоятельствах! В странной компании! Зато в рабочее время.

Генерал помолчал. Тура не шевельнулся.

— Я все ждал, что ты сможешь мне что-то объяснить. Но ты или не можешь, или что-то скрываешь. И я не допущу, чтобы Мубекская область была связана со скандальной историей. Нам этого просто не позволят. Любая область, но не Мубек! Понимаешь, почему?

Халматов вздохнул, тут и понимать-то нечего. Любой ребенок знает: Мубек — область особая. Судьбе было угодно избрать эту заброшенную, малоплодородную землю, отрезанную от соседних районов, колыбелью, Родиной, священным местом Отчизны, давшим ей Великого Сына, Отца-Основателя, мудреца, писателя, вдохновителя всех радостных дел. И в кишлачном поселке посреди Голодной степи возникли в красной пыли таковы дворцы, бетонные дороги, умирающие от жажды парки и радующие глаз изогнутые плоскости великих транспортных развязок.

Город-сказка, город-символ. Каждый республиканский руководитель — любого ранга — тщательно следил за тем, чтобы Мубек не испытывал трудностей, чтобы именно здесь было создано волей и руками народа зеркало наших возможностей, наших побед и свершений.

Все знали о неизменной привязанности Отца республики, Сына области, Вдохновителя счастья к этим суровым местам, где прошли его отрочество и юность. Он любил приезжать сюда — может быть, отсюда ему была виднее трудная и славная дорога свершений или вел его сюда высокий сыновний долг по отношению к старым родителям — очень тихим, скромным старикам, будто напуганным величием своего сына. Неведомо.

Но Мубек он любил. И любая критика в адрес Мубека всегда рассматривалась как злое недоброжелательство и затаенный упрек в адрес Отца — Сына — Вдохновителя. Кого любим, тех мы не критикуем. Любим за достоинства и недостатки.

И когда в город въезжал торжественный кортеж чуть запыленных мубекской красноватой пылью черных «Чаяк» и «Волг», эскортируемый впереди оперативной радиомашинной Эргашева, народ стоял на всех тротуарах и радостно приветствовал еле просматриваемый за голубоватым стеклом тяжелого лимузина еще моложавый, хоть и седой лик своего Отца, своего Сына, своего Вдохновителя. Которого Эргашев на оперативных совещаниях называл коротко — «Охраняемое лицо». И жизнь за которого мог и готов был отдать в любой миг.

И хотя о покушениях или террористах в Мубеке не слышали пока, каждый приезд Охраняемого лица был ответственным и напряженным мероприятием во всей работе, и это выражение напряжения и сосредоточенности не сходило с лица Эргашева до тех пор, пока кортеж приближался к гостинице «Мубек», современному девятиэтажному зданию, архитектурно замыкающему Центр.

В ту сторону, куда направлялись сейчас генерал Эргашев вместе с Халматовым, среди посадок карликовой декоративной шелковицы, на оси симметрии, в кругу цветов, высился памятник Отцу — Сыну — Вдохновителю области...

Эргашев пошевелился сзади и, как всегда, спросил и одновременно и ответил:

— Ты, кажется, готовился в отпуск!

Тура подумал, что на конце вопросов Эргашева всегда стоит восклицательный знак. Реже — многоточие.

Машина свернула с главной улицы, въехала в уютный двор управления, засаженный розами и виноградом. Просторное, с лифтом, с прохладным высоким холлом здание управления внутренних дел в центре города строилось под неуспынным генеральским контролем, оно было его гордостью и детищем.

Еще не истаял в душном ночном воздухе скрип тормозов у парадного подъезда, а комендант уже распахнул дверь лимузина, вытянулся и начал докладывать:

— Товарищ генерал...

— Отставить, — махнул на него рукой Эргашев, вылез из машины и, не сомневаясь, что Тура следует

Продолжение на стр. 25.

ЖОРЖ ДЕ ЛАТУР. 1593—1652. ПЛАТЕЖ. 1640.

И. И. ШИШКИН. 1832—1898. ПОСЛЕ БУРИ. МЕРИ-ХОВИ. 1891.

ГЕРРИТ ВАН ХОНТХОРСТ. 1590—1656. МУЖЧИНА С ВИОЛОЙ ДА ГАМБА. 1631.

за ним с дистанцией в два шага слева, направился в здание.

В вестибюле ощущение свежести давал огромный аквариум, смонтированный по чертежу Эргашева, — стеклянный бассейн с разноцветной подсветкой. Рядом с гранитной мемориальной доской с именами погибших в Великой Отечественной войне.

Эргашев любил этот аквариум — видимо, он будил в нем зачатки каких-то неоформленных генетических воспоминаний. Как бы он ни торопился, проходя через вестибюль, генерал всегда останавливался у аквариума, стучал ногтем в стекло, всматривался в зеленую муть, раскрашенную яркими мазками тропических рыб.

Какое у него было в этот миг лицо — никто не видел. Он ведь смотрел через стекло в другой, странный мир, и разглядеть выражение его лица могли только рыбы. Туре иногда казалось: генерал досаждает, что люди, с которыми он имеет дело, гораздо болтливее его любимца.

За аквариумом, рыбьим кормом, работой воздушной дудки постоянно следил комендантский старшина.

Струйки кислородных пузырей бисерными гирляндами рассекали толщу воды, колыхались на дне среди ракушек подводного альпинария темно-зеленая трава. Аквариум непрерывно булькал, пытел, сопел, издавал слабое шипение.

Туре был противен аквариум. Ему казалось, что это не воздух шипит, а золотые рыбки трудно, стариковски дышат...

И сейчас генерал задержался около аквариума и сказал Туре через плечо, не оборачиваясь:

— Готовился в отпуск... Вот и уезжай. Я задним числом подпишу твой рапорт. К утру тебя не должно быть в Мубеке. Тогда я, может, смогу отстоять тебя перед министерством. Хотя, сам понимаешь, найдутся многие, кто потребует твоей крови... Пиши рапорт на мое имя и сматывайся...

Туре понял: дела плохи. Даже хуже, чем он думал сначала. Генерал предлагал ему вариант, на который — Эргашев и сам понимал — Халматов не мог согласиться.

— Не подходит, — покачал головой Туре.

Генерал оторвался от рыб, повернулся к нему. Сказал, как мог, мягко:

— Случившемуся уже придана широкая огласка. Завтра экстренная коллегия министерства. Уголовное дело поведет прокуратура республики. К нам направили комиссию, она уже в дороге. Отправляли людей, как на фронт, — прямо из кабинетов, не дали зайти домой собраться.

Туре тихо, но твердо сказал:

— Я не могу уехать сейчас. Я не должен этого делать.

— Это ты решаешь сам, — развел руками Эргашев и пошел к лестнице. Туре по-прежнему держался чуть позади — генерал не отпускал его. — Я тебе предложил максимум того, что могу сделать. Короче: против тебя возбуждают уголовное дело. А ты знаешь, что я тебя люблю и плохого совета не дам...

— Нет. Меня не поймут. И я сам себя перестал бы уважать. Вы извините, устос.

Кабинет начальника управления был угловым в конце второго этажа. Они шли по широкому коридору, обитому деревянными панелями, в полыхании люминесцентных ламп, и все встречные в этот поздний час сразу же включались в прерванную в «Чиройли» детскую игру «Замри!». Спину к стене. Смирно. Руки по швам. Пятки вместе. Носки врозь. Кто в головных уборах — ладонь правой руки к виску.

Эргашев, кивая, проходил мимо, и только пять шагов спустя следовала немая команда: «Отомири!» И сотрудник мчался дальше. Потому, что сегодня никто не ходил здесь шагом — только бегом, торопливой рысью, светливой побегой.

Генерал резко остановился, и Туре от неожиданности чуть не ткнулся ему в плечо:

— Ты понимаешь, что твои дни в управлении сочтены?

Туре неопределенно пожал плечами:

— Может быть, — и спросил как можно ровнее: — Кем? Кто он, этот тайственный счетовод, что счел мои дни здесь? Назраткулов?

Эргашев сердито махнул рукой:

— Да ладно! Назраткулов! Ха! Он просто пресмыкающийся змей! Я десять назраткуловых на тебя не поменял бы!..

Они подошли к дверям приемной. Эргашев вдруг положил Туре на плечо руку, и Халматов вздрогнул — никогда генерал себе такого не позволял.

— Твое последнее слово?

— Остаюсь, — сказал, отводя взгляд, Туре.

— В этом случае я ничем не смогу тебе помочь, — вздохнул Эргашев.

— Я сам позабочусь о себе. Наконец, Кореец хоть и в тяжелом состоянии, но жив. Когда-то он придет в себя и что-то объяснит.

— Должен тебя огорчить. Пак, не приходя в сознание, скончался. Он уже в морге...

Туре, как от удара, отшатнулся, а Эргашев, скрипнув зубами, тихо сказал:

— О мертвых горевать нет смысла. Их — нет. О живых надо думать...

Туре не ответил, и генерал сухо, теперь уже официально предупредил:

— Без моего разрешения домой сегодня не уходи, я вызову!

Около двадцати двух доставили мать убитого парня — Артыкову Мухаббат. Худенькой, сморщенной женщине на вид можно было дать и сорок, и пятьдесят.

«Ее трудно представить юной и совсем невозможной — счастливой», — подумал Туре, внимательно разглядывая мать убитого. При таком имени! На ней вечное клеймо страдания. А теперь сын погиб...

На вопросы Артыкова отвечала односложно: «да», «нет», — неостановимо и беззвучно плакала. Когда раздавался телефонный звонок или кто-то входил в кабинет, она затихала, поднимала глаза на Туре — ей казалось, что сейчас скажут: ошибка случилась, все неправда, что вам тут наговорили про сына. Но опровержение все не поступало...

— Куда он поехал? Зачем? Знаете? — настойчиво расспрашивал Туре.

— Нет.

— Сабирджон говорил вам, что собирается уехать из Мубека?

— Нет.

Их постоянно прерывали. На телетайп поступала информация о подозрительных машинах и водителях, выявленных на трассах, результаты проверок лиц, состоящих на учете.

Туре говорил с сотрудниками, снова расспрашивал Артыкову, а в голове гудела и билась одна-единственная мысль: выход один — как можно скорее найти убийцу. Иначе за него отвечу я...

— Куда ездил ваш сын? Вам известно?

— В Гулистан, в Ургут.

— Деньги были у него?

— Я давала.

— Какими купюрами?

— По десять, по пять. Одна купюра — пятидесятирублевая...

— Вы где работаете?

— Воспитателем. В детском саду.

Он снова внимательно всмотрелся в сморщенное личико. Нет, она не такая уж старая. Просто невезение придавило...

— Сын не говорил вам о том, что ему грозит? Хотят мстить?

— Нет. К нему все хорошо относились. Когда его арестовали, соседи даже верить не хотели. Думали, произошла ошибка... — Она снова заплакала.

Около двадцати трех с громким металлическим лязгом разошлись внизу створки автоматических ворот, открывая въезд во двор. Туре подошел к окну, постоянно закрытому из-за работающего кондиционера, откинул штору.

Машины въехали уже во двор, затормозили у подъезда, захлопали, как передернутые затворы,

² Мухаббат (узб.) — любовь.

дверцы автомобилей, из которых вылезали, потягиваясь и разминаясь после долгой дороги, люди в штатском и форменных мундирах.

Начальник управления с Назраткуловым встречали гостей у лестницы, облицованной мрамором. Ответственный дежурный отдал рапорт, и все направилось в здание.

Комиссия из Ташкента приехала...

Он позвонил в кабинет, где сидели оперативники:

— Как у нас с чаем?

— Как раз подумали о вас, устос, и вы звоните! Алишер Гапуров внес заварной чайник с пиалами.

«Индийский», — по запаху определил Туре.

Алишер готовился к свадьбе, а пока чай с будущего свадебного стола тихо переключался в отдел.

«Мы ведь с Корецом собирались к нему. — Паку нравился Алишер. — Обидно, что и этого парня из кишлака перемелет наша мельница, — подумал Туре. — Или выгонят, или станет лукавым лицемером. Как его родственник. Чингизидом...»

Алишер ушел, а Туре уговорил Артыкову выпить чаю. Мухаббат сделала несколько коротких глотков, она давилась чаем.

— Сабирджон говорил когда-нибудь, что знает Андрея Пак из милиции? Его могли еще называть Корецом. Большим Корецом... Вы это имя слышали?

— Нет. — Она снова заплакала.

— Могли они знать друг друга? — В разных формах он варьировал один и тот же вопрос. — Сабирджон и Пак? Может, Корец был вашим соседом, или знакомым ваших соседей, или соседом ваших знакомых... Пак не вызывал вашего сына по уголовному делу? А потом, когда Сабирджон освободился? Нет?..

Около полуночи он дал команду отправить Артыкову домой, ничего существенного так и не узнав от нее.

Освободившись, Туре прошел по этажу.

В соседнем кабинете Какаджан Непесов допрашивал находившегося на месте преступления в «Чиройли» толстяка — выходца из Ирана. Дальше, через дверь, давала объяснения его подруга. В следующей комнате — старики супруги.

Халматов несколько раз заходил, слушал показания свидетелей. Иранец ничего и никого в «Чиройли» не видел, кроме своей знакомой.

— Перед тем две ночи совсем не спал... — объяснял он настойчиво.

В управлении почти во всех кабинетах горел свет, по коридорам и лестницам непрерывно сновали люди, сотрудники готовились к проверке — прибирались, подшивали бумаги, наводили порядок в сейфах.

Заявился начальник хозу, он ездил среди ночи на базу облторга и вернулся с ворохами черной и белой материи. Видимо, Эргашев назначил панихиду на завтра. А чего тянуть?

Туре запер свой кабинет, спустился в вестибюль. Жирно хлюпали рыбы в аквариуме. Туре подошел, заглянул в туманно-зеленый омут, расчерченный золотисто-красными всплывающими проплывающих рыб. Что высматривал тут Эргашев? О чем думал?

Подплыла к стеклу, уткнулась в преграду пузатенькая рыба, похожая на цветок или на птицу. Вало

Уважаемые читатели!

Когда вышел в свет № 45, в котором мы начали публикацию повести Г. Вайнера и Л. Словина «На темной стороне Луны», редакция получила телеграмму от авторов, извещающую о публикации этого произведения в ташкентском ежемесячнике «Звезда Востока»:

...СТАВИМ ВАС В ИЗВЕСТНОСТЬ ЧТО СТАЛИ ЖЕРТВАМИ РЕДАКЦИОННОГО ГАНГСТЕРИЗМА... ПРЕПРОВОЖДАЕМ ТЕКСТ ТЕЛЕГРАММЫ НАПРАВЛЕННОЙ НАМИ РЕДАКЦИИ ЗВЕЗДА ВОСТОКА.

УЗНАВ О ПУБЛИКАЦИИ ВАШЕЙ ЖУРНАЛОМ НАШЕЙ ПОВЕСТИ ТРЕБУЕМ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО ЗАДЕРЖАТЬ ВЫПУСК ЖУРНАЛА ЭТА ПУБЛИКАЦИЯ ЯВЛЯЕТСЯ НАРУШЕНИЕМ ВСЕХ ГРАЖДАНСКИХ НРАВСТВЕННЫХ И АВТОРСКИХ ПРАВ ИБО ПОЛУЧИВ РУКОПИСЬ В ТЕЧЕНИЕ СЕМИ МЕСЯЦЕВ РЕДАКЦИЯ НЕ УВЕДОМИЛА НАС О НАМЕРЕНИИ ПУБЛИКОВАТЬ ПОВЕСТЬ НЕ ЗАКЛЮЧИЛА ДОГОВОРА НЕ ПРЕДСТАВИЛА КОРРЕКТУР И ВЫХОД ПОВЕСТИ ЯВЛЯЕТСЯ ФАКТОМ НЕЗАКОННЫМ... МЫ НАМЕРЕНЫ ОБРАТИТЬСЯ С ЖАЛОБОЙ В ЦК КПСС И НАРОДНЫЙ СУД ИБО ПОДОБНАЯ ПРАКТИКА ЯВЛЯЕТСЯ НОРМАМИ ЖЕЛТОЙ ПРЕССЫ...

Прочитав телеграмму, мы очень огорчились. Причем сразу по многим причинам. Во-первых, нам стало обидно за уважаемых авторов. Это же только представить, что у нас делается: гангстеризм! Писателей грабят! Приезжают из Ташкента, врываются ночью в московскую квартиру (Г. Вайнера или Л. Словина?) и силой отбирают самое дорогое, что есть, — рукопись, к тому же уже переданную другому журналу. Ужас! Но и наших коллег из «Звезды Востока» нам тоже стало искренне жаль: мало того, что к судебной ответственности их привлекают, так еще и ЦК КПСС, отложив другие дела, займется детективным расследованием. Да, что ни говорите, а с авторами надо поступать корректнее — в частности, корректуру присылать, — если даже сами эти авторы нарушают профессиональную этику.

И все же более всего нам обидно за наших читателей. В многочисленных письмах они просили нас напечатать остросюжетное произведение. К сожалению, наш выбор остановился на вышеназванном, а тут такой конфуз... Мы вынуждены прекратить публикацию повести, за что приносим вам, уважаемые читатели, свои извинения. Желание ознакомиться с полным текстом произведения Г. Вайнера и Л. Словина могут обратиться к 11-му и 12-му номерам «Звезды Востока» за этот год. Продолжить эту публикацию значило бы оказаться в плену у дурных традиций времен застоя, когда одно произведение печаталось одновременно в разных журналах.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОРИЯ ТРЕХ СЕРЫХ КАЛИФОРНИЙСКИХ КИТОВ,
ПОПАВШИХ В ЛЕДОВУЮ ЛОВУШКУ У БЕРЕГОВ АЛЯСКИ,
В РАЙОНЕ МЫСА БАРРОУ,
МИГОМ ОБЛЕТЕЛА ВЕСЬ МИР И ВСЕХ ВЗБУДОРАЖИЛА —
СЛОВНО БЫ В НАШЕМ МИРЕ
НЕ СУЩЕСТВОВАЛО В ТЕ ДНИ ДРУГИХ,
БОЛЕЕ ВАЖНЫХ ПРОБЛЕМ.

КАК СПАСЛИ КИТОВ

Впрочем, не будем судить о том, что в нашем мире самое важное... Продолжим о китах. Нельзя совершенно точно сказать, сколько сначала было этих редких животных в полынье — два или три, но зато известно, что более двух недель три тысячи местных жителей — эскимосов (они, кстати, потомственные китобои) круглосуточно пытались своими силами выволить из ледового плена попавших в беду гигантов. Ничего не получилось... Я видел потом с вертолета бюро погоды результаты этих усилий: более полусотни пробитых на трехкилометровом участке лунок — майн, через которые киты могли хоть как-то дышать. Координационный совет по спасению китов, созданный в поселке, обратился за помощью...

Советские суда «Владимир Арсеньев» и «Адмирал Макаров» только что высадили научную станцию «СП-31» в самый труднодоступный, неизученный район Арктики. Сложный поход, изнурительная выгрузка оборудования... Но именно к советским морякам была направлена просьба правительства США, потому что спасти китов больше было некому. И вот трехсуточный «бросок» сквозь льды, с максимально возможной скоростью, несмотря даже на то, что в носовой части «Арсеньева» была наскоро залатанная пробоина.

Утром 26 октября суда уже были у мыса Барроу. «Макаров» тут же стал крушить ледяной барьер, а «Арсеньев», освободившись насколько можно от лишнего балласта и уменьшив тем самым свою осадку, стал осторожно пробивать в мелководье «канал». 28 октября в свете прожекторов с мостика дизель-электрохода в последний раз видели китов, а на следующее утро на корке тонкого льда остались лишь характерные следы всплытия животных. Следы вели вдоль нашего канала, к чистой воде... Я говорю: «наш канал», имея в виду не «советский», не «американский», а наш, человеческий!

Владимир ВОЛКОВ
Фото автора

Самоотверженные
спасатели
с мыса Барроу
сделали все,
что смогли.

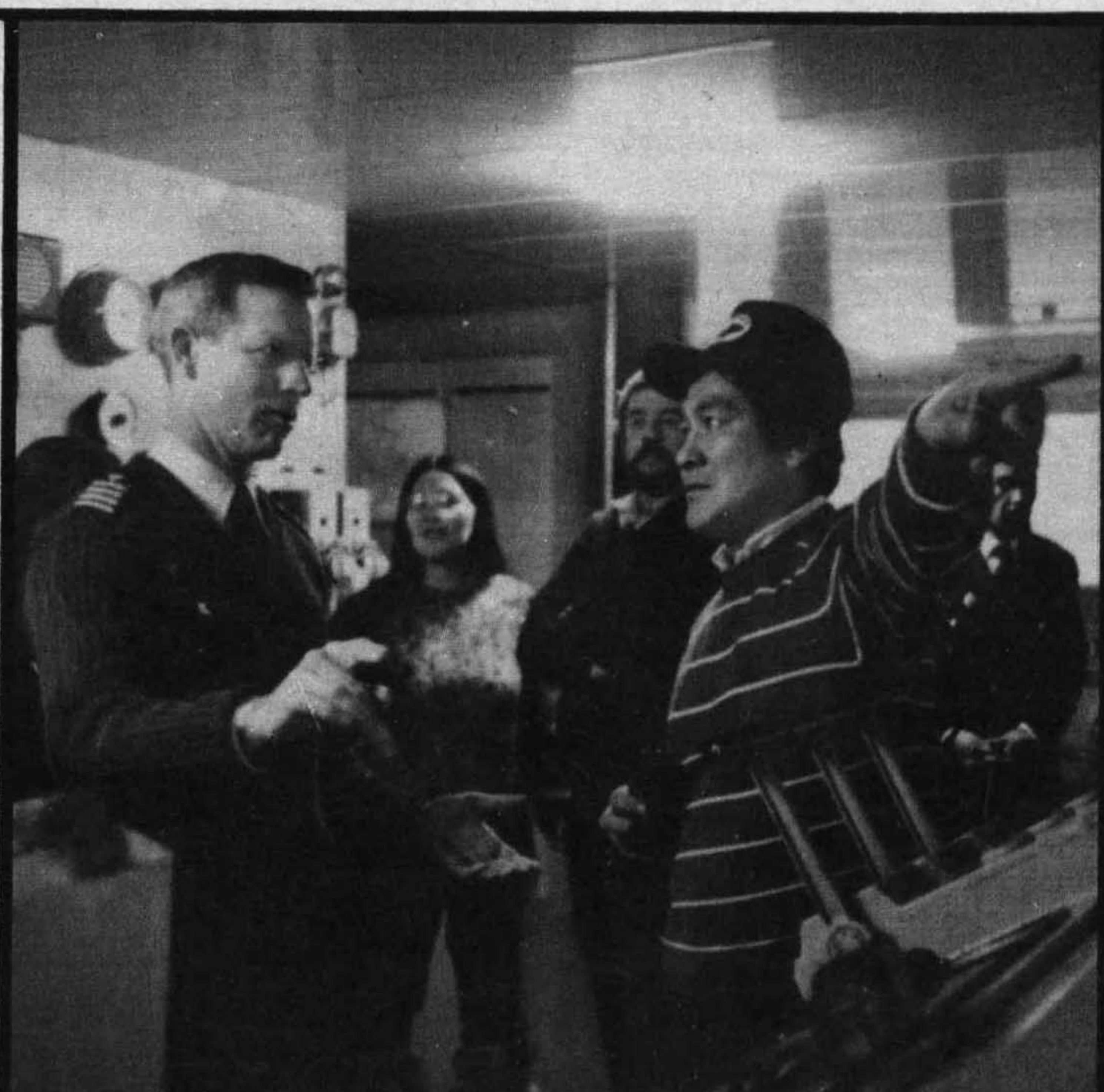

Представители
координационного
совета —
капитан
американского ледокола
Джим Мак-Клеланд
(слева)
и мэр округа Барроу
Джордж Н. Амаогак

Советские капитаны
Р. Зайнигабдинов
(дизель-электроход
«Владимир Арсеньев»)
и С. Решетов
(ледокол
«Адмирал Макаров»).

Киты
почувствовали
доброту
людей.

Земля у нас одна

Дмитрий ВЫШЕМИРСКИЙ.
Калининград.

• Знакомые все лица.

• «Любовь».

• Афганец.

Начало на стр. 6.

нованным». При такой оценке сути вопроса не исключено, что и в тринадцатой пятилетке вместо стоимости совокупного общественного продукта вопреки марксистско-ленинской экономической теории будет использоваться валовой продукт, включающий повторный счет стоимости предметов труда. Данные, получаемые на его базе об экономическом росте, эффективности и другие, по-прежнему будут искажаться, как в кривом зеркале.

— **Но ведь при введении Закона о государственном предприятии было четко сказано: все, что ему противоречит, надо отменить.**

— Это верно. Но жизнь — штука сложная. Во-первых, основные показатели на двенадцатую пятилетку, в которых узаконены затратные темпы развития, утверждены Верховным Советом и имеют такую же юридическую силу, как и Закон о государственном предприятии. Во-вторых, поскольку с хозяйственниками по-прежнему строго спрашивают в первую очередь за обеспечение темпов, то они стараются нейтрализовать Закон о государственном предприятии новыми инструкциями.

— **Некоторые экономисты выступают против высоких темпов развития в ходе перестройки. К примеру, Н. Шмелев утверждает, что на двенадцатую пятилетку «установлены ненужно высокие темпы роста». По его мнению, нельзя перестраиваться и ускоряться одновременно.**

— Давайте уточним: о каких темпах идет речь? Если имеется в виду повышение темпов роста товарной (валовой) продукции от достигнутого уровня, то мое отрицательное отношение к этому высказано в книге однозначно: «Длительное время многие хозяйственные руководители, ушедшие ныне на заслуженный отдых, не жалея сил, трудились над созданием показного благополучия на вверенных им участках. С этой целью они искусственно расширяли повторный счет материалов и машин, повышали материалоемкость продукции, «вымывали» дешевый ассортимент и расширяли дорогой. В общем, удорожали продукцию как могли, и к тому же за счет смены этикеток и артикулов завышали цены, а в критические моменты не чурались и приписок. Но все, что они так усердно приписывали и накручивали, попало в достигнутый уровень, даже простое поддержание которого теперь зачастую немислимо без применения тех же средств и методов, с помощью которых он получен».

Но совсем иное дело, когда мы ведем речь о высоких темпах роста производства мяса, зерна, молока, магнитофонов и других товаров культурно-бытового назначения, пользующихся повышенным спросом. Без высоких темпов их роста перестройка останется лишь очередным благим пожеланием. Короче говоря, речь должна идти о высоких темпах нового качества роста, то есть повышения уровня удовлетворения потребностей народа в пище, жилье и одежде. Небезынтересно, что об этом же шла речь в нашей беседе с известным американским экономистом лауреатом Нобелевской премии Василием Леонтьевым. Он недавно был в Москве и ознакомился с работой столичного предприятия «Фрезер». Американский экономист проявляет огромный интерес к нашей перестройке и желает ей успеха.

— **А как вы относитесь к измерению нового качества роста прибылью?**

— Прибыль — важный качественный показатель. Но для измерения экономического роста он непригоден по своей сущности.

— **А для роли главного показателя при оценке работы коллективов?**

— Объективная оценка работы может быть сделана только с помощью системы натуральных, трудовых и стоимостных показателей. Никакой показатель не может выразить всех сторон многогранной деятельности коллектива, и поэтому я давно и категорически выступаю против идеи главного показателя в экономике, в том числе и против культа прибыли. Я не открою вам секрета, если скажу, что существует много путей увеличения суммы прибыли без роста прибавочного продукта в натурально-вещественной форме, денежным выражением которого она является. В условиях частной собственности прибыль является целью производства. Для ее получения там все средства хороши, включая рост цен, взятки, шпионаж и т. д. При социализме иная цель производства — удовлетворение потребностей людей. Погоня за валом извратила ее. Цель перестройки — поставить все на свое место. Стремление даже из самых добрых побуждений поставить во главу угла прибыль, сделать ее вместо вала целью производства уведет нас в другую сторону от социалистических принципов.

В 1985 году по сравнению с 1965 годом национальный доход увеличился в 2,3 раза, а прибыль — в 3,7 раза. Говорить о соответствующем росте интенсивности труда вряд ли язык у кого повернется. Значит, полным ходом шло накручивание бумажной прибыли. Поэтому на рубль прибыли приходится все меньше и меньше реальных потребительских стоимостей. В условиях самофинансирования искусственное увеличение бумажной прибыли заметно ускоряется...

— **В отчете с заседания Президиума Совета Министров СССР, опубликованном в «Правде» 30 мая этого года, вы сказали о создании у нас «плановой анархии». Как это понимать?**

— План и анархия — антиподы. И мы, конечно, анархию не планировали. Она создавалась из-за систематического невыполнения плановых заданий по выпуску важнейших видов продукции, многолетними срывами договорных поставок и нарушениями сроков ввода в строй новых объектов. Диспропорциональность поражала один за другим участки народного хозяйства. В итоге в плановом хозяйстве образовалась анархия в самом худшем виде. И если мы ее теперь решительно не пресечем, то можем оказаться в не менее затаенном и разрушительном кризисе, чем это было на первой стадии капитализма. Недооценивать такую опасность — значит игнорировать объективные экономические законы. При капитализме законы проявляются стихийно и таким образом регулируется производство. У нас нет условий для стихийного проявления законов и поэтому стихийный регулятор не действует. Усиление несбалансированности выводит из строя и плановый регулятор. Постепенно производство становится все менее и менее управляемым...

— **Выступая у нас в редакции, вы сказали, что если мы не примем решительных мер, то в тринадцатой пятилетке экономика может стать неуправляемой. Ныне такая опасность миновала?**

— Теоретически да, а практически она пока еще существует. Все зависит от реализации радикальной экономической реформы и внедрения не на словах, а на деле противозатратного хозяйственного механизма. В 1987 году 23 процента предприятий и объединений не справились с выполнением договоров, а в машиностроительном комплексе их было 55 процентов. Общая недо-

поставка продукции составила почти 10 миллиардов рублей. Расширение диспропорций и без того уже разбалансированного до основания хозяйства продолжается. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 816 от 17 июля 1987 года предложено: «Запретить Госплану СССР вносить на рассмотрение Совета Министров СССР проекты несбалансированных планов». На одном из заседаний «Делового клуба» «Правды», в котором участвовали представители многих отраслей народного хозяйства, я спросил: «Скажите, пожалуйста, есть ли у кого-нибудь из вас несбалансированный план?» «Вопрос поставлен неправильно, — хором ответили мне. — Спросите, есть ли у кого сбалансированный план?» Увы! Таких не оказалось.

Думаю, что те, кто разрабатывает и утверждает несбалансированные планы, выдает нереальные наряды и другие нормативные документы, должны нести материальную ответственность. По опыту работы членом Комитета народного контроля СССР знаю, что административные меры порой не столь эффективны, как потеря двух-трех окладов. Ведь давно известно, что свой рубль дороже чужого миллиона.

Беседа на столичном предприятии «Фрезер». В центре — лауреат Нобелевской премии американский экономист В. Леонтьев. Слева — заместитель генерального директора Ф. Рудник. Справа — Д. Валовой.

Нарушению сбалансированности содействуют и многочисленные внеплановые постановления по экономическим вопросам. По расчетам специалистов Госплана СССР, к 1985 году было принято столько партийно-государственных решений о развитии отдельных отраслей, регионов, городов и наиболее приоритетных направлений научно-технического прогресса, что для их выполнения надо было бы использовать капиталовложения до... 2050 года. Метод «решения» проблем путем принятия постановлений в годы застоя был универсальным «выходом» из положения. В большинстве случаев после их принятия положение не только не улучшилось, но продолжало ухудшаться. Поэтому по ряду проблем принята целая серия таких постановлений. Принимая новое постановление, о прежних старались не вспоминать. Невыполнение принятых решений в речи при закрытии XIX партконференции Михаил Сергеевич Горбачев назвал «нашей хронической болезнью». К сожалению, и в двенадцатой пятилетке механизм принятия таких постановлений и специальных программ не сбавил обороты.

— **Ваше мнение относительно ускорения: появилось оно или нет?**

— Смотришь чем его измерять. Если по объему в рублях, то определенный сдвиг есть. А если по удовлетворению насущных потребностей людей, то для оптимизма пока нет оснований. Об этом откровенно сказано на XIX Всесоюзной партконференции. В ее резолюции записано, что еще «коренного перелома в экономическом, социальном и культурном развитии не произошло».

— **Выступая в Узбекистане, Михаил Сергеевич Горбачев сказал, что перестройка — период довольно**

продолжительный. Но есть вопросы, которые «кричат, требуют внимания и решения сегодня...». Какие, на ваш взгляд, вопросы в экономике являются «кричащими»?

— К сожалению, для их перечисления не хватит пальцев на руках и на ногах...

— **Но от каких из них прежде всего зависит «коренной перелом»?**

— Выделим два из них. В первую очередь — научное применение объективных экономических законов и измерение экономического роста.

— **Но ведь сейчас все признают наличие таких законов. И вы тоже пишете, что их отрицание преодолено.**

— Между признанием и практическим применением экономических законов дистанция огромного размера. Да, мы их признали, но пока что в лучшем случае лишь приспосабливаемся к их действию. Для научного применения законов необходимы достоверные показатели-измерители, каждый из которых должен использоваться строго по своему назначению. Основным экономическим законом социализма является наиболее полное удовлетворение потребностей народа. Для этого необхо-

димы пища, жилье и одежда. Именно это и надо поставить во главу угла наших планов, определив задания по важнейшим видам предметов потребления.

Обобщающим показателем экономического роста, как и при капитализме, следует использовать чистую продукцию (национальный доход) и условно чистую продукцию (национальный продукт). Но делать это надо при строжайшем условии, что они не на словах (как сейчас — товарная продукция), а на деле должны быть расчетными. Указанные показатели являются затратными. Поэтому материальное или моральное их стимулирование можно сравнить с подкручиванием спидометра ради большего заработка и премией за сверхнормативный пробег и экономию резины. Если наша цель — удовлетворение потребностей, то оценка работы предприятий и все виды стимулирования должны базироваться на количестве и качестве фактически выпускаемой продукции. Тогда все затратные показатели-измерители (не только товарная и валовая, но и разные варианты чистой продукции) станут независимыми регистраторами положения вещей.

— **А второй «кричащий» вопрос?**

— Уравниловка и иждивенчество. Несовместимость социализма и уравниловки убедительно показана в брошюре В. И. Ленина «Еще раз о профсоюзках, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», выпущенной по горячим следам дискуссии в январе 1921 года. В 41-м тезисе платформы Троцкий предлагал: «в области потребления — уравниленность, в области производства — ударность». Критикуя это положение, Ленин писал: «Это аб-

сурд экономический, ибо это разрыв потребления с производством».

К сожалению, мы пошли дальше уравниловки и возвели и этот абсурд в квадрат: тем, кто плохо использует землю, машины, сырье, трудовые и финансовые ресурсы, платим за единицу одинаковой продукции в два-три раза больше, чем передовикам. Поскольку фонд зарплаты «привязан» к валу, постольку его искусственное накручивание, подобно мощному пылесосу, втягивало в оборот ежегодно многие миллиарды незаработанных рублей. «Типовое положение об образовании фонда зарплаты...», принятое в свете постановления партии и правительства 1986 года, еще больше усилило мощностность этого «пылесоса».

В интервью газете «Известия» председатель Госкомтруда СССР И. И. Гладкий признал, что «нивелировка зарплаты стала на сегодня одним из главных механизмов торможения в нашей экономике». И в этой связи он сказал, что «меры, заложенные в последних постановлениях по заработной плате, создали определенные возможности для искоренения этого зла». На мой взгляд, для такого оптимистического заявления нет оснований. В новых условиях произошло дальнейшее ослабление зависимости зарплаты от трудоемкости произведенной продукции.

Длительное поощрение иждивенчества сделало его массовым явлением. Многие тысячи производственных коллективов в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, транспорте и целые регионы потребляли больше, чем производили. Данные ЦСУ о повышении эффективности производства, которыми оно многие годы «пудрило» нам мозги, не соответствуют действительности.

— Как же мы сводили концы с концами и до сих пор не вылетели в трубу?

— По-моему, три основных источника удерживали нас на плаву. Первый: беззастенчивый грабеж передовиков, то есть безвозмездное изъятие у них чистого дохода по принципу «военного коммунизма» в пользу иждивенцев. Второй: массовая распродажа природных ресурсов и закупка на валюту предметов потребления, которые продавались по высоким ценам. Каждый инвальный рубль на ширпотребе в среднем давал 10 рублей товарооборота. И третий: доход от спиртного, цены на которое неоднократно повышались и количество реализуемых декалитров тоже неуклонно росло. В некоторых районах алкогольные напитки давали треть (а порой и более) товарооборота.

— А как выглядят эти источники в новых условиях?

— Алкогольный доход резко уменьшился. Это хорошо. Но плохо то, что значительная часть его переключалась в руки спекулянтов и самогонщиков, что увеличивает сумму незаработанных денег, требующих товарного покрытия. Резко уменьшились возможности и второго источника. Плохи дела и с первым источником. Сокращение поступлений «кислорода» передовикам и перекачка его иждивенцам могут привести к тому, что многие хорошие коллективы начнут «задышаться».

— Что нового, на ваш взгляд, появилось в экономических публикациях?

— Раньше доказывали, что при социализме все прекрасно, а при капитализме, наоборот, все плохо. Сейчас появилось немало статей, суть которых сводится к тому, что у них там за рубежом все прекрасно, а у нас все плохо. Именно авторы подобных публикаций претендуют на роль активных участников перестройки. Экономика стала сферой приложения талантов различных специалистов, имеющих о ней смутное, порой самое примитивное представление.

— В интервью газете «Известия» 8 июля этого года главный редактор

«Правды» В. Г. Афанасьев сказал: «Смелость политического деятеля проявляется в его готовности идти против течения. Против господствующего в данный час образа мышления. Тут я не могу не вспомнить публикацию в «Правде» статей Д. Валового с резкой критикой затратного механизма хозяйствования. Или известную статью академика В. Трапезникова «Научно-технический прогресс и управление». За все это мне как главному редактору тогда здорово попало». Вы полагали, что критика и в тех условиях могла что-либо изменить?

— Нет. Мы тогда ставили более скромную цель. В середине 1977 года был одобрен проект «нового» хозяйственного механизма. Его публикация задерживалась в связи с обсуждением проекта брежневской Конституции, которую утвердила сессия Верховного Совета СССР в октябре 1977 года. По сведениям, которыми мы располагали, после торжеств по случаю 60-летия Октября будет опубликован документ об очередной хозяйственной реформе, несостоятельность которой просматривалась невооруженным глазом. «Новый» механизм еще больше усиливал мощностность затратно-расточительного механизма, возглавляемого валом. В моих статьях, которые редактировал лично главный редактор, без упоминания этого проекта были подвергнуты резкой критике его принципиальные положения. Чтобы опередить появление официального документа, срок публикации статей был специально намечен сразу же после ноябрьских праздников — 9, 10 и 11 ноября 1977 года. У тех, кто разрабатывал и одобрял «новый» механизм, такой шаг вызвал возмущение и негодование. Кое-кто открыто называл В. Г. Афанасьева и меня диссидентами. Но проект был «похоронен». Создали новую комиссию, которая подготовила постановление о хозяйственном механизме 1979 года. В нем появились скромные новинки, но на практике и они были «спущены на тормозах».

— Почему свою новую книгу вы назвали «Экономика в человеческом измерении»? Разве может быть экономика не в человеческом измерении?

— Я использовал образное выражение Михаила Сергеевича Горбачева. Оно как нельзя лучше отражает цель перестройки в экономике. Измерение объема производства и производительности труда по валовому продукту, а жизненного уровня по доходам в рублях, на мой взгляд, является античеловеческим, противоречит не только азам марксистско-ленинской теории, но и здравому смыслу. И его по праву можно именовать абсурдом в квадрате. Подтверждением такого вывода являются и размышления человека, далекого от экономической науки, — писателя Даниила Гранина. В статье «Дорога к здравому смыслу», опубликованной в «Правде» 5 августа этого года, он делится размышлениями, которые близки и мне, я готов подписаться под каждым его словом: «Для меня перестройка, демократия, намеченные реформы имеют одно решающее качество — они возвращают нас к здравому смыслу. В этом их отличие от всего того, что было. Они ставят с головы на ноги, убирают абсурдность нашей жизни. Разве не абсурдно было, когда предприятия работали не на потребителя, а на министерство? Когда руководителя колхоза не радует хороший урожай, не радуется хорошая погода. Когда лучше запахнуть неубранными помидорами или огурцами, чем раздать их людям. Когда в магазинах продавцы встречают нас не с радостью, а с досадой, так же как и врач в поликлинике или администратор в гостинице. Потребитель, покупатель, пассажир просто никому не нужны. Не нужны его деньги... Нигде его не ждут, никто ему не рад. Перестройка — надежный путь к здравому смыслу».

По инициативе журнала «Огонек» во Дворце культуры производственного объединения Московский электроламповый завод с 19 ноября будет проходить НЕДЕЛЯ СОВЕСТИ, посвященная памяти жертв сталинских репрессий

МЕМОРИАЛ СОВЕСТИ

ПРОЩЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ...

Их были миллионы, лучших сынов Отечества, — партийцев, ученых, земледельцев, военных, рабочих, студентов, врачей, их жен и родственников, вырванных из общества, из жизни, — сгноенных в застенках, на этапах, в средневековом кошмаре лагерей. Их детей, поверженных в горькое, жестокое сиротство. Миллионы честных, талантливых, трудолюбивых людей, которых обрекли на рабство...

Такое не выбросить из истории, не забыть. Неделя совести всем нам должна еще раз напомнить об этом. И тот, кого бедой опалила судьба, и тот, кого пощадила, но равнодушным к справедливости не сделала, не могут не думать о том, чтобы страшное время не повторилось.

Поэтому, наверное, бережно хранят

люди скупые свидетельства трагедии: пожелтевшие листки лагерных писем, не изъятые при обыске, случайно уцелевшие фотографии, справки о реабилитации, — то, что смогло уцелеть, пройдя сквозь десятилетия. Их приносят в редакцию, присылают в ДК МЭЛЗ — для Стены памяти. Сотни, тысячи писем, истории разные, но, как одна, похожие. Больше всего поражает, как в нечеловеческих условиях, перед лицом смерти люди смогли сохранить человеческое достоинство, благородство. Можно только догадываться, что делалось в их душе, но на волю, близким слали они добрые, нежные письма.

«Моя славная, моя дорогая Лизок, это письмо я просил отправить тебе только после моей смерти. Милая моя, не отчаивайся, мало ли что приходится в человеческой жизни переживать. У нас хорошие дети, ко-

Вехи на дороге Салехард — Игарка.
Август 1988 года.

Фото А. ВОЛОГОДСКОГО

торым еще много нужно хороших советов, и они все это от тебя получают, и у тебя жизнь заполнена для них. Я знаю, моя славная, что смерть моя для тебя большое, большое, тяжелое будет горе, но, милая, мужайся — старайся забыть в работе, в заботе о детях».

Это прощальный привет жене в мае 35-го года из Сыктывкара от Т. В. Морозовского, бывшего начальника одного из отделов Центрального телеграфа. Сын Тихона Владимировича разыскал могилу отца, привел в порядок и зарисовку вместе с этим письмом направил в адрес Недели совести.

Самые светлые, щемящие сердце весточки от матерей, жен «врагов народа» — детям. Вера Федоровна Берсенева писала 23 октября 1943 года под Тайшетом:

«Мои ненаглядные зайчатки, родные мои! Самое большое мое мученье в том, что я далеко от вас и ничего о вас не знаю. По сравнению с этим страданием все остальные пустяки. Не тревожьтесь обо мне, я здорова и спокойна. Старайтесь сохранить здоровье и бодрость, любите друг друга, заботьтесь друг о друге, помогайте друг другу во всем, тогда можно перенести все трудное. Думаю о вас день и ночь и молюсь только о том, чтобы вы все, мои любимые, были живы и здоровы и не терпели голода и холода».

Я переносю свою жизнь хорошо. Мне почти ничего не нужно. Если сможете, пошлите мне маленькую посылку. Вложите туда прежде всего бумагу, чтобы я могла писать вам, и пару карандашей, иголки и нитки, чтобы починить мои вещи, тряпочки на заплатки и на носовые платки. Если возможно, немного мыла, соли и табаку. Только если это не трудно. Продуктов никаких не думайте посылать, не отрывайте от себя, мне достаточно моего пайка. А бумаги у меня нет, и я больше не могу писать...»

Материнская любовь поднимала женщин над мраком и ужасом, заставляла забыть о голоде, болезнях, унижении и сочинять для сыночка сказку. Такую чудную «Сказку про мишку» в стихах написала и прислала Димочке из лагеря его мама Рената Иосифовна Потокер в сентябре 39-го. В семье сохранился и корешок денежного перевода от 12 декабря с припиской: «Посылаю моему любимому Димочке немного денег к празднику, побалуйте его. Я теперь стахановка...»

Разные документы приносит почта для Стены памяти. Пенсионерка Нелли Ивановна Макарова из Клина перечислила в фонд Мемориала сто рублей — выходное пособие по реабилитации ее родственника, бывшего латышского стрелка Павла Мартыновича Мельбарда. Эти деньги, как святая реликвия, хранились в семье неистраченными. Жenu его постигла участь жен «врагов народа», сын Алик ушел на фронт, погиб девятнадцатилетним, в 42-м. Только через одиннадцать лет, летом 53-го, мать получила в лагере извещение о его смерти. Сохранилось и почти истлевшее письмо Алика матери в лагерь: он уговаривает ее написать Берии о пересмотре дела.

Сколько же было тогда таких писем, оставшихся без ответа...

Вот еще одно свидетельство — копия прошения Василия Афанасьевича Гусынина, профессора Казанского института усовершенствования врачей, от 1 ноября 1939 года:

«Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

Товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу

Глубочайшая вера в правду побу-

ждает меня искать справедливости у Вас, величайшего гуманиста нашего времени. Не милости прошу я у Вас, а суда правого. Я прошу у Вас защиты и помощи человеку, невинно осужденному тройкой НКВД Татарии в Казани и сосланному в один из отдаленных лагерей в ноябре месяце 1938 года сроком на 10 лет. Этот человек — моя жена... В основу обвинения положено якобы «собственное признание обвиняемой». В чем состояло это признание и какими методами воздействия следственной власти добыто, я не знаю, но правдивость следственного заключения уже потому должна считаться несостоятельной, что жена моя, будучи в тюрьме, обжаловала обвинение на имя Прокурора Советов. Вышинского. К сожалению, жалоба ее, по всей вероятности, не дошла по назначению...»

Теперь мы знаем: дошла, но осталась без внимания. Как и эта — на имя Сталина. И как выбивали такие признания, мы теперь тоже знаем. Маргарита Павловна Петрова из Риги свидетельствует: «Многие десятилетия спустя довелось читать и слышать рассуждения о том, «подписал или не подписал» обвиняемый протокол. Заявляю: после пыток это не имеет значения».

На одной из фотографий, сопровождающей рукопись, прелестное, юное существо с точеным профилем и пышными волосами. Головка повернута, слегка опущены ресницы, у плеча роскошная роза. Благополучная красавица, любящая и любимая... Такой была М. П. Петрова в 37-м, когда ее взяли с пятого курса Московского мединститута и швырнули в Бутырскую тюрьму.

«Как задвинули дверь к параше, так и стояла трое суток, пока не свалилась. Заталкивали старых большевиков, уцелевших после царских тюрем и ссылок, и первое, что мы от них слышали: «Теперь я ничего не понимаю». Мы — тоже...»

Это из ее воспоминаний. Вот еще: «Люди гибли на этапах. Больше мужчины... Разговор двух оперов: «Ну, и что ты с ней сделал?» — «А! Я ее списал на этап...»

Чита. Тюремный дворец. Однажды случилась встреча. Боксы, на дверях глазки, я — в проходе. Вдруг мужской голос: «Я — Григорий Крылевский (комбриг авиабригады, соратник мужа М. П. Петровой. — Ред.). Марочка, не волнуйся. Сейчас Павлуше лучше». — «Что с ним? Я ничего не знаю». — «Он в больнице. Избили на допросе. Ключицу сломали». «Гриша, что же это делается?» — «Сами не понимаем. Бьют нас насмерть. Все наши летчики без зубов. Подписывают черт-те что...»

Наконец поняла — меня гонят следом за Павлом».

Павел Марченко — коммунист с 17-го года, военком авиабригады. Репрессирован в 37-м, погиб на Колыме в 47-м.

Михаил Львович Гоберман, профессиональный революционер, вместе с Лениным возвратился в 1917 году из Швейцарии, из эмиграции. Сражался с белогвардейцами, бежал из плена накануне расстрела. Затем был на ответственной партийной работе в Коминтерне. После реабилитации в 56-м записал все, что происходило с ним после ареста.

«Только на первых порах своего заключения я приходил в ужас от жестокости, бессмысленной злобы, издевательств, доходивших до садизма, со стороны прокурорского надзора и всех звеньев МГБ и НКВД. Во время одного из ночных допросов в комнату следователя вваливаются еще три следователя из соседних комнат. После отборной ругани по моему адресу они решили позабавиться и произвести «психическую атаку». Они установили меня лицом к стене и по команде — раз, два, три — инсценировали мой расстрел. Три резких хлопка,

и с хохотом: «Что же ты, б...ь, не падаешь?» — тройка удалилась».

Идут в адрес Недели совести свидетельства той поры, не столь уж от нас далекой. Приходят люди, предлагают помощь в организации Недели. Самой первой, после публикации в «Огоньке» № 29 о выставке проектов Мемориала, пришла в ДК МЭЛЗ Ирина Александровна Орлова. Ее отец в 38—39-х годах — начальник разведывательного управления Наркомата обороны, реабилитирован посмертно. Сказала: «Я буду делать все, что нужно». К ней первой попадают теперь все ваши письма.

А что заставило Диму Юрасова, студента Московского историко-архивного института, уже несколько лет собирать картотеку с именами и сведениями о жертвах репрессий? Сидеть до закрытия в библиотеках, по ночам, чтобы все успеть — днем работать, вечером учиться, — заполнять карточки? Он уже может назвать 131 тысячу узников сталинизма, а почта Недели совести называет все новые имена.

Что побудило Молодежный культурный центр горкома комсомола подмосковного города Химки взять на себя финансовое обеспечение Недели?

Какая была нужда Александру Вадимовичу Вологодскому, сорокалетнему доктору физико-математических наук, сотруднику Института молекулярной генетики, и двум его тридцатилетним друзьям — Виктору Бахнину и Юрию Потопкову — летом, в отпуск, за свой счет ехать из Москвы на берега Енисея, чтобы пройти по пу-

тям недостроенной и забытой железной дороги Салехард — Игарка, которую прокладывали руками «врагов народа»?

Только ради одного — не дать исчезнуть Памяти.

После реабилитации 56-го года лагерь в поселке Ермаково, в ста километрах южнее Игарки, опустел, и строительство прекратили. А жили здесь раньше пятнадцать тысяч невольников. В одном из барачных, где, видно, находилась администрация, кто-то из членов этой экспедиции случайно задел печь. Выпал кирпич, и из отверстия посыпалась картотека с делами узников.

На снимках, которые сделали и принесли А. В. Вологодский и его друзья для показа на Неделе совести, — густо зарешеченные колючей проволокой окна, разваливающиеся бараки с рядами грубо сколоченных нар, чудом сохранившаяся прибитая к ним дощечка с именем: Кобешов Владимир Петрович...

На одном из снимков, можно сказать, символическом, обветшавшая сторожевая вышка, которую старается затащить, скрыть от глаз плотно обступившая лесная поросль. Но окончательно похоронить ее пока не удается. Верхушка торчит, тянется вверх, нагло себя утверждая.

...Обществу нельзя не очиститься до конца от скверны сталинизма. Потому и воздвигаем Мемориал и проводим Неделю совести.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

АФИША НЕДЕЛИ

Информация о злодеяниях времен культа личности идет к нам со страниц газет и журналов, с телеэкранов. Пресса и творческие союзы взяли на себя просветительские функции, рассказывая об искалеченных судьбах, о незавершенных открытиях и запрещенных рукописях, об обезглавленной армии — о преступлениях сталинщины против народа, против социализма.

Дни памяти жертв репрессий проводят: Союз театральных деятелей, творческие организации Ленинграда, газеты «Московские новости» и «Литературная газета», Союз кинематографистов, журналы «Огонек» и «Юность», Союз композиторов РСФСР.

Ежедневно открыта выставка проектов и предложений по созданию Мемориала, присланных на первый тур конкурса.

Утром и днем — показ кино и фотодокументов, художественных кинолент, воссоздающих события и атмосферу 30-х, 40-х, начала 50-х годов. Среди них фильмы «Власть Соловецкая» и «Защитник Седов».

А рядом — фотозэкспозиция Дм. Бальтерманца «Палачи и жертвы».

В выступлениях общественных деятелей, публицистов, ученых, писателей, в дискуссиях с участием зала, в тех материалах, которые представляют организаторы Недели совести, речь пойдет о фактах малоизвестных, об истоках культа и сталинщины, об их преодолении, о гарантиях свободы и социалистической демократии.

В течение всей Недели можно приносить и присылать материалы для Стены памяти. Они будут затем переданы в музей Мемориала.

Информационный центр продолжает собирать сведения о тех, кто был репрессирован.

Весь сбор от мероприятий Недели будет перечислен в фонд Мемориала.

АДРЕС ДК МЭЛЗ: 105023, МОСКВА, ПЛ. ЖУРАВЛЕВА, 1.

В ПОИСКЕ

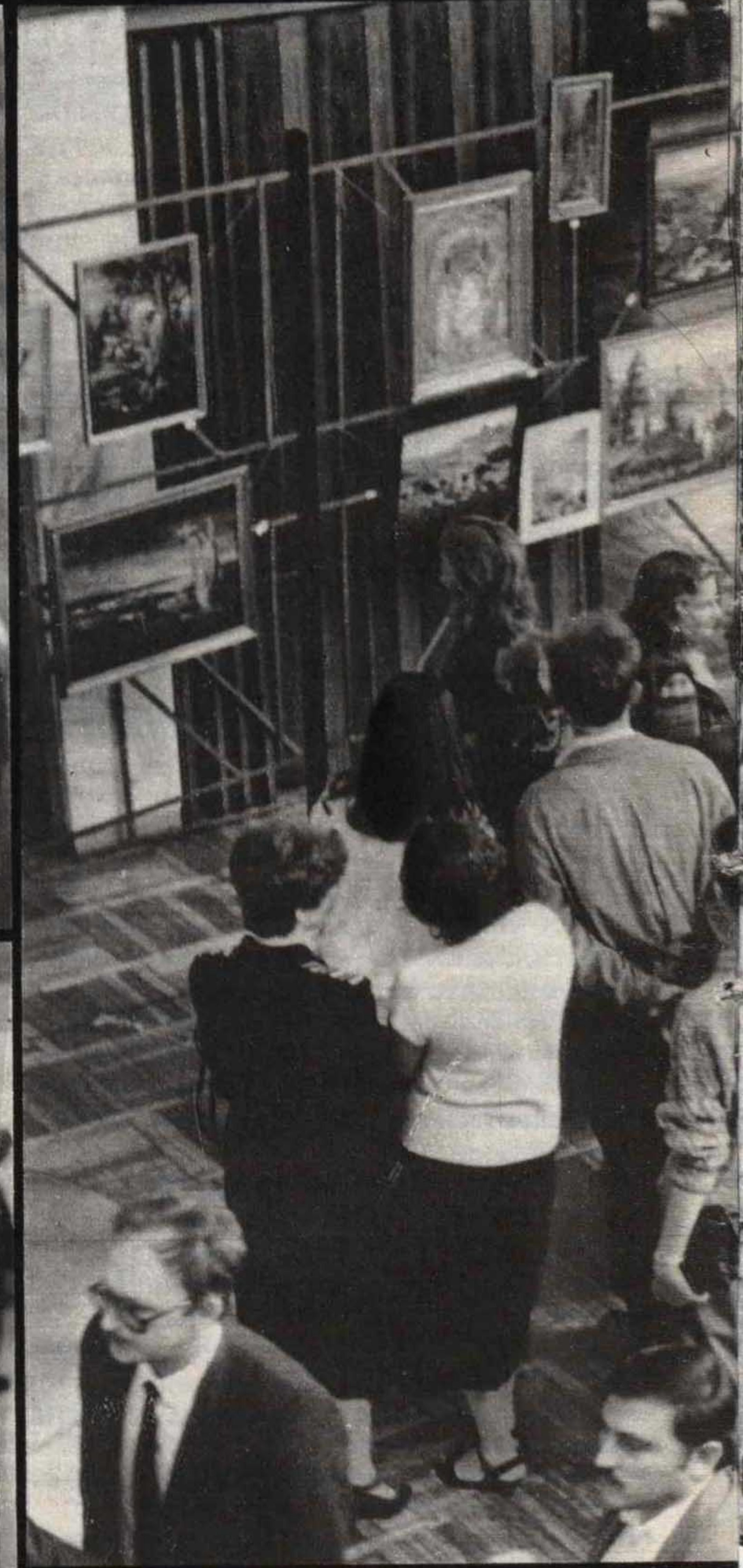
В просторном фойе Дома культуры в самом центре Тулы ползала черепаха. Афиша у входа сообщала о том, что здесь состоится празднование дня рождения (первая годовщина) городского Центра научно-технического творчества молодежи. Пожилая уже черепаха — довольно крупный экземпляр — бодро таскала на спине бумажный плакатик, для устойчивости сложенный «домиком», на котором прибывающие гости читали: «Я ждала вашей помощи 300 лет».

Актный зал дворца заполнили главным образом инженеры, проектировщики, научные работники.

Центр НТТМ — хозрасчетная, самостоятельная организация, имеющая собственную печать, статус юридического лица и расчетный счет в банке.

Движение НТТМ отнюдь не так молодо, как одноименный тульский Центр. Все выставки мира не в состоянии уместить хотя бы по одному опытному образцу научно-технической продукции, рожденной в нашей стране за год. Это неустаревающее движение по мощи можно уподобить океанскому течению. В то же время наблюдается встречное, не менее мощное течение, путь которого пролегает параллельно. Это потребности нашего производства в новых технологиях.

Так вот в Туле создана действующая модель механизма, который способен

органично сопрягать интересы свободного творчества с жесткими потребностями производства.

В известном смысле Центр можно считать посреднической фирмой, хотя спектр ее полномочий много шире. Основная же работа — выполнение заказов по хозяйственным силам временных творческих коллективов. Дело в том, что Центр выполняет те самые заказы на разработку проектов, с которыми нынешние его клиенты прежде могли обратиться только в специализированные НИИ, КБ. А разница в исполнении весьма велика: дешевле, качественнее, быстрее.

— Почти половина всех заказов, — рассказал директор Центра Борис Евсеевич Тенцер, — поступила от села. Центр уже передал заказчикам проектной документации на сотни километров газопроводов, шоссе, дорог, проекты объектов гражданского и жилищного строительства.

Вообще полномочия у Центра самые широкие — от создания кооперативов (четыре уже действуют), формирования строительных бригад до заключения деловых договоров с предприятиями зарубежных стран.

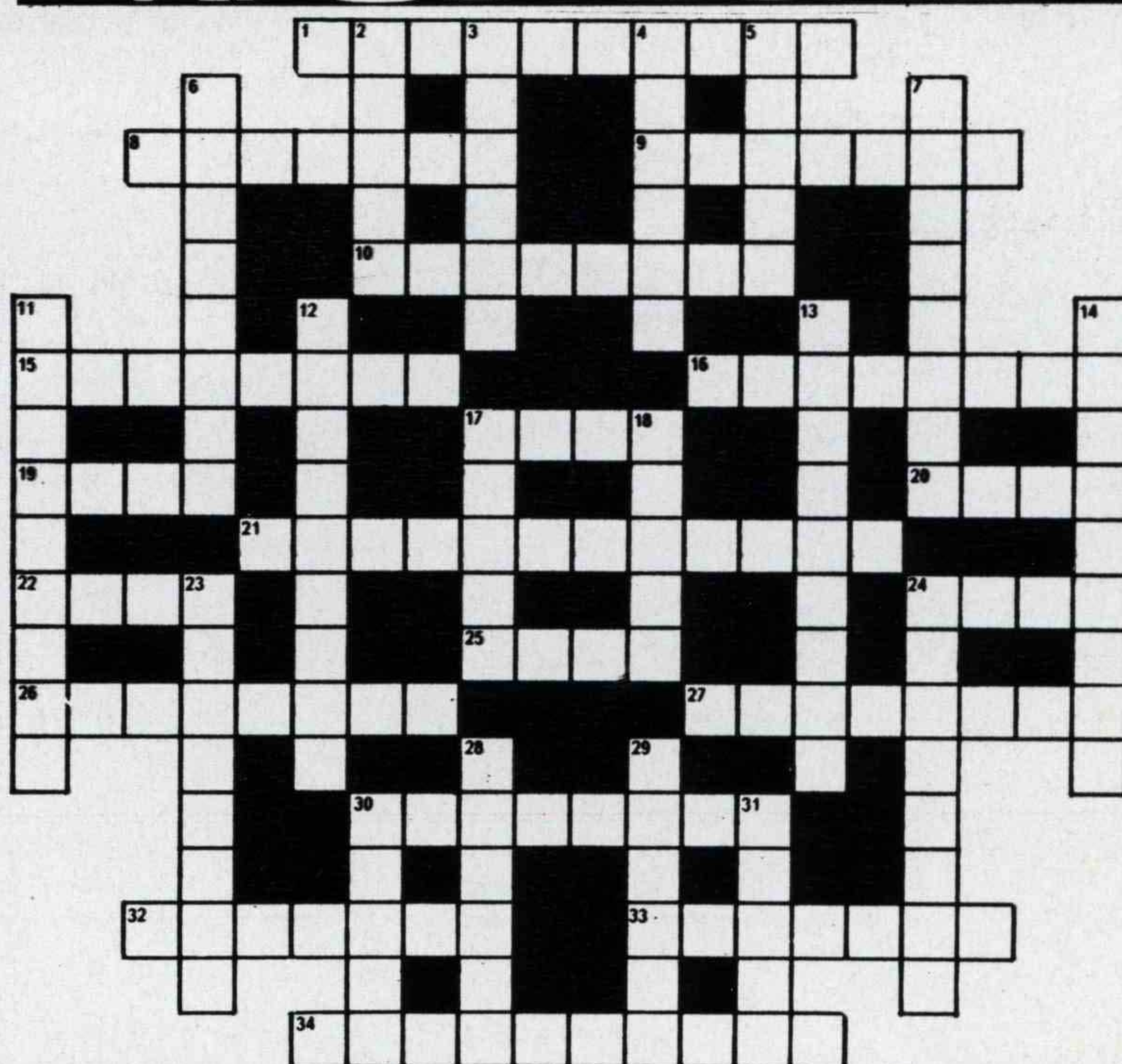
Двадцать семь процентов заработанных денег Центр отдает городу и области на развитие детского технического творчества. Но все равно остается прилично, и сумма этого остатка будет расти. Как распорядиться заработанным, будет решать совет трудового коллектива. Есть планы построить базу отдыха на Оке, спортивно-оздоровительный комплекс в городе.

При Центре создан кооператив «Экокультура». На средства Центра он разработает и осуществит проект реконструкции исторической части города. Это будет серьезная научная работа с привлечением крупных историков, археологов, экологов.

**Юрий СУРХАЙХАНОВ,
Анатолий БОЧНИН
(фото)**

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Исследование определенных вопросов для дачи заключения. 8. Выдающийся русский певец, бас. 9. Химический элемент, металл. 10. Норвежский полярный путешественник и исследователь. 15. Собственноручная надпись, подпись. 16. Повесть А. И. Куприна. 17. Спортивная гоночная лодка. 19. Приток Ангары. 20. Основное содержание творчества. 21. Офицерское звание. 22. Кондитерское изделие. 24. Крупная американская кошка, занесенная в Красную книгу. 25. Духовой музыкальный инструмент. 26. Живописное, графическое или скульптурное украшение. 27. Сорт капусты. 30. Наука о законах наследственности и изменчивости организмов. 32. Единица веса. 33. Добавочная кассета к фотоаппарату. 34. Город в Крыму.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Высушенная ткань кокосового ореха. 3. Наклонная площадка для въезда в гараж. 4. Путешественник. 5. Речной залив, заводь. 6. Плоская кривая линия. 7. Картина В. А. Тропинина. 11. Спортивная командная игра с мячом. 12. Выдающийся советский композитор, пианист и дирижер. 13. Массовое празднество, смотр. 14. Драгоценный камень. 17. Английский писатель, создатель жанра исторического романа. 18. Растительный мир. 23. Тонкий лист с отверстиями для получения повторяющихся рисунков, сложных фигур. 24. Ремень для ношения оружия. 28. Сербский писатель. 29. Древнегреческий струнный музыкальный инструмент. 30. Действующее лицо в опере Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». 31. Детский курорт в Краснодарском крае.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

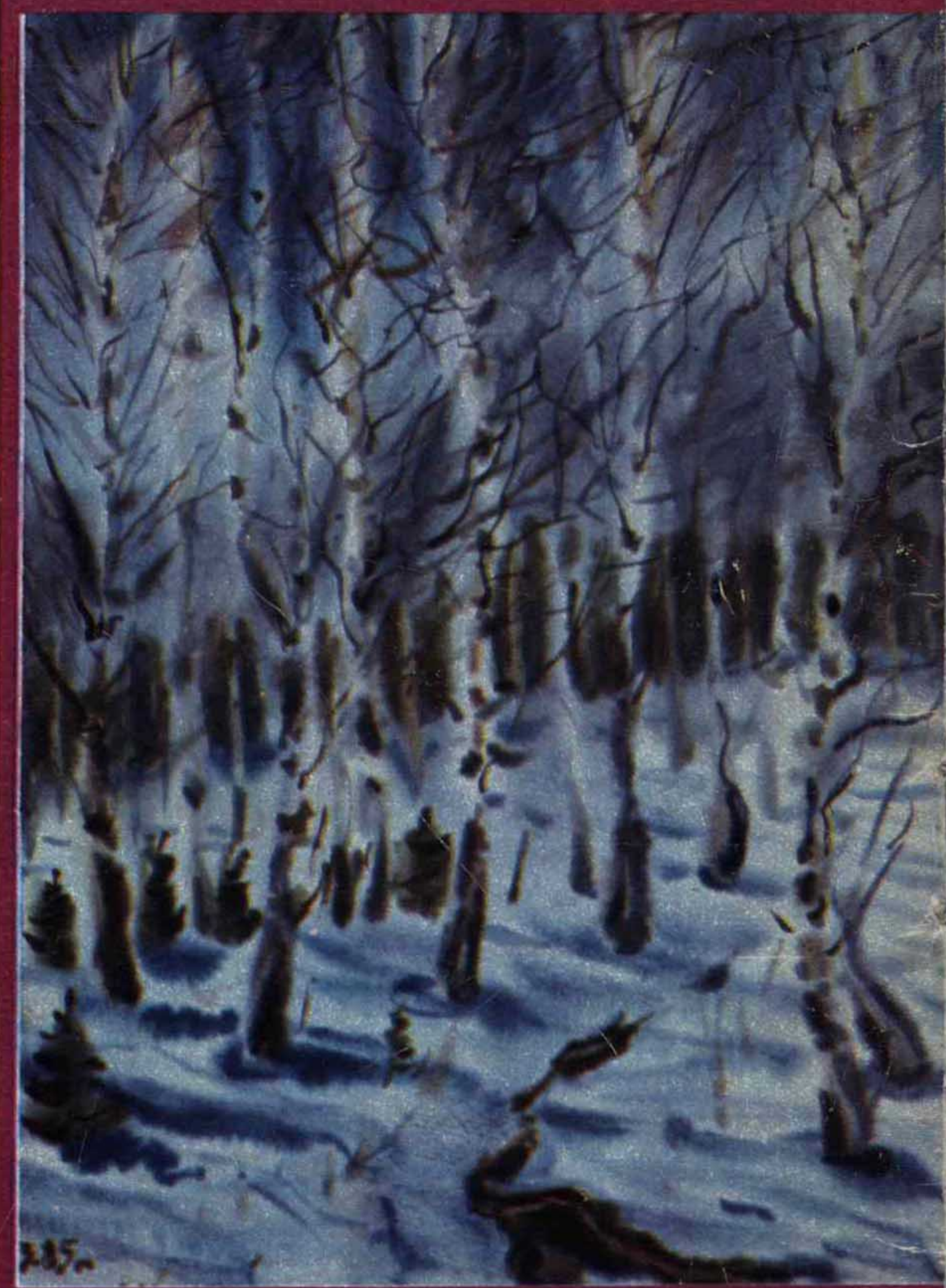
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Давыдов. 6. Бельше. 10. Турако. 11. Окорок. 12. Дециметр. 13. Ралли. 15. Акола. 16. Маяковский. 18. Расписание. 20. Арена. 21. «Вывод». 23. Федосеев. 25. Олонхо. 26. Истрия. 27. Смирнов. 28. Ровница.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Свирель. 2. Поход. 3. Тенор. 4. Ошурков. 5. Дутар. 7. Векуа. 8. Энциклопедия. 9. «Председатель». 14. Иматра. 15. Айтиев. 17. Керосин. 19. Гвардия. 20. Анонс. 22. Дияла. 23. Фотон. 24. Виток.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Гусейна МАГОМАЕВА, г. Буйнакск.

ОГОНЁК

СПАСТИ И СОХРАНИТЬ

Архитектор Л. Н. Лавренов во время отпуска любит путешествовать по русскому Северу, Заvolжью.

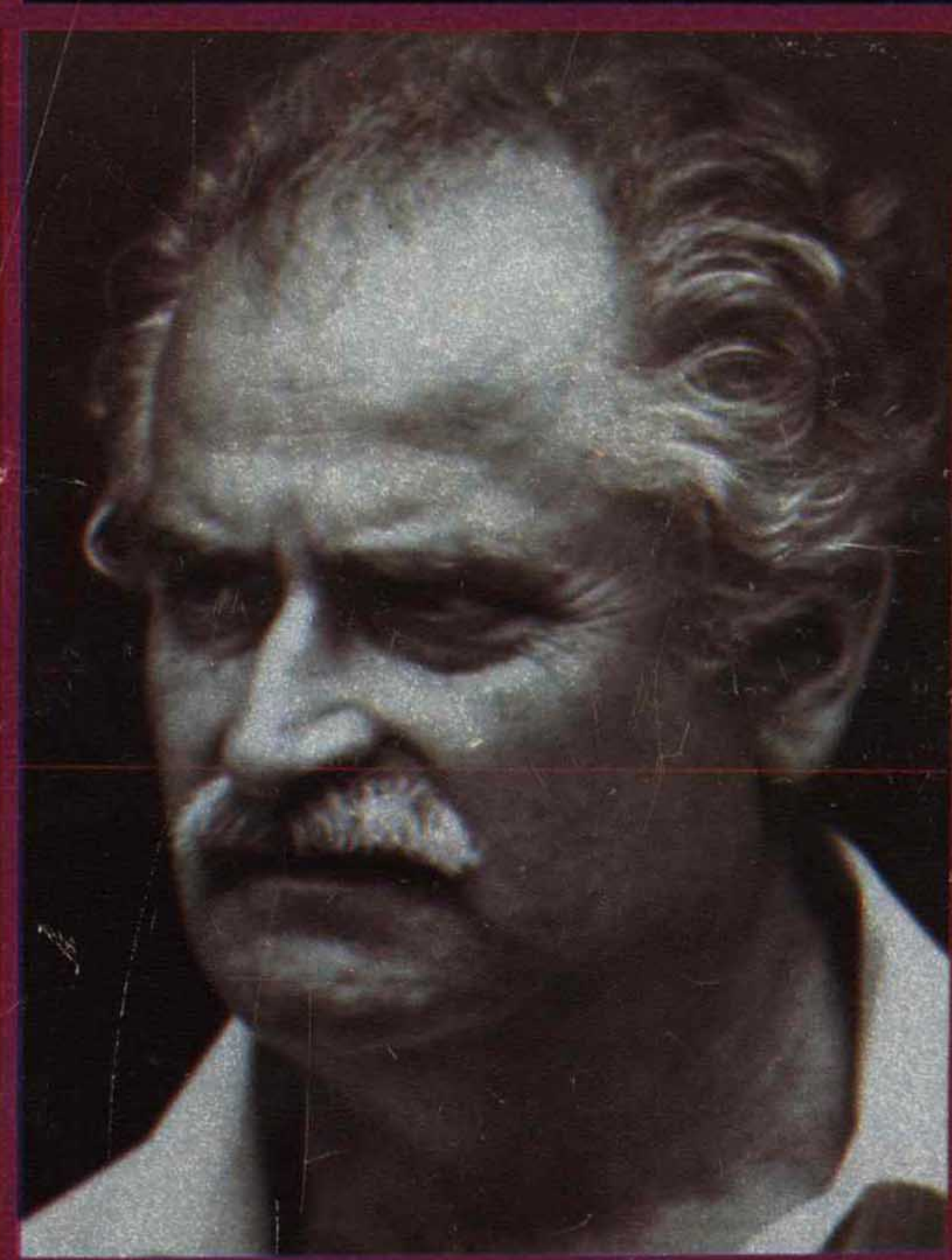
— В своих путешествиях, — рассказывает он, — я всегда делаю зарисовки с натуры — деревянные избы, церкви... Ведь сейчас состояние деревянной архитектуры у нас плачевно.

Хорошо, что пытаются спасти известный ансамбль в Кижах, но сколько существует менее знаменитых построек, которые буквально дышат на ладан, ведь их век — 200,

максимум 300 лет. Вот в Архангельской области избы, амбары, часовни частично переводят в Музей деревянного зодчества, в Малые Карелы. Но музей — это все-таки музей. И никогда ему не стать натурой.

По русскому Северу в свое время прошли художник И. Билибин и архитектор В. Сулов, их фотографии и обмеры использовал И. Грабарь в «Истории русского искусства». Сегодня интересно сравнить, что было и что стало...

Олег ТУРКОВ

ISSN 0131 — 0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

